

ISSN 0042-8779

ВИА

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

3

2017

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

3/2017 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Г.А. Кондратова** — Династия Рюриковичей московского периода: философско-исторический анализ 3

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

- Ю.П. Соловьёв** — Иван Григорьевич Щегловитов 24

СООБЩЕНИЯ

- Р.Ю. Болдырев, С.И. Невский** — Советская репарационная политика в Германии в 1945—1953 гг. 49
- Я.А. Лазарев** — Место украинской казацкой элиты в составе российского дворянства в первой половине 1760-х гг. 70
- А.В. Тихонова** — Участие швейцарцев в войне 1812 г. в составе Великой армии Наполеона 86

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

- С.М. Гасратян** — Отношения Израиля с Марокко и конфликт на Ближнем Востоке 98
- В.А. Занина** — История первой русской консульской миссии на османском Крите в 1784—1787 гг. 111

Выходит
с 1926 года

ООО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

Н.М. Игнатова — Феномен ударного и стахановского труда спецпереселенцев	129
Р.М. Абинякин — Освобождение бывших офицеров из советских концентрационных лагерей в 1920—1922 гг.	139
О.И. Капчинский — Противоречия между ОГПУ СССР и Наркомпросом РСФСР в сфере кинематографии	148
Д.А. Бахрамов — Развитие нефтяной промышленности Азербайджанской ССР в 70—80-е гг. XX в.	155

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

В.В. Машковцева — Миссионерская деятельность православного духовенства Вятской губернии среди старообрядцев во второй половине XIX в.	164
---	-----

ИСТОРИОГРАФИЯ

А.А. Михайлов — М.В. Владимирский. Красный Крым 1919 года	172
Ю.Е. Ивонин — Х. Духхардт. 1648. Год широких заголовков. Европа между кризисом и разломом	174

Династия Рюриковичей московского периода: философско-исторический анализ

Г.А. Кондратова

Аннотация. Статья является продолжением социально-философского анализа развития династии Рюриковичей киевского периода (I часть) на методологии разработанного целостного подхода. В его основе лежит концепция семейно-родовой целостности человека как создателя истории и авторский вариант теоретической схемы исторического процесса. Во второй части осмысливается роль династических поколений Рюриковичей московского периода в строительстве независимого Московского государства.

Ключевые слова: семейно-родовая целостность человека, династический и политический периоды, антропологическая, институциональная, динамическая структура, функциональная роль семейных поколений.

Abstract. This article is a continuation of the socio-philosophical analysis of the development of the Rurik dynasty of the Kievan period (part I) on the methodology developed holistic approach. It is based on the concept of family and patrimonial integrity of man as the Creator of history and the author's version of a theoretical scheme of the historical process. In the second part there is analyzed the role of dynastic generations of Rurikovich Moscow in construction period independent of the Moscow state.

Key words: family and patrimonial integrity of the person, political and dynastic periods, anthropological, institutional, dynamic structure, functional role of family generations.

Как показал анализ развития династии Рюриковичей, наиболее жизнеспособные родословные ветви зарождаются один раз в — третьем поколении каждого династического периода. Внук мудреца, став родоначальником новой ветви, начинает собственный династический период, тем самым, выполняя, как и его потомки, двойную/тройную поколенную функцию, что объясняет особенность общественной динамики. Чтобы различать династические ветви, обозначим их по трем критериям: по древу (стволу/государству) — Рюриковичами, по родо-

---

Кондратова Галина Александровна — доктор философских наук, профессор Института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета им. М.В.Ломоносова. Архангельск. E-mail: nicv2006@yandex.ru.

Kondratova Galina A. — doctor of philosophy, professor of the Institute of Social-Humanitarian and Political Sciences of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. Arkhangelsk. E-mail: nicv2006@yandex.ru.

начальнику ветви первого порядка — Мономаховичами, по родона-
чальнику ветви второго порядка — Даниловичами (остальные ветви
Рюриковичей мы не будем рассматривать).

Династические периоды обозначим по столицам: первый (ство-
ловой) назовем киевским, удельные периоды первого порядка в Се-
веро-Восточной Руси — владимирским, в Юго-Западной Руси — га-
лицким, в Северо-Западной — полоцким, и т.д. Третий удельный
период для Северо-Восточной Руси станет московским. Зарождение
родословных побегов-таксонов первого порядка в середине второго
киевского династического периода преобразовало его в переходные
удельные: для северо-восточной ветви Мономаховичей — в киевско-
владимирский, для юго-западной ветви — в киевско-галицкий, для
Брячиславичей — в киевско-полоцкий и т.д. Во втором, уже самосто-
ятельном, владимирском периоде, от внуков Александра Невского и
его братьев зарождаются таксоны второго порядка, которые тоже пре-
вращают его в переходный: для Даниловичей он стал владими́ро-мос-
ковским. Будем рассматривать деятельность поколений государственно-
образующей ветви Рюриковичей/Мономаховичей в ее собствен-
ных периодах. Картина развития правящей династии показывает, что
после своей политической смерти Киевская Русь продолжила истори-
ческое бытие в своих родословно-политических таксонах как их вир-
туальная корневая система, сохраняющаяся в метафизической почве
восточно-европейского ландшафта русской равнины.

Анализ истории Рюриковичей московского политического пери-
ода можно начать с итогов их развития к концу первого, киевского, в
пределах которого династия прошла два с половиной династических
периода, при этом во втором она раскололась на несколько ветвей,
начавших собственные первые удельно-династические периоды раз-
вития¹. К концу первого династического периода осталось два сына
Владимира Крестителя: бездетный Мстислав и Ярослав, а также внук
от старшего умершего сына Изяслава — Брячислав. К началу XII в. от
7 внуков Владимира выросли 11 его правнуков-устроителей, родона-
чальников династических таксонов первого порядка. Ветвь полоцких
Брячиславичей — от Владимира, остальные — от внуков Ярослава
Мудрого: Ростиславичи, Мстиславичи, Святополчичи, Ярополчичи,
Давыдовичи, Ярославичи, Ольговичи, Мономаховичи, Давыдовичи и
Борисовичи. Первый удельный период до конца прожили только 5
ветвей: Брячиславичи, Ростиславичи, Ярославичи, Ольговичи, а так-
же разделившаяся на юго-западную и северо-восточную линии ветвь
Мономаховичей, остальные угасли во 2-м, 3-м и 4-м поколениях. Из
оставшихся ветвей закончили второй киевский (первый переходный,
удельный) период обе линии Мономаховичей, Ярославичи и Ольгови-
чи. Пережили социокультурный коллапс XIII в. как удельные правите-
ли и вышли на третий киевский (второй удельный) период развития
Ярославичи, Ольговичи и обе ветви Мономаховичей. От старшего сына
Владимира Мономаха — Мстислава Великого — сформировалась вто-
рая галицкая династия в Юго-Западной Руси; от его сводного младше-
го брата Юрия Долгорукого крепла владими́ро-суздальская ветвь в Се-
веро-Восточной Руси. Из них державное сознание сохранили только
Мономаховичи, родившие в обеих своих ветвях сильных государствен-
ников — первого галицкого короля Даниила Романовича и великого

владимирского князя Александра Невского. Цель данной работы — выявить функциональную роль поколений Рюриковичей/Мономаховичей на каждом этапе и стадии становления и развития Московского централизованного государства во втором политическом периоде.

В начале каждого периода перед обществом всегда встает проблема выбора, от итогов которого зависят задачи, требующие решения. Выжившим на пространстве погибшей Киевской Руси «таксонам» русской народности предстояло ответить на вызовы Запада и Востока, задав себе гамлетовский вопрос: быть в истории или уйти из нее окончательно, став, по словам И.Я. Данилевского, этнографическим материалом для других народов. Чтобы «быть», следовало, во-первых, извлечь уроки из случившейся трагедии. Во-вторых, восстановить духовную основу жизни народа, чтобы, несмотря на различие сословных интересов, объединиться на принципе общего блага в борьбе за национальную независимость. В-третьих, найти руководителя, за которым пошел бы народ. В-четвертых, выбрать новый политический центр, будущую столицу восстанавливаемого государства. В-пятых, осознать необходимость более прочной монархии, способной стать сильнее восточной деспотии. Решение этих задач составило содержание второго политического периода развития Российской цивилизации.

Наиболее благоприятным условием для осмысления уроков истории стало монголо-татарское иго, которое признала северо-восточная часть русской народности. На протяжении двух с половиной столетий оно «воспитывало» ее, не давая угаснуть остаткам державного сознания во всех социальных слоях. Правда, с легкой руки Л.Н. Гумилёва часть отечественных историков усомнилась в его существовании, полагая, что между Русью и Ордой были своеобразные, полувассальные, полусоюзнические отношения. Однако разгром Руси невозможно отрицать, исторический же опыт завоеваний показывает, что победитель никогда не строит равных отношений с покоренными народами.

К сказанному добавим еще одно уточнение: в современной научной литературе термин «монголо-татары» стали часто заменять на «монголы». Правомерно ли это? Обратимся к двум авторитетным исследователям. У В.Н. Татищева, цитировавшего летописные первоисточники, читаем: «пришли народ незнаемый... Они называются татарами, кланяются солнцу, луне и огню. Некоторые между ними зовутся таурмены, иные зовутся команы, иные монги»². Гумилёв установил, что в средневековье родовое имя «татары» употреблялось как собирательное для многих племен Великой Степи, в XII в. к ним причисляли и монголов, обитавших в восточном Забайкалье. Это название утвердилось за ними окончательно после того, как под руководством прадеда Чингисхана монголы разгромили империю Сун. Покоренные ими китайцы обозначили их родовое имя своим иероглифом «мэн гу» — «получать древнее». С давних времен между ними шли локальные войны, во второй половине XII в. монголы добились победы и подчинили татар, которых в XIII в. стали причислять к монголам. Между собой два названия стали синонимами, хотя передовые отряды монгольского войска составляли татары, «так как их не жалели и ставили в самые опасные места». «Со временем название “татары” исчезло в Азии, зато так стали называть себя поволжские тюрки, подданные Золотой Орды»³. Таким образом, для русских монголы пред-

стали в виде своего авангарда — татар, но для самих монголов Северо-Восточная Русь осталась провинциальным Русским улусом их империи, не представлявшим особой ценности. Первоначально он управлялся татарами от имени верховного монгольского хана, но с образованием Золотой Орды во второй половине XIII в. русские князья стали получать ярлык из рук ее хана и ему же платить дань.

Однако история не стоит на месте: две народности продолжали свое развитие, при этом покоренная набирала силы, начав свой второй политический период с интеграции, а победительница вступила в стадию дезинтеграции своего первого политического периода. Такая разновременность исторического процесса способствовала постепенному ослаблению политической зависимости Руси и переходу к полусоюзническим отношениям с Ордой, которые прекратились к концу XV в., превратившись в отношения двух самостоятельных государств. Не считая себя вправе менять терминологию, оставим название «монголо-татары» не только потому, что оно существует в научно-исторической литературе более двух веков. Не менее значимо другое — изменяя название, мы переписываем данную страницу прошлого, лишая современных татар совместной с нами истории с ее темными и светлыми сторонами, без которых она перестает быть таковой, а монгольская империя в ее политическом таксоне — необходимым условием создания Российской империи.

На первом этапе внешней интеграции второго политического периода решался вопрос о выборе системообразующего родословного таксона внутри северо-восточной ветви Рюриковичей/Мономаховичей. Удар монголо-татар пришелся на 4-е и 5-е поколения киевских честолюбцев/удельных демократов всех ветвей Рюриковичей, деятельность которых имела удвоенный центробежный характер. Большинство их погибло вместе с семьями, из оставшихся в живых последним великим князем, самостоятельно получившим власть по киевской системе, был Ярослав Всеволодович (1191—1246). Он совершил два знаковых поступка: не оказал помощи брату, великому владимирскому князю Юрию, а после его гибели вместе с семьей первым из русских князей поехал в ставку монгольского хана просить ярлык, за получение которого, в конечном итоге, поплатился жизнью. Последующие князья назначались монгольским ханом по киевской системе старшинства. Из восьми сыновей Всеволода Большое Гнездо Борис, Глеб и Владимир умерли бездетными, Иван Стародубский не успел получить ярлык, поэтому его сыновья лишились права на престол. Время демократов завершился последний сын Всеволода — бездетный Святослав, не отличавшийся жаждой власти и вскоре умерший. Право на великое княжение передавалось пятому поколению тиранов, сыновьям двух братьев: Константина и Ярослава Всеволодовичей. Но сыновья Константина — Всеволод, Владимир и Василько — тоже не успели воспользоваться своим правом на престол, умерев при жизни дядей, поэтому круг претендентов сузился до 8 сыновей Ярослава II.

Первым из них начал борьбу за власть московский князь Михаил Хоробрит. Он согнал дядю Святослава с престола, развязав усобицу, но заплатил за это своей скорой смертью. Усобица не приняла большого размаха, так как оставшиеся князья думали о сохранении остатков русской народности, избавляясь от удельного сознания. Из

оставшихся Ярославичей пятого поколения Фёдор, Михаил, Даниил и Василий умерли бездетными, младший Константин не успел стать великим князем. Таким образом, круг претендентов на великое княжение опять сузился, уже до трех братьев: Александра Невского, Андрея Ярославича и Ярослава Ярославича III. Кроме них сохранились ветви — Мономаховичей смоленских, а также Ярославичей и Ольговичей чернигово-рязанских, князья которых не могли претендовать на великое княжение по старшинству, но могли бороться за него при поддержке хана. Борьба за ярлык стала горнилом, в котором зарождалась системообразующая династическая ветвь, которая должна была отличаться от остальных не политическим, экономическим или военным превосходством, которое всегда бывает временным, а духовным, обеспечивающим державный уровень сознания. Обратим внимание на его проявления в поступках князей и на обстоятельства, способствовавшие зарождению новой государственно-образующей ветви.

Державное сознание проявил только Александр Невский, уступив воле хана, отдавшего ярлык Андрею. И Андрей, использовавший власть ради своего усиления, и Ярослав, начавший усобицу с Александром при его жизни, не смогли мыслить по-государственному. В условиях Киевской Руси это привело бы к очередной усобице, но господство хана, как когда-то авторитет Мономаха, позволило избежать большего кровопролития. Только Александр, став великим князем, за свою короткую жизнь в полной мере выполнил двойную функцию. Как киевский устроитель он первый начал встраивать обессилевшие княжества в Русский улус Монгольской империи, стремясь ослабить бремя ее господства и жертвуя личным княжеским достоинством, заплатив за это в конечном итоге преждевременной смертью. Он сумел взвешенно оценить опасность ситуации для Руси, сделав исторический выбор в пользу Востока, поскольку монголам нужна была дань, а не земля, удалось сохранить православную веру, язык и все государственные структуры. Тем самым, он спасал выжившую часть русской народности от полного духовного и демографического истребления. К сказанному добавим: нет основания называть Александра Невского хитрым, как это делали спустя века некоторые историки, поскольку в основе хитрости всегда лежит обман ради своекорыстных интересов. Скорее это был капитан, отчетливо видевший в мутной воде социокультурного «шторма», накрывшего Русь, все подводные политические течения и камни, от нового удара о которые она могла окончательно развалиться. Осуществляя предельно осторожную и дальновидную государственную политику, постоянно лавируя между Ордой и своими братьями, Александр Невский выигрывал время для накопления сил. Последней его заслугой было державное сознание, духовная почва, которую он подготовил для прорастания новой государственно-образующей ветви на древе Рюриковичей/Мономаховичей.

В условиях внутридинастической борьбы элиты старых и новых центров начали выступления против владимирского князя, стремясь добиться для своих центров столичного статуса. В этих условиях киевско-владимирский династический период заканчивали братья Александра Невского — Ярослав Ярославич тверской и Василий Квашня. Первый, став великим князем, продолжал политику Невского, ук-

репляя границы на северо-западе и дважды пресекая попытки новгородцев освободиться от власти татар. Но по сравнению с Невским, он остался удельным князем: в самое тяжелое для Руси время начал соперничество с Александром, получив ярлык, чаще жил у себя в Твери, превращая ее тем самым в третий после Суздаля и Владимира великокняжеский центр Русского улуса, что усилило политический раскол. Воспитывая при себе младшего племянника-сироту Даниила, стал распоряжаться его небольшим Московским уделом. Таким образом, он оказался тираном скорее не общегосударственного, а удельного уровня, положив начало расколу Рюриковичей/Мономаховичей теперь уже на владимирскую и тверскую линии.

Василий Ярославич Квашня, который не смог проявить себя как сильный правитель, не оставил потомства, за что, видимо, и получил свое прозвище. С его преждевременной смертью закончился первый удельный переходный киевско-владимирский период.

Второй удельный династический, но теперь уже самостоятельный владимирский период продолжили честолюбцы/организаторы: сын Александра Невского Дмитрий Александрович и сын Ярослава Ярославича Михаил Ярославич. Из трех сыновей Андрея Ярославича Юрий служил тверскому князю, о Михаиле ничего не известно, о Василии же известно только то, что у него были два сына, один из которых продолжил род. Тем самым, потомки Андрея утратили право на ярлык. По праву старшинства его получил Дмитрий Александрович, однако его младший брат Андрей Городецкий действовал как ярый честолюбец: нарушив киевский закон и волю хана, он развязал междоусобную войну с братом. Насколько низок был уровень его державного сознания, свидетельствует событие 1292 г., когда совместно с другими князьями и татарами он разорил Владимиро-Суздальское княжество, вплоть до разграбления и уничтожения церковных святынь во Владимирских храмах. В конце XIII в. обстановка в Северо-Восточной Руси стала еще хуже, чем в конце XI в.: тогда Русь была независима, киевские князья помнили завещание Ярослава Мудрого, династия подготовила Владимира Мономаха, обладавшего государственной волей, сумевшего провести в 1097 г. Любечский съезд и, опираясь на народ, восстановить единство Киевской Руси. В конце XIII в. Русь стала Русским улусом, великий князь бегал по землям в поисках защиты от братьев, удельные родственники захватывали его имущество, разоряя то, что не могли унести, не думая о судьбе ни династии, ни страны. Самое печальное в этой истории то, что разрушителем стал младший сын Александра Невского, после смерти которого прошло всего 30 лет. В Северо-Восточной Руси XIII в. он был подобен Олегу Гориславичу в Киевской Руси XII века. Даже став великим князем после смерти Дмитрия, Андрей продолжал распрю с братьями. В этих условиях владимирские Мономаховичи пытались по примеру своих предков дважды организовать княжеские съезды, чтобы прекратить усобицу, но к общему согласию так и не пришли. Встал вопрос, смогут ли внуки Ярослава Всеволодовича, дети его сыновей Александра Невского и Ярослава, подняться до уровня державного сознания.

В этой критической обстановке произошло новое знаковое событие, ставшее первой ласточкой будущего духовного возрождения северо-восточной части русской народности. Как ни странно, благода-

ря власти Орды в Северо-Восточной Руси обстановка оказалась более упорядоченной, чем в южнорусских землях, где практически отсутствовала государственность. Это заставило главу православной церкви митрополита Максима в 1299 г. уйти из Киева во Владимир, перенеся в него церковную кафедру. Те из киевлян, кто не хотели переходить под власть татар, предпочитая сохранить личную и клановую свободу, разбежались по другим землям. Таким образом, с одной стороны, завершился мировоззренческий раскол русской народности, часть которой стала утрачивать свой социокультурный геном, с другой, — перенос кафедры во Владимир, спустя полтора столетия после вывоза русской святыни — иконы Богоматери — завершил переход православного центра из уже виртуальной Киевской Руси в обескровленную, но реальную Северо-Восточную Русь.

Наступивший XIV в. стал переломным в судьбе Рюриковичей/Мономаховичей, так как в борьбу за власть стало вступать третье поколение удельных владимирских устроителей — внуки Александра Невского московские князья Юрий и Иван Даниловичи, а также внук Ярослава Всеволодовича Тверского Михаил Ярославич. Почему в этом противостоянии победили москвичи Даниловичи? Кроме традиционных внешних причин ведущую роль сыграли особенности положения Даниловичей во владимирской ветви, а также их внутренние, духовные качества. Последний сын Александра Невского Даниил умер в 1303 г., на год раньше, чем его брат, великий князь Андрей Городецкий. Тем самым Даниловичи потеряли право на великое княжение, а тверичи, наоборот, получили наибольшее преимущество, оставшись единственными претендентами на ярлык по киевскому закону. Став династическими изгоями, внуки Невского оказались самыми неустойчивыми родословными «таксонами», окончательно выпавшими за пределы великокняжеского круга. Чтобы восстановить свой статус, им надо было в кратчайший срок вернуть утраченное право, а затем усовершенствовать киевскую систему наследования власти так, чтобы сохранить в ней лидирующее положение. Но такая задача требовала применения нетрадиционных методов, поскольку рассчитывать на поддержку своих родственников Даниловичам не приходилось. Вполне возможно, они понимали, что станут причиной новой волны усобиц, поэтому оставалось одно — использовать ханскую власть, перед которой все князья склоняли головы. Но для этого надо было заслужить, с одной стороны, — полное доверие и поддержку Орды, а с другой, — населения всех северо-восточных княжеств, поднявшись тем самым от удельного сознания к державному. В этом ключе вся дальнейшая политика московских князей выглядит логичной и необходимой.

Последний сын-честолюбец Даниил Александрович, будучи изгоем в доме своего дяди, великого князя Ярослава Ярославича, изнутри освоил мир династических хитросплетений в борьбе за власть, накопив и передав опыт политического маневрирования своим сыновьям. Но главной его «заслугой» стала преждевременная смерть, лишившая сыновей права на ярлык. С этих пор стремление быть в ближнем круге ордынского хана и знать внутреннюю ситуацию вокруг него, подчеркивая свою покорность, стало тактикой всех Даниловичей на протяжении следующего столетия. В 1304 г. Юрий Данилович, оспаривая в Орде ярлык у Михаила тверского, сделал первый нестандартный

шаг, уступив ему со словами: «Отец и брат, я слышу, что хочешь большую дань уступить и землю Русскую погубить. Сего ради, я тебе уступаю вотчину мою, да не гибнет земля Русская нас ради»⁴. Почти десятилетнюю борьбу с ним Юрий Данилович закончил в 1317 г. первым политическим успехом — получением ярлыка благодаря женитьбе на ханской сестре, но второй раз уступил Михаилу, угрожавшему разгромом Москвы. Казалось, борьба закончилась победой Твери. Однако с помощью татар Юрий обернул свое поражение в победу: смерть его жены в тверском плену была использована для расправы хана над Михаилом и возвращения ярлыка Юрию в третий раз. Парадокс: главной причиной победы московского князя была его военно-политическая слабость и зависимость от татар, делавшая его менее опасным для них, поскольку он не имел законного киевского права. Несмотря на его гибель в 1325 г. от рук сына Михаила и новую потерю ярлыка, он сделал главное — вернул сыновей в великокняжеский круг, нарушив киевскую систему наследования с помощью ордынского хана.

Погибшего брата, не оставившего детей, сменил Иван Данилович, которому пришлось начинать все сначала. Оставаясь в тени Юрия, он при нем дважды ездил в Орду, продолжая укреплять ее доверие к Москве. В результате после восстания Твери в 1327 г. именно он был вызван Узбеком и, награжденный ярлыком, отправлен на разгром Тверского княжества. Жертвы были велики, но их могло быть больше, если бы не руководство московского князя, земли которого остались нетронутыми. Таким образом, два политических противника каждый по-своему выполнили одну задачу спасения Руси. Великий князь Александр Михайлович тверской не допустил религиозного и политического переворота в русских княжествах (татары, принявшие в 1313 г. ислам, намеревались обратить в него все русское население и занять место русских князей в уделах), за что заплатил десятилетним самоизгнанием в Литву. Великий князь Иван московский сохранил от тотального уничтожения часть северо-восточной русской народности. Правда, ему пришлось разделить ярлык с суздальским князем Константином, родоначальником ветви суздальских Константиновичей, внуком Андрея Ярославича, решившим восстановить свое право. Видимо поэтому Калита за 12 лет великого княжения 8 раз ездил в Орду, живя в ней и войдя в круг татарской элиты. Повязанный с ней кровью убитых князей и жителей княжеств, рискуя жизнью своих сыновей, оставленных заложниками в Орде, он продолжал укреплять свое княжество, не жалея средств на богатые подарки хану. Дальнейшими его знаковыми действиями стали перенос митрополичьей кафедры из Владимира в Москву, превращение ее в третий по счету церковный центр. Возможно, не случайно именно в лесах Подмосковья начал подвижническую деятельность Сергей Радонежский — духовный восстановитель русской государственности. Знаковым можно считать и бездетность Юрия, на потомков которого могла бы пасть ханская опала, рождение же сыновей стало последней и главной заслугой Ивана Калиты как родоначальника ветви второго порядка на древе Рюриковичей/Мономаховичей. Они, находясь при хане на положении «гадких утят», были в большей безопасности и, оказавшись в пограничном пространстве между восточной и русской политическими системами, проникались духом восточной деспотии, наблюдая ее

принцип передачи власти от отца только к старшему сыну. Таким образом, владимирскому устроителю Ивану Даниловичу, ставшему московским мудрецом, удалось найти свое вассальное место в ордынской системе, вернуть ярлык, придать Москве статус северо-восточного центра, оттеснив Владимир и Тверь, и передать власть сыновьям.

После его смерти началось время четвертого поколения владимирских демократов и одновременно первого поколения московских честолюбцев-организаторов. При них, Симеоне и Иване Красном, политика Даниловичей дала первые результаты: Северо-Восточная Русь получила относительный мир, в условиях которого выросло поколение, избавлявшееся от страха перед татарами, трудом которого восстанавливалась хозяйственная и культурная основа жизни. Примечательно, что сильный правитель Симеон Гордый вместе с семьей умрет во время эпидемии, оставив княжение политически слабому брату: еще не настало время для независимых правителей, Москва должна была склонять голову, но показала способность стать объединяющим центром. Оставалось доказать это право.

Испытанием стал политический кризис конца 1370-х гг., свидетельствовавший о завершении первого этапа политической интеграции Северо-Восточной Руси и одновременно о моменте наибольшей дезинтеграции таксонов ветви Рюриковичей/Мономаховичей. Кризис проявился как в обострении борьбы за ярлык между представителями пятого поколения владимирских тиранов, так и в самой Орде, где ханский соперник Мамай рассчитывал добиться власти захватом Руси. Победа на Куликовом поле в 1380 г. под руководством Дмитрия Донского ознаменовала, с одной стороны, успешное преодоление кризиса и начало второго этапа политической интеграции, запуская процесс оформления московской централизованной монархии, а с другой, — завершение второго самостоятельного удельного владимирского периода и одновременно зарождение в лице Дмитрия Донского государственно-образующей ветви второго порядка — московских Рюриковичей/Мономаховичей/Даниловичей. Но главное, в Куликовской битве из северо-восточной части русской народности зародился великорусский народ — носитель державного сознания: «На Куликово поле собирались феодальные дружины и народные полки из разных русских земель... но обратно возвращалось в ореоле грозной славы войско единой Руси»⁵.

Князь Дмитрий, подобно прапрадеду Александру Невскому, стояв в борьбе с династическими соперниками и Ордой, успешно выполнил свою функцию владимирского тирана/мудреца, начав формировать военно-политическое и идеологическое единство Руси. Как внук-устроитель родоначальника Калиты, он укоренил московскую ветвь, родив девять сыновей (выжили 6) и трех дочерей, а также начал укреплять оборону новой столицы Москвы. В целом же, три поколения Даниловичей смогли решить две задачи, стоявшие в начале второго политического периода развития Руси: Москва стала политическим центром, Даниловичи — государственно-образующим элементом династии. Тверская ветвь, которую по внуку Ярослава Ярославича назовем Александровичами, проиграла Даниловичам, так как была самодостаточной по киевской системе и осталась на уровне удельного сознания, не усвоив уроки трагедий собственного рода. Об этом

свидетельствуют слова Александра Михайловича, объяснявшего свое возвращение на Русь через десять лет: «Если приму смерть здесь, что же мне будет и детям моим? Ибо увидят все народы, что отбежал от княжения своего и смерть принял, тогда дети мои будут лишены княжения своего»⁶. Прозрение пришло к нему только после того, как прощенный ханом, он заново развязал спор о вотчинах с Калитой и оказался перед угрозой гибели. Как и отец, в последние дни жизни Александр Михайлович сумел подняться над удельным честолюбием, приняв государственное решение: «если приду в Орду, смерти предан буду; если же не пойду к нему в Орду, то придет от него рать и много христианства пленено и убито будет. А вина тому всему я... лучше же мне будет одному за всех смерть принять»⁷. Самопожертвованием и гибелью сына тверской князь заплатил за свою разрушительную политику, внося собственный вклад в восстановление национальной независимости Московской Руси. Личным примером он показал, как должен и как не должен поступать русский человек, будь то правитель или рядовой житель. Правда, не все потомки тверской ветви Александровичей усвоили этот урок, хотя в целом она перестала быть главной противницей Москвы.

Со смертью Дмитрия Донского начался третий удельный владимирский период развития северо-восточной ветви Рюриковичей/Мономаховичей, сама же ветвь Даниловичей вступила в стадию своей первой дезинтеграции. В первой половине XV в. сыновьям-демократам и внукам-тиранам Донского предстояло решить сложнейшую задачу — выстоять в очередном витке междоусобной борьбы за власть и сохранить ее как государственно-образующую династию, завершив собственный удельный период. Их положение осложнялось тем, что по закону системного развития наступало время жизни поколения владимирских честолюбцев, деятельность которых порождала удвоенные центробежные тенденции внутри династии и в обществе. Но напомним, что эти разрушительные процессы в значительной степени ослаблялись центростремительной силой завершения интеграции во втором политическом периоде развития Российской цивилизации: Московское княжество шло к расцвету. Свидетельством усиления Даниловичей было завещание Дмитрия Ивановича, назначившего своим наследником старшего сына. Однако, оставив право на княжение следующему сыну, он подтвердил действие киевского закона внутри ветви Даниловичей. Жизнь должна была еще раз показать его несоответствие политическому единству общества и самой династии, поставив вопрос об усовершенствовании системы наследования власти.

Первым шагом Василия Дмитриевича, возвысившим его среди князей, стал брак с дочерью литовского князя Витовта Софьей, что давало относительную безопасность западным границам оформлявшейся Московской Руси. В течение всей своей жизни князю Василию пришлось вести борьбу с внутренними противниками-демократами. Прежде всего, с суздальско-нижегородскими князьям, которые через 20 лет, несмотря на присягу Дмитрию, в критической ситуации изменили Москве, а также с тверскими, рязанскими князьями, с Великим Новгородом и его Беломорским Севером. В 1395 г. ему выпало готовить отпор Тимуру и до конца жизни балансировать между слабеющей Ордой и наступавшей Литвой, которая могла перехватить

инициативу объединения Руси не по национальному, как Москва, а по западному варианту. Об этом свидетельствует обращение Витовта к войску перед началом похода во владения Орды в 1399 г: «если победим... посадим в Орде его хана Тохтамыша на всех владениях великих. И то будет все наше, и хан наш, а мы не только литовской землею будем владеть, но и всеми княжениями русскими обладать будем»⁸. Несмотря на поражение, Витовт остался опасным соседом, которого Василию пришлось сдерживать, неоднократно отправляя свою семью к тестю, примириться с его захватом Смоленска, откупаться от него богатыми дарами, порой безуспешно воевать с ним. Попытка использовать Орду в борьбе с Литвой и отказ выплачивать дань обернулись опустошительным нашествием татар и захватом значительной части русских земель литовским князем Свидригайлом. Примечательно, что летописцы того времени объясняли эти беды поведением «юных», которые «советы давали обо всем, и разногласиям, и ратям, и кровопролитию радовались, тем и многие в них неустрашения бывали... ибо не было в то время на Москве бояр старых»⁹. Добавим, что множество их погибло в сражениях с татарами и Литвой. Это подтверждает наш вывод о времени молодых демократов при Василии — самоуверенных, с удельным сознанием, похожих на Витовта. К концу 10-х гг. XV в. Московская Русь настолько опустела, что встал вопрос, сможет ли она сохраниться, но все же Василию Дмитриевичу удалось отстоять ведущее положение ветви Даниловичей и столичный статус Москвы. Последним знаковым деянием великого князя была подготовка передачи власти своему старшему сыну Василию: в 1420 г. он потребовал присяги от братьев. Отказ младшего свидетельствовал о сохранении удельного сознания в потомках Дмитрия, став первым признаком надвигающегося раскола ветви Даниловичей. В этих условиях Василий Дмитриевича принял нестандартное решение — в 1425 г. назначил Витовта опекуном своего десятилетнего сына Василия. Тем самым, для восстановления права на великое княжение и его усовершенствование Даниловичи использовали своих стратегических противников. «Внедрившись» в семью ордынского хана, они получили ярлык и с его помощью удерживали великое княжение, чтобы затем «внедриться» в семью литовского правителя и через сто лет с его помощью начать замену киевской системы наследования московской.

Смерть великого князя, едва сдерживавшего центробежные силы в обществе, развязала руки старшему поколению московских демократов в борьбе против малолетнего московского «тирана» (владимирского устроителя). Начался открытый дезинтеграционный кризис, 25-летняя гражданская война, в ходе которой решался вопрос, сохранится ли московская система наследования власти и Московская Русь. Первую политическую линию олицетворял Василий Васильевич, вторую — его дядя Юрий Дмитриевич Галицко-Звенигородский и его сыновья. Однако время работало на созидателей. Война шла с переменным успехом, раскол русское общество на два лагеря и открыв дорогу для набегов с востока и запада. Василий показал себя как политически слабый правитель: он лишился власти, потерпел поражение от татар, попал к ним в плен, был выкуплен народом, но сдал власть двоюродному брату, был ослеплен им и заточен в тюрьму вместе с семьей. Казалось, история пошла вспять, Москва уподобилась Киеву

середины XII века. Возникает вопрос: почему слепой, политически немощный «тиран» остался на престоле, почему народ поддержал именно его? Как ни странно, функциональная слабость, поражения и трагическая судьба Василия Васильевича имели не меньшее значение для становления независимого Московского государства, чем успехи его предков. Политическая немощь великого князя, усилив рост беспорядков внутри страны до критического градуса, поставила общество на край гибели, и только это помогло всем прозреть, вернув в 1446 г. законного монарха на престол. Народ, вызванный в очередной раз к политической жизни слабостью правящей династии, «проголосовал» за законного монаха ногами, выбрав московскую систему наследования.

Небольшой эпизод показывает степень активности и готовности рядовых людей действовать во имя общего блага. После пленения великого князя в 1445 г. в Москве произошел опустошительный пожар, заставивший всю элиту бежать из Москвы, после чего в городе начались паника и мародерство. Именно среди рядовых жителей нашлись те, кто организовал защиту столицы. Избивая беглецов и возвращая их назад, они заставили всех оставшихся восстанавливать городские ворота, свои дома, взяли под контроль ситуацию и погасили панику. Кризис был преодолен, Московская Русь стала восстанавливаться усилиями поколения тиранов. К началу 50-х гг. XV в. Василию Васильевичу удалось восстановить положение и подавить последние очаги противодействия соперников. Однако кроме политических потрясений за 37 лет его правления Русь пережила 15 татарских малых и больших набегов, 5 литовских разорений и 2 немецких вторжения. Все это происходило на фоне продолжавшихся стихийных бедствий и тотальных эпидемий, одну из которых, 1427 г., современники сравнивали с Всемирным Потопом, отмечая, что после нее люди стали тщедушны, малорослы и меньше жили.

Однако главный вопрос заключался в другом: сохранится ли русский народ как носитель православия, поскольку именно к концу 30-х гг. XV в. вновь возникла опасность мировоззренческой интервенции со стороны католической церкви, добившейся, наконец, унии с православными иерархами на VIII Вселенском Соборе в 1439 году. Из них только один митрополит Марк, представлявший александрийского патриарха, выступил против унии: «О латины, латины, если буйства своего не оставите, несправедливо говорящие на семь богосоставленных соборов святых отцов вселенских и учителей... да будет известно вам, что от сего часа буйных своих ложных речей скоро перестанете говорить... ибо же во святых правилах писано есть, кто от заповедей святых отцов вселенских учителей изменит или отвергнет, да будет проклят»¹⁰. Примечательно, что после этих слов византийский император, поддержавший унию, вышел из зала: через 13 лет будет «выброшена» из истории и его империя. Принял унию и представитель русской церкви митрополит Исидор, получивший образование в Италии, и уехавший на Собор без разрешения Василия. Когда, вернувшись в Москву, он начал распространять униатство по всей стране, политически слабый и физически слепой Василий Васильевич оказался единственным, кто остался тверд и зряч в делах веры, добившись осуждения Исидора и проведя выборы нового митрополита из русской среды.

Совместными усилиями великого князя и народа был преодолен затяжной, дезинтеграционный кризис, и родилась новая государственно-образующая ветвь Даниловичей, сумевшая завершить первый московский, пока еще удельный период. Оставалось достичь конечной цели — добиться независимости от Орды и тем самым вернуться в историю.

Со смертью Василия Васильевича (примечательно, что он назван не Слепым, а Темным) начался второй московский удельный период, открытый вторым поколением честолюбцев во всех ветвях северо-восточных Рюриковичей/Мономаховичей, деятельность которых усиливала центробежные тенденции в обществе, поскольку они были одновременно владимирскими демократами. В этих условиях вступившему на престол Ивану Васильевичу предстояло завершить работу своих предков: закрепить московскую систему наследования власти, усилить власть центра, совершенствуя государственный аппарат, подавить последние очаги сопротивления внутри ветви Даниловичей и удельный сепаратизм остальных князей, провести границы Московской Руси, добиться государственной независимости и наладить дипломатические отношения с другими странами. Решая столь сложные и многогранные задачи, Иван Васильевич показал себя не столько удельным честолюбцем, сколько политическим организатором-оформителем своего княжества. Первую задачу — закрепление московского порядка наследования — он начал, как и его дед, с укрепления преемственности в тезоименитстве, назвав сына своим именем и сделав соправителем без разрешения Орды. После его неожиданной смерти провел государственный обряд венчания старшего внука Дмитрия, узаконив тем самым московскую систему наследования по прямой, нисходящей по образцу ордынской. Он же впервые использовал восточную традицию жестокого произвола, самолично лишив внука наследственного права, заключив его в тюрьму, но не по личным мотивам, а ради сохранения сильной власти монарха. Жестокость в отношении близких он объяснил государственной необходимостью: «Жаль мне сильно брата моего и не хочу изгубить его, а на себе порока положить, а освободить не могу из-за того, что не единожды зло на меня замышлял и братию уговаривал, а потом каялся. И ныне снова начал зло на меня замышлять и людей моих к себе притягивать. Да то бы и ничто, а когда умру, то будет он доставать великое княжение. А внуку моему великим князем быть, и он, коли собой того не доставит, то смутит детей моих и будут воевать между собою, и татары, придя, видя в нестроении, будут землю Русскую губить, жечь и пленить, и дань возложат снова, и кровь христианская будет литься, как прежде было. А что я столько потрудился, то будет все ни во что, и вы будете рабами татарам... сие слышав, все умолкли и не смогли ничего сказать»¹¹. Однако, ослабив на тот момент своих противников, он дал опасный пример отмены едва установившегося закона в будущем. Важнейшим средством укрепления верховного статуса московского князя было его новое величание — «государь», приобретенное в борьбе с Новгородом, а также второй брак с Софьей Палеолог, позволивший русскому митрополиту впервые применить титул «царь» при венчании Дмитрия. Это создало почву для осознания смысла существования всей Московской Руси и выработки в дальнейшем государственной идеологии «Москва — Третий Рим».

Ивану Васильевичу удалось решить все задачи по оформлению и усовершенствованию Московского княжества, превратив его в самостоятельное централизованное государство, вернувшееся в историю более прочным, чем была Киевская Русь. С точки зрения закона системного развития общества, Иван Васильевич второй раз в истории Руси, после Андрея Боголюбского, зарождал самодержавную суть русской монархии как базовой формы национальной государственности, точнее, добавлял к двум усовершенствованным ее элементам (московской системе наследования и любви к отечеству) восточный элемент, унаследованный от татар, — произвол. Оставалось родить самодержавие как их неразрывное триединство, что предстояло сделать его потомкам в XVI веке. Кроме того, многогранная успешная деятельность Ивана Васильевича, насыщенная судьбоносными событиями и решениями, ускорила течение исторического времени. Это позволило ему завершить оформление московской государственности в шестом поколении Даниловичей в пределах второго этапа интеграции второго политического периода, превратив тем самым московский удельный период в политический.

В 1505 г. на престол вступил сын Ивана III Василий Иванович. Будучи московским династическим строителем, он одновременно был политическим демократом, способным нарушить традиции, открывая стадию дезинтеграции династии и Московского государства. Как строитель он доделывал то, что не успел его отец: завершил территориальное объединение русских княжеств, жестко расправился с претендентами на престол, снова заточил сводного брата Дмитрия с матерью, запретив остальным братьям жениться, чтобы не иметь конкурентов на престол, сажал в тюрьмы всех заподозренных в измене. Укрепляя границы, строил порубежные крепости, стремился наладить внешнеполитические связи с помощью династических браков. В предсмертном завещании Василий Иванович утвердил необходимость венчания на царство своего малолетнего сына Ивана. Но в то же время, как демократ он нарушил церковные каноны, добившись развода с женой и заключив второй брак с представительницей рода князей Глинских, служивших ранее Литве. Это стало первым признаком наступавшей династической дезинтеграции, вылившейся в политическую, поскольку приход Глинских привел к образованию враждующих кланов в русской политической элите.

После смерти Василия Ивановича началась государственная деятельность династических демократов в лице Глинской, относившейся к ним по своему возрасту, проявившей в полной мере стремление к власти и своеволие, обостренные невысоким положением ее рода. Выйдя за пределы семейного круга, она должна была отстаивать свое право управлять страной от имени сына на протяжении пяти лет, продолжая политику мужа по укреплению государства. На фоне предшествующих потерь преследование Еленой Андрея Ивановича Старицкого, а затем и ее неожиданная смерть выглядят средствами устранения ветви Даниловичей от престола, поскольку от нее остался один законный здоровый малолетний наследник. С 1538 г. начался десятилетний политическо-династический кризис, в ходе которого руками княжеско-боярских родов разрушалось централизованное монархическое государство.

В эпицентре этой кровавой обстановки выросал и формировался как глава государства Иван Васильевич, представлявший по отцу чет-

вертое поколение московских династических демократов/владимирских честолюбцев, однако по возрасту он принадлежал к пятому поколению тиранов. Ему пришлось с детства наблюдать и страдать от «демократического» разгула четвертого поколения своих старших близких и дальних родственников, в среде которых он оказался «гадким утенком», лишенным почти всякой поддержки. Но, видимо, это было необходимо: физическая и политическая немощ сироты стала оселком, на котором «измерялась» степень державного сознания элиты, возможно, уверенной, что он никогда не станет правителем. Поведение ее значительной части показало, что она быстро забыла исторические уроки и, уподобляясь киевским князьям, поставила под вопрос сохранение недавно обретенной национальной независимости. В то же время для наследника политический кризис был суровой школой государственного воспитания: надо было лично пережить унижение и последствия княжеско-боярского своеволия, чтобы увидеть их истинное лицо и смертельную опасность, как для себя, так и для страны. И если в отроческие годы он мало чем отличался от них, то с вступлением на престол, под влиянием митрополита и молодой жены, проявил лучшее качество своего рода — державное сознание.

Традиционно время правления Ивана Васильевича разделяется на два этапа. Добавим, что на первом этапе он успешно выполнил функции демократа, но демократизм он понимал иначе, чем его современники. Правление Ивана началось с восстановления собственной духовной основы: вопреки мнению окружения он выбрал жену по любви, считая, что с иностранкой «у нас нечто норovy будут разные, ино между нами тщета будет; и яз отче умыслил и хочу женитися в своем государстве»¹². Отстоял он и право на венчание, а, став царем, обуздал личное своеволие, публично обратившись к народу с покаянием и призывом жить по справедливости и вместе укреплять государство. Но, восстанавливая в короткий срок с помощью реформ централизованное государство, он преобразовал его в сословно-представительное, опираясь на вечевые традиции и придав им форму Земского собора. В отличие от английского парламента, русский орган работал на усиление власти монарха, и попытка позднее с его помощью ограничить, а возможно, и отстранить царя от власти, закончилась провалом. Началом демократизации административной системы можно считать ограничение наместничества и введение института выборных старост, упорядочение управления и законодательное закрепление преобразований. Однако при разгроме Казани царю пришлось действовать как тирану, так же как и в ходе Ливонской войны, против плана которой выступила политическая элита, предпочитавшая получать предметы роскоши с юга, а не промышленные товары с запада.

Не доверяя даже ближнему окружению, Иван Васильевич дважды устроил для них «государственный экзамен». В первый раз он, возможно, разыграл спектакль «умирания» во время своей болезни, чтобы воочию увидеть, как поведут себя его «собинные друзья» и окружение после его смерти, будут ли они присягать законному наследнику, следуя московской системе. На первый взгляд, правы были те, кто боялся малолетства наследника, помня разрушительные последствия недавнего прошлого и считая, что на престоле должен быть взрослый член династии. Однако отказ присягать царевичу-«пеленочнику» был на-

рушением московского принципа престолонаследования, вмешательство же элиты автоматически лишало выбранного ею монарха полноты власти, которой добивался Иван. Печальная череда последовавших за этим смертей немногих близких ему людей — сыновей, любимой жены, митрополита, воспитывавшего и наставлявшего молодого монарха, — а также глухое сопротивление войне с Ливонией привели к окончательному разрыву с княжеско-боярским окружением.

Насколько велика была мировоззренческая пропасть между ним и царем свидетельствует письмо Андрея Курбского, потомка западной ветви Мономаховичей, типичного европейского вассала. Возмущаясь, он напоминал Ивану: «потрудишься многими потоми и терпением... но всегда в дальноконных градах твоих против врагов твоих ополчяхся, претерпевах естественныя болезни... паче же учащен был ранами от варварских рук в различных битвах... Но тебе царю, вся сия ни во что же бысть... дела мои, их же сотворил на похвалу». Царь же видел в нем все боярство, не выполнявшее свой долг перед государством и способное на измену в критической ситуации: «Литовская брань учинилася вашею изменою и недоброхотством и нерадением безсовестным... Какое же не усрамишися раба своего Васки Шибанова. Еже убо он свое благочестие соблюде, пред царем и пред всем народом, при смертных вратах стоя, и крестного ради целования тебе не отвержеся, и похваляя всячески умерети за тебя тщашеся... Ты же убо сего благочестию не поревновал еси... И ты все забыл еси... преступив крестное целование, ко врагом христианским соединился еси»¹³.

В середине 1560-х гг. противостояние двух политических сил — государственно-созидающей и государственно-разрушающей грозило закончиться отстранением Ивана и гибелью всех Даниловичей, но царю удалось опередить противников, организовав второй, уже трагический политический спектакль, чтобы защитить себя негодующим народом, понимавшим опасность боярства не меньше царя. Проведение опричнины стало апогеем его борьбы за сохранение государства и рождение самодержавия. Иван Васильевич соединил в неразрывную целостность «шапки Мономаха» три ранее наработанных политических института, отражающих природу человека: московскую родословную систему наследования власти по прямой нисходящей; любовь к Родине каждого человека и осознание им своего долга перед родиной и произвол монарха по отношению к тем, кто его не выполняет. Все это делалось во имя сбережения православного государства, противостоящего злу. Так Иван стал Грозным, а Московское государство преобразовалось в многонациональную и многоконфессиональную Россию.

Однако царю не удалось полностью искоренить удельное сознание княжеско-боярской элиты: родившийся «самодержавный младенец» мог быть ею задушен, не достигнув и отрочества. Насколько оно живуче в поколениях семейных родов как принцип жизни «до сэбэ», показывает родословная история последнего Рюриковича на престоле, Василия Шуйского, потомка Андрея Ярославича, брата Александра Невского в 12—13 поколении ветви суздальских Рюриковичей/Мономаховичей/Константиновичей. Если по линии Невского в пятом поколении родился Дмитрий Донской, то по линии Андрея — Василий Кирдяпа, пытавшийся отобрать у него великое княжение в момент наибольшей опасности для Руси. В XV в., будучи уже безу-

дельными, Шуйские активно боролись против Василия Темного. В XVI в. они издевались над малолетним Иваном и расхищали царское имущество. Спустя 20 лет после смерти Грозного боярский клан сделал то, чего всегда боялся Иван: царь Шуйский сдал Россию польско-шведским интервентам, подтвердив правоту Грозного.

Насколько же необходимо было самодержавие в тех условиях, указывает план немецкого посланника Г. Штадена. Он предполагал, во-первых, захват царской семьи, вывоз ее в Саксонские горы и устранивание массовыми казнями русских пленников. В своем описании будущих расправ автор доходит до таких подробностей, что приходится сделать вывод о высшей степени его личной ненависти к царской семье. Напомним, Рюриковичи остались единственной из европейских правящих династий, сохранившейся на престоле со времен раннего Средневековья и сумевшей создать столь мощное государство. Возможно, причиной было и то, что ветвь Даниловичей вела родословную от Гиды, дочери последнего законного короля Англии Гарольда, убитого нормандцами в 1066 году. Во-вторых, присвоение государевой казны, которая «вся из чистого золота и год от года умножалась стараниями прежде бывших князей... и с тою великой казной, которую всеми правдами и неправдами собрал теперешний великий князь... вывезти в Священную Римскую империю римского императора Рудольфа». В-третьих, предусматривалось закрытие монастырей и церквей, которые со временем разрушатся, и, в-четвертых, «если угодно, чтобы лучше ею управлять, можно разделить на 2 или на 3 части, ибо она очень обширна»¹⁴.

Таким образом, на втором этапе своей государственной деятельности Иван Васильевич сумел выполнить вторую функцию диктаторского и политического тирана. Примечательно, что так его обозначили потомки-историки, современники же называли Грозным. Не касаясь спорного вопроса о приемлемости тирании как средства решения государственных проблем, процитируем стороннего наблюдателя этих событий, того же Штадена: «Хотя всемогущий Бог и наказал Русскую землю так тяжко и жестоко, что никто и описать не сумеет, все же нынешний великий князь достиг того, что по всей русской земле, по всей державе — одна вера, один вес, одна мера. Все, что ни прикажет он, — все исполняется и все, что запретит, — действительно остается под запретом. Никто ему не перечит: ни духовные, ни миряне»¹⁵. Однако победа во имя общего блага была достигнута Иваном Грозным ценой нечеловеческих усилий, исковерканной судьбой, потерей семьи (7 жен и 3 сына), пресечением династии Рюриковичей, личной виной за кровь убитых, но главное — обвинениями в злодействах со стороны всех потомков.

На наш взгляд, большинство существующих оценок носят эмпирический характер, при котором, во-первых, критерием является та или иная внешняя сторона изучаемого явления, либо деятельности человека (ближайшие причины, по Аристотелю); во-вторых, ценностная установка исследователя. Первые научные выводы, определившие двойственный портрет Ивана Васильевича, сделали историки второй половины XIX в., представлявшие поколение политических демократов, вдохновленных либерализмом с его идеей личной свободы. Один из последних выводов принадлежит ведущему современному историку И.Я. Фроянову: «Покаяние народа во главе со своим власти-

телем, преследующее цель духовного очищения и устройства жизни на предписанных Богом началах, — это явление небывалое в отечественной и мировой истории»¹⁶. Хочется добавить, что это онтологический уровень осмысления, требующий ответа на главный вопрос — во имя чего действует правитель: себя или народа (какова конечная цель). При этом повсеместно допускается ошибка: о значении идеи судят по результатам ее применения, не учитывая, что реализатор может извратить ее, и тогда «с грязной водой выплескивают ребенка».

Размышляя над деятельностью Ивана Грозного в контексте «конечной цели» и политической периодизации, следует сказать, что главной его заслугой была успешно выполненная им функция мудреца, заканчивающего второй период российской истории. «Рожденная» им сословно-представительная монархия должна была пройти полный политический период развития, то есть оформиться, показать все сильные и слабые стороны, чтобы затем родиться самодержавием, опирающимся на законодательно оформленный представительный орган, свой второй «полюс». Но элита, не признав самодержавия, ввергла Россию в Смуту XVII в.: за семь лет страна откатилась на семь столетий назад, пройдя в обратном порядке все предшествующие варианты монархии: от абсолютизма до призыва варягов. Только угроза гибели заставила активное большинство народа восстановить самодержавие, однако своего законодательно оформленного «полюса», обеспечивающего его прямую связь с народом, оно не получило.

Грозный понимал, что времени у России нет: выбравшись из-под одного политического ярма, она может оказаться под еще более страшным тотальным гнетом католического Запада, как это случится позднее с русскими княжествами в Речи Посполитой. Благодаря своей исторической прозорливости и сильной государственной воле, наперекор большинству зажиточных сословий, Грозный заставил народ совершить невозможное — минуя целую пространственную столетнюю политическую спираль развития, превозмогать временную вертикаль ее качественного становления, выполнив функции четырех своих будущих, не родившихся династических поколений. Что касается тиранства, то его степень, видимая его потомками, есть лишь зеркальное отражение степени злодейства тех внутренних и внешних разрушительных сил, которые стремились не допустить рождения сильной России. В чрезвычайных условиях во имя сохранения страны, правитель обязан идти на крайние меры, и вина за их последствия лежит, прежде всего, на тех, кто не выполнял свой государственный долг.

После смерти Ивана на престол вступил сын Грозного Фёдор, который формально представлял пятое поколение московских династических тиранов (если исключить Глинскую). Но эту функцию за него выполнил отец, Фёдор же скорее был его противоположным духовным ликом, искупавшим невольные грехи Грозного своим образом жизни. Частью иностранцев он воспринимался как умственно слабый, другими — как образец правителя, вызывая уважение к себе со стороны монархов и дипломатов. Нежелание власти в среде жаждущих ее всегда расценивается как ненормальность, однако вынужденный принять престол Фёдор твердо продолжал политику отца: закрепил венчание на царство как обязательный государственный обряд, прекратил террор, упорядочил расшатанное внутреннее управление, укреплял

новые границы России в Сибири, сам готовил оборону Москвы при последнем нашествии крымчаков. При его активном участии устанавливалось патриаршество. Единственно, что не удалось царю Фёдору, так это оставить наследника. Со странной гибелью царевича Дмитрия и смертью Фёдора в 1598 г. пресеклась жизнь правящей династии Рюриковичей/Мономаховичей/Даниловичей.

Подводя итог, отметим, что во втором политическом периоде развития Российской цивилизации государственное строительство осуществляло 11 поколений северо-восточной ветви Рюриковичей/Мономаховичей, которые прожили (кроме переходного киевско-владимирского) 2,5 самостоятельных владимирских и два полных московских династических периода. Как и в период Киевской Руси, на первом этапе интеграции Московской Руси потребовались усилия пяти поколений первой владимирской семейно-родовой целостности (от Невского до Донского). На втором этапе внутренней политической интеграции задачи оформления Московского княжества решала вторая семейно-родовая целостность (от Донского до Василия III). Во втором удельном периоде Мономаховичам удалось зародить московский родословный таксон (Калита), родить его (Донской) и оформить усилиями четырех последних поколений мощную государственно-образующую ветвь Даниловичей. Ее многогранная и творческая деятельность не только вернула преобразенную Русь в историю, но и ускорила течение исторического процесса во времени, вписав стадиальный ритм династического периода в политический. При этом большая часть работы по восстановлению независимого государства была проделана 9 функциональными поколениями Даниловичей за два полных московских династических периода: от Калиты до Василия Темного; и от него до Фёдора. Но за это время великими князьями владимирскими и московскими были 24 правителя, включая одну женщину. Во втором политическом периоде из 25 князей/государей странно быстро умерли 6 человек (включая сына Донского, Юрия Дмитриевича). Были убиты татарами и князьями 4 великих князя, не считая жертв татарского нашествия середины XIII в. и великих князей других ветвей, а также Елены Глинской. Преждевременно умерли или были убиты 7 наследников престола, а также большое количество других членов великокняжеских семей. Таким образом, более половины правителей стали жертвами идеологических и политических противников сильной независимой национальной государственности.

В целом же династия Рюриковичей/Мономаховичей/Даниловичей в своих родословных таксонах первого-второго порядков прожила 736 лет, 22 функциональных поколения, 5 полных киевских династических периодов. Примечательно, что в 11-м поколении от основателя Рюрика родился не только Александр Невский, но и Иван Грозный после Невского. Такую закономерность рождения великих личностей в семейных родах можно объяснить действием закона династического развития: родословное древо периодически дает свои эмпирические и онтологические плоды. Первая семейно-родовая целостность зарождает православную идею рода (Владимир) и рождает ее (Ярослав Мудрый и его Завещание). Вторая — в стадии эмпирической зрелости, в 7-м поколении оформляет родовой тип ее носителя, разрабатывающего религиозное или нравственно-идеологическое

учение (Владимир Мономах и его «Поучение»), чтобы на исходе второго периода в критических условиях коллапса проверить их на совместимость с человеческим сообществом (Андрей Боголюбский был отвергнут, Всеволода признали). Третья семейно-родовая целостность Рюриковичей в момент эмпирического расцвета рождает историческую личность — реализатора учения (Александр Невский), определяющего судьбу и направление развития династии и народа в конкретном историческом пространстве-времени. В московском периоде развития Рюриковичей Невский задал исторический уровень сознания северо-восточной ветви Мономаховичей, определив путь развития Руси в системе Монгольской империи. Калита зародил внутри нее тип московского правителя, необходимого в условиях восточной деспотии, чтобы выиграть историческое время для вызревания государственно-образующей ветви. Донской проверил ее на совместимость с русской народностью, зародив тип великорусского народа.

Вторая владими́ро-московская семейно-родовая целостность в момент своего расцвета усилиями Василия II отстояла православный геном и сохранила тип православного правителя, которого признал народ. В момент расцвета третьей владими́ро-московской семейно-родовой целостности Иван Грозный и Фёдор реализовали его, формируя носителей самодержавия — правителя, великорусский народ и Российское государство, задав им исторический смысл существования.

Задумываясь над вопросом, почему только северо-восточная ветвь Рюриковичей/Мономаховичей/Даниловичей смогла успешно выполнить столь трудную работу, надо обратить внимание на ее внутреннюю духовно-мировоззренческую сторону жизни и гендерную особенность. По прямой женской линии ветви Рюриковичей/Мономаховичей у истоков и на исходе Киевской Руси были две княжны полоцкой ветви, перед которой всегда остро стоял вопрос о сохранении жизни и независимости. В первом политическом периоде социокультурный геном династии пополнился вливанием целого ряда иных геномов: 5 славянских, из них 3 княжеских полоцких, 1 королевским шведским, 2 царскими византийскими, 1 княжеским чешским, 1 королевским англо-саксонским, полученным от матери Александра Невского, Феодосии, 1 боковым славянским неизвестным. При этом все дети, кроме Владимира Крестителя, рождались в полных семьях. За второй политический период у 3 первых московских князей жены неизвестны (видимо, низкого происхождения), 3 русские княжны, 2 русско-литовские, одна боковая византийская принцесса и последними были 2 боярские дочери не княжеского происхождения. Все они являлись православными (мировоззренческий раскол в литовской династии только начался), невысокого статуса и совместно со всеми переносили тяготы ордынского гнета. Возможно, эти обстоятельства сыграли свою роль в сохранении мировоззренческой устойчивости московских правителей и воспитании у них чувства государственного долга.

В заключение отметим методологическую особенность категории «семейно-родовая целостность». Полученные результаты анализа позволяют сказать о ее интегральной сущности. Введение в философскую антропологию категории «историческая природа человека» раскрывает механизм онтологическо-эмпирического (метафизическо-природного) процесса его становления и развития; в социальной ант-

ропологии она способна занять центральное место в пространстве «между» обществом и человеком как создатель языка, культурных ценностей, источник труда. С помощью ее модели выстроен единый пространственно-временной континуум, который дает возможность философско-исторического осмысления закономерностей исторического процесса, исследуя единичное (человек) как проявление общего (рода/народа) в бытии всеобщего (человечества). Историческая антропология, задающая историософское поле осмысления, но оставляющая безличным субъект, мыслимый как «биологический вид, находящийся в процессе перехода и осознающий свою целостность»¹⁷, дополняется исторической генеалогией, вводящей типологические образы поколений родового человека, создающего надысторическую реальность — критерий своего вечно возобновляемого духовного бытия. В исторической науке семейно-родовая целостность, создающая социальные структуры и творящая события согласно своему надысторическому социокультурному геному (ядру ментальности), включается в геоисторическое основание истории как ее создатель. Учитывая сказанное, можно сделать вывод, что вводимая категория вполне способна стать основой того целостного общего теоретического подхода к исследованию, с помощью которого можно «преодолеть академическую фрагментацию» и вывести историческую науку «на трансдисциплинарный уровень», чтобы «вернуть истории веками принадлежавшее ей центральное место в культуре любой эпохи»¹⁸.

Примечания

1. Данные о представителях династии Рюриковичей см.: КОГАН В.М., ДОМБРОВСКИЙ-ШАЛАГИН В.И. Князь Рюрик и его потомки: историко-генеалогический свод. СПб. 2004; ПЧЕЛОВ Е. Рюриковичи. История династии. М. 2002; БОГУСЛАВСКИЙ В.В., БУРМИНОВ В.В. Древняя Русь. Рюриковичи. Иллюстрированный исторический словарь. М. 2009.
2. ТАТИЩЕВ В.Н. Русь Домосковская: История Российская во всей ее полноте. М. 2013, с. 691.
3. ГУМИЛЁВ Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М. 1992, с. 264.
4. ТАТИЩЕВ В.Н. История Российская. Т. 3. М. 2003, с. 62.
5. НЕСТЕРОВ Ф.Ф. Связь времен. М. 1987, с. 66.
6. ТАТИЩЕВ В.Н. История Российская, т. 3, с. 88.
7. Там же, с. 90.
8. ЕГО ЖЕ. От Батыя до Ивана Грозного: история Российская во всей ее полноте. М. 2013, с.234.
9. ЕГО ЖЕ. История Российская, т. 3, с. 273.
10. Там же, с. 330—331.
11. Там же, с. 447.
12. Цит. ФРОЯНОВ И.Я. Драма русской истории: на путях к Опричнине. М. 2007, с. 260.
13. Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М. 1981, с. 8, 14—15.
14. ШТАДЕН Г. Записки немца-опричника. М. 2002, с. 14—32.
15. Там же, с. 72—73.
16. ФРОЯНОВ И.Я. Там же, с. 356, 926.
17. ФЕЛЛЕР В. Введение в историческую антропологию: Опыт решения логической проблемы философии истории. М. 2005, с. 12.
18. РЕПИНА Л.П. Историческая наука на рубеже XX—XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М. 2001, с. 17, 51.

Иван Григорьевич Щегловитов

Ю.П. Соловьёв

Аннотация. Публикация представляет собой биографию русского юриста и государственного деятеля Ивана Григорьевича Щегловитова (1861—1918), министра юстиции Российской империи в 1906—1915 гг., председателя Государственного Совета в январе-феврале 1917 года.

Ключевые слова: Российская империя, Министерство юстиции, Государственный Совет.

Abstract. This work is the biography of the Russian eminent jurist and statesman Ivan Grigorievich Shcheglovitov (1861—1918), minister of justice of the Russian Empire in 1906—1915., chairman of the State Council in January-February 1917.

Key words: The Russian Empire, The Ministry of justice, The Council Of State.

Иван Григорьевич Щегловитов родился 13 февраля 1861 г. в селе Валуец Юдиновской волости Стародубского уезда Черниговской губернии ¹. Он был третьим сыном владевшего частью Валуйца штабс-ротмистра Григория Семёновича Щегловитова (1821—1887), которого дважды (в 1853—1854 и 1860—1887 гг.) избирали Стародубским уездным предводителем дворянства ². Часть села Валуец дед Ивана, И.Г. Щегловитов, получил в качестве приданного за своей женой, происходившей из рода Песочких ³. За Григорием Семёновичем в Валуйце к 1860 г. числился 281 крепостной мужского пола, а также 67 дворов, 700 десятин пахотной земли и 200 десятин сенокосов ⁴.

Род Щегловитовых шел от жившего в последней четверти XVII в. трубчевского дворянина Василия Фёдоровича Шакловитова. После того, как глава Стрелецкого приказа Ф.Л. Шакловитый был казнен по обвинению в заговоре против молодого царя Петра, фамилию сменили на Щегловитовы. Из предков по отцовской линии более или менее заметен был прапрадед Ивана Григорьевича майор Тимофей

Соловьёв Юрий Павлович — кандидат филологических наук. Московский психолого-социальный университет, филиал в Брянске. E-mail: yur.solovjev@yandex.ru.

Solovyov Yuri P. — candidate of philological sciences. Moscow Psychological and Social University, branch in Bryansk. E-mail: yur.solovjev@yandex.ru.

Иванович Щегловитов (1698—1750), записанный вместе с отцом в 1700 г. в разборную книгу города. С 1738 г. он служил секунд-майором Астраханского пехотного полка, участвовал в многочисленных боях и походах, а 1 июня 1741 г. получил отставку с чином подполковника ⁵. Мать Щегловитова Анна Егоровна, дочь генерал-майора Егора (Георгия) Яковлевича Долинского, была из старинного стародубского рода Шираев.

Иван Щегловитов учился в элитарном Императорском Училище Правоведения, которое закончил с золотой медалью, вторым по успеваемости в своем выпуске 1881 года ⁶. Его специализацией стала прокурорская служба ⁷. Первые 4 года, начиная с 22 мая 1881 г., Щегловитов служил секретарем прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты. Свой первый орден — Св. Станислава 3-й степени — Иван Григорьевич получил в возрасте 23 лет ⁸. Потом 2 года он служил товарищем прокурора Нижегородского окружного суда, а в 1887 г. вернулся в Петербург на аналогичную должность.

В Нижнем Иван Григорьевич познакомился с прославившимся позднее русским писателем В.Г. Короленко. Осенью 1885 г. в уездном городе Горбатове выездная сессия Нижегородского окружного суда разбирала дела о сопротивлении властям местных крестьян. Короленко, взявший сторону обвиняемых, освещал этот процесс в «Русских ведомостях». Обвинение в Горбатове поддерживал Щегловитов. Спустя много лет, 6 января 1917 г., по случаю назначения Ивана Григорьевича председателем Государственного Совета, Короленко вспоминал: «И.Г. Щегловитов... Я его знал лично по Нижнему. Фигура интересная, умница, начинал товарищем прокурора в Нижнем, и мы оба встретились на “мужицких делах” в Горбатове. Я — молодой еще, начинающий карьеру писатель, он — молодой товарищ прокурора. Между нами установилась симпатия: мне пришлось отметить идиотские глупости председателя и прекрасные речи обвинителя, нередко переходящие в защиту» ⁹.

8 мая 1887 г. Иван Григорьевич по долгу службы должен был присутствовать при повешении в Шлиссельбургской крепости группы из пяти террористов (приводить приговор Сената в исполнение), готовивших убийство императора Александра III. Среди приговоренных самым младшим оказался 20-летний Александр Ильич Ульянов, брат Ленина. Старшему осужденному было 26. Щегловитов, в надежде на телеграмму о высочайшем помиловании приговоренных, старался оттянуть страшную развязку. Однако комендант крепости и жандармский офицер настояли на казни ¹⁰.

Служба в Петербурге шла своим чередом. В 1891 г. Иван Григорьевич прочел в Юридическом обществе доклад «Фотографическая экспертиза документов», который тут же опубликовал журнал «Юридическая летопись». Доклад живо обсуждался в прессе, и в 1892 г. Щегловитову пришлось написать для популярного журнала «Северный вестник» статью о судебной фотографии ¹¹. В итоге, при прокуратуре Санкт-Петербургской судебной палаты Щегловитов открыл судебно-фотографическую лабораторию. Все это сделало его пионером научной разработки судебной фотографии.

В 1890—1893 гг. Щегловитов служил непосредственно в Министерстве юстиции, в 1894—1897 гг. прокурором Санкт-Петербургско-

го окружного суда, в 1897—1900 гг. товарищем обер-прокурора уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената. За это время в качестве прокурора он провел несколько громких дел и одновременно занимался реформированием законодательства, касающегося судебной части.

В 1900—1903 гг. Иван Григорьевич вновь стал сотрудником Министерства юстиции, работая прокурором и в Петербурге, и в провинции, разрабатывал вопросы об отмене в России ссылки как вида наказания и о переустройстве Сахалинской ссылки, готовил в Петербурге международный съезд криминалистов, участвовал в совещании по предупреждению и пресечению публичного пьянства.

На это же время пришелся процесс павловских сектантов, участие в котором Щегловитова позволило либералам записать Ивана Григорьевича в лагерь своих единомышленников, а позже обвинять в «измене» этому лагерю. История Павловского дела такова. Осенью 1901 г. в с. Павловка Сумского уезда Харьковской губернии среди местных последователей религиозной секты штундистов (позже штундисты слились с баптистами) появился проповедник Моисей Теодосиенко, принадлежавший к секте хлыстов-малеванцев. «Господин Моисей», как называли его павловцы, оказался, по словам их адвоката В.А. Маклакова, «лично... ненормален; в 1891 году он был на испытании в клинике проф. Сикорского в Киеве и признан больным “религиозной манией”». Проповедник узнал, что полиция не пускает павловских штундистов переселиться в Канаду, и пообещал вывести их из Российской империи так же, как пророк Моисей вывел древних евреев из Египта. Когда речи Моисея Теодосиенко стали собирать в Павловку толпы народа, проповедником заинтересовалась полиция.

Проповедника потребовали к местному исправнику, куда его повезли с почетом, в сопровождении сотен приверженцев, с которыми «господин Моисей» всю дорогу до полицейского участка общался. Исправник проверил у Теодосиенко документы, которые оказались в порядке, и отпустил его, вероятно, посоветовав уехать из села. «Господин Моисей» так и сделал, сев на ближайший поезд. Когда провожавшая проповедника толпа вернулась в Павловку, «мало чем выдающийся Григорий Павленко, впал в исступление, стал выкрикивать непонятные слова и пророчествовать; между прочим, он возвестил, что он, Павленко, живым вознесется на небо». Возноситься Павленко собрался из местной православной церкви. Утром толпа штундистов, «утомленная бессонницей, возбуждением, голодом, двинулась к церкви», сломала двери и ворвалась в храм. Здесь одержимый Григорий Павленко объявил, что прямо сейчас вознесется на небо, и уселся на церковный престол. К нему присоседились еще двое. Престол их тяжести не выдержал и сломался. Толпа сектантов учинила погром, разбивая иконы, разрывая священные книги. Вскоре дебош перекинулся на приходскую школу. На защиту храма явилась толпа православных. В результате произошла жестокая драка. Император плакал, когда ему показали фотографии павловского погрома¹².

Суд по этому делу проходил в г. Сумы в январе-марте 1902 года. Для защиты сектантов прибыли либеральные адвокаты Н.К. Муравьев и В.А. Маклаков, в качестве журналиста «Русских ведомостей»

был аккредитован Короленко, уверенный, что данное дело — «полицейская провокация»¹³.

Линия официальной защиты сводилась к тому, чтобы доказать — «подсудимые... действовали под влиянием аффекта, на языке нашего закона именуемого “состоянием умоисступления и беспамятства”, которое устраняет ответственность». Дело слушалось, как требовала буква закона, при закрытых дверях. В зал суда не были допущены родные подсудимых, адвокатура и даже чины судебного ведомства. По высочайшему повелению были сделаны исключения только для четырех лиц, в том числе для председателя Сумского суда, представителя Святейшего Синода В.М. Скворцова и представлявшего Министерство юстиции Щегловитова. Суд вынес довольно строгий приговор, однако Щегловитов, согласный с линией защиты, «сделал Министерству юстиции подробный рапорт о деле, о злополучном сцеплении обстоятельств, о ходе процесса, — и в заключение назначенная всем каторга была заменена поселением с особым медицинским надзором»¹⁴.

Это решение прибавило либералам уверенности в том, что Щегловитов — их «однопартиец». Но в действительности Иван Григорьевич выступил на процессе как добросовестный профессионал, не склонный связывать себя с той или иной партийной платформой.

В 1903 г. Щегловитов был назначен на должность обер-прокурора уголовного кассационного департамента Правительствующего Сената. В этом качестве он инициировал издание циркуляра Министерства юстиции о праве присяжных заседателей ходатайствовать об облегчении участи осужденных. В том же 1903 г. в своем родном Училище Правоведения он начал читать курс лекций по теории и практике уголовного судопроизводства. При этом Иван Григорьевич успевал регулярно публиковать статьи по вопросам уголовного права и уголовного судопроизводства во множестве журналов и газет, в том числе в «Юридическом вестнике», «Журнале гражданского и уголовного права», «Журнале Министерства юстиции» и даже в либеральной газете «Право»¹⁵.

4 февраля 1905 г. на территории Кремля был убит бомбой, брошенной принадлежавшим к партии социалистов-революционеров (эсеров) террористом Каляевым, командующий Московским военным округом и московский генерал-губернатор великий князь Сергей Александрович. В состоявшемся судебном процессе Щегловитов выступал обвинителем. Фактические доказательства виновности терро-

риста были налицо. Но Иван Григорьевич обратил внимание на нравственную сторону дела: «Деяние Каляева не может не быть признано жестоким; это полное безразличие к жизни других; благодаря такому безразличию действия революционных партий в России привели к пролитию целого моря крови и слез. Смертный приговор при таких условиях — дело общественной самозащиты»¹⁶. Убийцу приговорили к повешению. С этого момента Щегловитов сам стал мишенью для левых террористов.

22 апреля 1905 г. он был назначен директором 1-го департамента Министерства юстиции, в феврале 1906 — товарищем министра юстиции в кабинете графа С.Ю. Витте. Наконец, 24 апреля 1906 г. Щегловитов вступил в должность министра юстиции и оставался на этом посту до 6 июля 1915 года¹⁷. Одновременно он состоял в должности генерал-прокурора. В эти годы Иван Григорьевич входил в команду таких выдающихся русских премьер-министров, как И.Л. Горемыкин, П.А. Столыпин, граф В.Н. Коковцов. Он может по праву считаться одним из усмирителей смуты 1905—1907 гг., а также исполнителем титанического труда по юридическому обеспечению перехода России от самодержавного строя к конституционной (или, точнее, думской) монархии. Когда на допросе 11 октября 1917 г. вице-директора первого департамента Министерства юстиции, позже сенатора А.В. Лядова спросили о Щегловитове: «Он был большой работоспособности человек?», Лядов ответил: «Громадной; я редко встречал человека, который бы так работал»¹⁸.

Весной 1917 г. Щегловитов говорил: «Я принадлежал к числу людей, которые, могу сказать, не только радовались, но приходили в восторг от последовавших 17-го октября (1905 г. — Ю.С.) изменений государственного устройства и, затем, от осуществления этих изменений, в виде созыва первой думы 27-го апреля (1906 г. — Ю.С.). Но затем, не скрою, некоторое разочарование пришлось испытать, потому что те ожидания, которые у меня были, оказались не вполне оправдавшимися, а работа законодательная, как известно, не налаживалась. Это обстоятельство возбудило во мне известного рода разочарование»¹⁹.

Природу этого разочарования можно понять, если обратиться к задаче, поставленной Щегловитовым самому себе при вступлении в министерскую должность. По судебной части им намечалась крупнейшая реформа в духе гуманных преобразований императора Александра II: «В основу работ по упорядочению судебной части положено начало возможного возвращения к основным положениям уставов 20 ноября 1864 г., с введением в развитие этих положений всех усовершенствований, необходимость которых обнаружена долговременным судебным опытом. На этом пути Министерством юстиции уже были выработаны законопроекты о преобразовании местного суда..., поступившие в Государственную думу 29 и 30 мая и 1 июня 1906 г.»²⁰. В области судоустройства Щегловитовым предполагалось сокращение так называемых «особенных судов» и одновременное расширение юрисдикции судов присяжных. Новый министр предлагал при этом передать дела о государственных преступлениях из ведения судебных палат в ведение окружных судов уже к концу 1906 года. К «особенным судам» относились также и низшие «народные суды», например, «волостной суд» у русских крестьян.

Волостные суды — едва ли не последний вид сословного суда в Великороссии, переживший реформу 1864 г., — были довольно специфичным учреждением. Они разбирали не самые серьезные дела между крестьянами в соответствии с народными юридическими обычаями. На решения волостных судов невозможно было подать апелляцию. Такое положение вещей приводило к многочисленным злоупотреблениям крестьянских законников, и при императоре Александре III земские начальники получили полномочия единолично штрафовать и даже подвергать аресту морально нечистоплотных волостных судей. Интересно, что такого рода решения земских начальников также не предусматривали возможность апелляции.

Щегловитов юрисдикцию таких судов предполагал сократить в пользу судов общих, «нормального типа». Планировалось также преобразование института судебной адвокатуры: во-первых, за счет упрощения процедуры приобретения звания присяжного поверенного, а во-вторых, за счет организации советов присяжных поверенных. Кроме того, ввиду крайней загруженности личного состава, имелось в виду расширить штат судебного ведомства и повысить должностные оклады. В области уголовного судопроизводства к концу 1906 г. предполагалось представить законопроекты о введении защиты на предварительном следствии, предании суду состязательного характера²¹ и т.п.

Собравшаяся 27 апреля 1906 г. Государственная дума под влиянием кадетов уже 2 и 4 мая предприняла то, что назвали «штурмом власти». Как вспоминал граф Коковцов: «...Тут же было заявлено и о необходимости немедленного увольнения правительства, как не пользующегося доверием народа, и о замене его правительством, ответственным перед народными представителями, и об упразднении Государственного Совета и введении у нас однопалатной системы, о принудительном отчуждении частновладельческих земель, и о даровании всевозможных свобод, и о коренном преобразовании “на демократических началах”, чуждых всякой опеки правительства, земских и городских учреждений, и о преобразовании всей налоговой системы, и об удовлетворении отдельных национальностей, и о преобразовании народного представительства на началах всеобщего избирательного права и, об амнистии политическим заключенным и т.д. Составленный на этих основаниях всеподданнейший адрес Государю, на самом деле давно уже изготовленный вне стен Государственной Думы, принят был почти единогласно всем составом Думы и таким же большинством, под гром рукоплесканий...»

Подобное решение биржи встретили резким падением русских активов, а зарубежная печать заговорила о дурных последствиях думских заявлений. К 13 мая была составлена ответная правительственная декларация, авторами которой были: «по существу» — Столыпин, «по редакционной отделке» — Щегловитов. 13 мая премьер-министр И.Л. Горемыкин зачитал эту декларацию, в которой говорилось, что никто из членов правительства, «не нарушая своего долга перед Государем и перед страной, не имеет права отойти от тех трех основных положений, разрушение которых было поставлено задачей первых думских выступлений». Реакция на выступление была бурная: «Не успел кончить Горемыкин свое чтение, как на трибуну в буквальном

смысле слова выскочил В.Д. Набоков и произнес свою знаменитую, короткую реплику, закончившуюся под оглушительный гром аплодисментов, известною фразой: “Власть исполнительная, да подчинится власти законодательной”, и затем полились речи Родичева, Аладьина, Кокошкина, Щетакина и других одна резче другой, с заранее подготовленными выходками против правительства, обвинявшие его во всевозможных преступлениях». Граф Коковцов вспоминал: «Пробовал, было, выступить против резких выкриков о сплошном беззаконии, гуляющем по всей России, министр юстиции Щегловитов, взявший самый сдержанный и деловитый тон для своего выступления, но это только поддало пыла расходившимся ораторам и ясно указывало на то, что всякие попытки на разъяснения обречены на полную безрезультатность и могут привести только к новым обострениям». В итоге 8 июля 1906 г. Дума была распущена. Авторами указа о роспуске были Столыпин, Горемыкин и Щегловитов ²².

Министру юстиции, вследствие суровой необходимости, пришлось ужесточить необыкновенно мягкую систему наказаний, которую годами практиковали русские суды ²³.

12 августа 1906 г. террористы совершили покушение на премьер-министра. При взрыве дачи Столыпина на Аптекарском острове в Петербурге погибли более 20 чел., более 30, в том числе сын и дочь премьера, были ранены. И уже через неделю, 19 августа, вступил в силу закон о военно-полевых судах, дело в которых заслушивалось в течение 24 час. после ареста подозреваемого, приговор выносился в течение 48 час. и приводился в исполнение в течение следующих 24 часов. Суд проходил в закрытом режиме, состоял из пяти офицеров-судей.

Столыпин и Щегловитов ловко использовали то обстоятельство, что Первая дума была распущена, а Вторая еще не избрана. Конечно, они не приняли бы подобного закона, если бы он был им представлен. Премьер и министр юстиции применили 87-ю статью Основных законов Российской империи, позволявшую правительству в отсутствие законодательного органа издавать срочные указы. Кроме того, Щегловитов привлек судейских чинов к борьбе с политическим экстремизмом. Меры оказались действенными.

Однако 15 ноября (октября?) 1907 г. министр юстиции сам чудом избежал смерти. В тот день террористка Евлалия Рогозинникова застрелила в помещении Главного тюремного управления начальника управления 46-летнего А.М. Максимовского, «гуманнейшего деятеля в тюремном деле», как характеризовал убитого «Русский календарь А. Суворина» ²⁴. Убийцу схватили тут же. На место преступления Щегловитов прибыл одним из первых. Сообщники Рогозинниковой как раз и хотели убить Ивана Григорьевича, когда он придет «на происшествие». Но дежурный офицер помешал террористке подать подельникам условный сигнал. Везение Щегловитова заключалось и в том, что Рогозинникова, которую почему-то сразу не обыскали, не привела в действие взрывное устройство. У нее на груди, под одеждой, находилось 13 фунтов (более 5 кг) динамита, которым можно было разнести все здание с жильцами и посетителями ²⁵.

Через 3 дня на кладбище во время похорон Максимовского, на которых присутствовал и министр юстиции, был схвачен армейский

дезертир с двумя браунингами, специально посланный эсерами убить Щегловитова ²⁶.

В начале 1908 г., вспоминал начальник отделения по охране общественной безопасности и порядка в Санкт-Петербурге генерал-майор А.В. Герасимов, эсеры планировали бросить бомбу в карету Щегловитова в тот момент, когда Иван Григорьевич отправится на новогодний прием к императору. Если бы по какой-то причине бомба не сработала, под карету кинулся бы обмотанный динамитом Всеволод Лебединцев, специально для этого прибывший из Италии, где он провел большую часть жизни, наблюдая за звездами. О готовящемся покушении узнал от своего агента генерал Герасимов и едва уговорил Щегловитова, человека неробкого десятка и величайшей преданности царю, остаться в такой важный день дома.

Террористы, потерпев неудачу в новогодний праздник, планов своих не оставили. 6 и 7 февраля 1908 г. они присылали боевые двойки к дому министра ²⁷. Кроме того, банда Лебединцева раздобыла полицейские мундиры, чтобы смешаться с охраной Щегловитова и проникнуть в Государственный Совет, где эсеры намеревались взорвать побольше правых депутатов. Наконец, 20 февраля 1908 г. девять террористов были схвачены едва ли не на пороге квартиры министра. При задержании следившая за подъездом Ивана Григорьевича барышня мгновенно выстрелила из револьвера в агента охраны ²⁸. В конце концов, даже лекции студентам-правоведам Ивану Григорьевичу пришлось читать в здании Министерства юстиции, где министра-профессора легче было защитить от покушения ²⁹. Есть сведения, что и крайне правые собирались убить Щегловитова за его умеренность и непредвзятость ³⁰.

Однако в качестве министра Щегловитов занимался революционерами не больше, чем того требовали его служебные обязанности. Равно как и не стремился к ущемлению либеральных свобод, в чем его до сих пор порой обвиняют. Иван Григорьевич все девять лет своего министерского служения действовал, прежде всего, как высокопрофессиональный и гуманный юрист, любящий свое дело, государя, народ и родину.

Вот лишь краткий перечень дел Министерства юстиции в период управления Щегловитова: в законодательные учреждения были представлены детально разработанные проекты законов о преобразовании местного суда, департаментов Сената, об условно-досрочном освобождении, об условном осуждении, о введении защиты на предварительном следствии, о зачете осужденному в общий срок времени, проведенного под последственным арестом, о введении состязательного начала в процедуру предания суду, о реформе каторги, об уравнивании в наследственных правах лиц женского пола с лицами мужского пола, об авторском праве на литературные, музыкальные, художественные и фотографические произведения, о мерах к пресечению торга женщинами в целях разврата, о порядке привлечения к уголовной и гражданской ответственности лиц за преступления по службе и т.д.

Иван Григорьевич не раз говорил о том, что «значение Судебных Уставов 20 ноября 1864 года в нашей общественной и государственной жизни громадно. Это один из величайших законодательных памятников в нашей истории, который характеризует целую эпоху.

Место ему в исторической галерее таких памятников наряду с Русскою Правдою, Псковскою Судною Грамотою, Судебниками и Соборным Уложением Царя Алексея Михайловича»³¹.

Не менее уважительным было отношение Щегловитова к судебным институтам, установленным в 1864 г.: суду присяжных и мировым судьям. В негласной программе, назначенной Иваном Григорьевичем себе к исполнению перед вступлением в должность министра юстиции 24 апреля 1906 г., было и такое положение: «В отношении судебной деятельности — поддержание ее на той высоте, которая требуется судебными Уставами 1864 г.»³². И действительно, министр юстиции Щегловитов провел закон об учреждении суда присяжных в Архангельской, Томской и Тобольской губерниях, а также в Акмолинской, Семипалатинской и Уральской областях, где прежде такого суда не было. Еще один принятый по инициативе Щегловитова закон, воплощая мечту Александра II о милостивом суде, требовал накануне обсуждения вопроса о виновности огласить перед присяжными заседателями, какое наказание грозит подсудимому.

В том же духе был составлен циркуляр Министерства юстиции, подписанный Щегловитовым и запрещающий «возбуждать уголовное преследование против арестантов за оскорбительные выражения». Такое распоряжение было сделано, как гласил циркуляр, «во внимание к тому естественному состоянию духа, в котором находится заключенный, тем более, что самые оскорбительные выражения могли быть следствием справедливого раздражения против действительно неправильных действий должностных лиц». Циркуляр требовал не уклоняться от рассмотрения по существу жалоб на должностных лиц, вызвавших своими действиями возмущение заключенных³³.

В этом министерском документе Иван Григорьевич отразил идеи, которые изложил еще в начале своей карьеры в серии статей, опубликованных московским «Юридическим вестником». Щегловитов доказывал необходимость введения в законодательство права физического лица сопротивляться незаконным распоряжениям полиции. Об этих давнишних статьях вспоминал писатель Короленко в 1917 г. на страницах своего дневника, упрекая Щегловитова в мнимой измене прежним идеалам³⁴.

Кроме того, Щегловитовым был разработан, а Думой принят закон об увеличении денежного содержания чинам судебного ведомства. Такую прибавку к жалованию Щегловитов предложил делать периодически, поскольку видел в ней меру, «устраняющую дух карьеризма и искательства». Другими словами, министр заботился о том, чтобы способные и опытные в своей области юристы не покидали в поисках лучшей доли посты, на которых уже проявили себя и могли бы еще принести немало пользы.

Следует отметить, что многие законопроекты своего министерства Щегловитов, блестящий и эрудированный оратор, лично защищал на заседаниях Думы и Государственного Совета. Например, проект закона об условно-досрочном освобождении Щегловитов представлял 27 февраля 1908 г. на 32-м заседании 1-й сессии Государственной думы третьего созыва³⁵. На следующем заседании, 1 марта, в обсуждении проекта приняли участие 14 депутатов. Проект оспаривали и слева, и справа, и профессиональные юристы, и не очень грамотные

крестьяне, а Иван Григорьевич последовательно, доходчиво, детально объяснял сущность и преимущества нового закона ³⁶.

И все же главной заслугой министерства Щегловитова считалось возрождение в 1912 г. института участковых мировых судей и создание съездов мировых судей. Это была последняя крупная судебная реформа императорской России. 15 июня 1912 г. был издан закон «О преобразовании местного суда», которым в уездах заново учреждался институт участковых мировых судей. Кроме того, этот закон освобождал волостные суды от подчинения административной власти земского начальника и включал их в структуру общих судов. Апелляционной инстанцией для волостного суда был теперь верхний сельский суд. Следующей, кассационной, инстанцией для волостных судов стали съезды мировых судей.

Эта реформа увенчала собой здание дореволюционного русского суда. Суд этот замечательно охарактеризовал в 1932 г. Осип Сергеевич Трахтерев, адвокат с более чем тридцатилетним стажем, председатель Союза русских адвокатов за границей, погибший в годы второй мировой войны в Освенциме: «Очутившись за рубежом и, познакомившись с правосудием в других странах, все юристы от левых и до правых пришли к единодушному выводу, что русский суд был превосходней нам известных... Пройдут годы покуда новая Россия заслужит дореволюционный суд. Но тот, кто его сумеет восстановить, сумеет восстановить и другие памятные нам картины былого величия» ³⁷.

3 ноября 1913 г. в большом зале Министерства юстиции под председательством министра Щегловитова открылось длившееся более недели совещание 118 председателей уже сформированных съездов мировых судей. В своей программной речи Иван Григорьевич провозгласил: «Первым условием является недопущение в нашем мировом суде общественных или политических тенденций. Закон, общественная совесть, обстоятельства дела — таковы три устоя, на которых исключительно должны покоиться каждый судебный приговор, каждое судебное решение» ³⁸. Эту мысль Щегловитов настойчиво проводил и в написанной им примерно в то же время работе «Влияние иностранных законодательств на составление Судебных Уставов 20 ноября 1864 года», имея в виду не только административную, но и общественно-политическую зависимость судей: «Правосудие... предполагает, что действия суда, подчиняясь только закону, свободны от всякого влияния управления, даже высшего правительства, которое, хотя и назначает судью, но не может указывать, какие приговоры он должен постановлять. Зависимое правосудие не будет никогда правосудием. Независимостью в отправлении правосудия всякий судья отличается от чиновника» ³⁹.

Потребность осмыслить историю, практику и возможные перемены в судебном ведомстве никогда не оставляла Щегловитова. Он принимал деятельное участие в работе Санкт-Петербургского юридического общества и международного союза криминалистов. Его «объяснительная записка» к проекту устава уголовного судопроизводства заняла пять томов. К 1910-м гг., разрабатывая реформу местных судов, Иван Григорьевич все больше и больше увлекался вопросами судоустройства: в 1910 г. он начал читать в Императорском Учи-

лице Правоведения курс лекций об основных началах судебного устройства. «Очевидно, судоустройство есть главный и основной вопрос в судебном деле», — записал Щегловитов в одной из своих работ того времени ⁴⁰.

Труды Ивана Григорьевича на государственном, общественном и научном поприще были неоднократно отмечены государем и профессиональным юридическим сообществом. 1 января 1907 г. Щегловитов был назначен членом Государственного Совета, 2 марта 1911 г. в ознаменование 200-летия Правительствующего Сената пожалован высоким званием статс-секретаря Его Императорского Величества и тогда же, по инициативе сенаторов, удостоен сенаторского звания. С января 1907 г. Щегловитов состоял в высочайшем, 3-го класса, чине тайного советника (соответствует генерал-лейтенанту), в 1905 награжден орденом Св. Станислава 1-й степени, в 1908 — орденом Св. Анны 1-й степени, в 1910 — Св. Владимиром 2-й степени, наконец, в 1913 г. — орденом Белого Орла, третьим в иерархии российских орденов ⁴¹. Родной город Стародуб сделал Ивана Григорьевича Щегловитова своим почетным гражданином ⁴².

При этом, по воспоминаниям современников, Щегловитов был доступным и общительным человеком. Кроме того, он живо интересовался искусством, мог долго цитировать по памяти в своих речах подходящие по случаю стихи, был страстным театралом ⁴³. Если говорить о его отношениях с младшими сослуживцами, то известно, что, навещая на рубеже XIX—XX вв. своего сына, учившегося в кадетском корпусе в Пскове, Щегловитов любил заходить в местный окружной суд и подолгу беседовать с его сотрудниками. Несмотря на охоту за ним террористов и либеральной прессы, он никогда не делал секрета из своего места жительства и телефонного номера. В справочнике «Весь Петербург на 1913 год» несложно найти адрес тайного советника, статс-секретаря, сенатора, министра юстиции, члена Государственного Совета, члена совета министров, профессора уголовного судопроизводства Императорского Училища Правоведения Щегловитова: Екатерининская, 1. Телефон 133 ⁴⁴.

Иван Григорьевич был глубоко верующим человеком, что удивляло даже его единомышленников по право-патриотическому лагерю. Как некую диковинную новость сообщали они друг другу, что Щегловитов «блюдет посты и перед едой и после громко читает молитвы» ⁴⁵. Что касается личной жизни, то Иван Григорьевич Щегловитов был трижды женат. Его первой женой стала баронесса Елена Константиновна Дитерихс (1862—1918), сестра воеводы Приморской земской рати генерала М.К. Дитерихса. От первого брака в 1884 г. у него родился единственный сын Константин (покончил с собой в 1926 г. в Софии), а также дочь Софья (в замужестве Стольников). Этот брак закончился разводом, после которого Е.К. Дитерихс-Щегловитова вышла замуж за князя А.А. Оболенского. Она была сожжена крестьянами в ноябре 1918 г. в имении Горки Могилевской губернии ⁴⁶.

Второй женой Щегловитова современные биографы называют Анну Николаевну, урожденную Шванвич, умершую в 25-летнем возрасте при родах дочери Анны ⁴⁷. Действительно, Анна Николаевна Щегловитова (4 июля 1870 — 13 февраля 1895) похоронена в Исидоровской церкви Александро-Невской лавры ⁴⁸.

Третьей супругой Ивана Григорьевича стала Мария Фёдоровна, урожденная Куличенко. Их дочь Мария умерла в 1902 г. двухлетним ребенком. Мария Фёдоровна сопровождала мужа в его мытарствах по большевистским застенкам и оставила не опубликованные до сих пор мемуары «Мои воспоминания о муже Щегловитове И.Г.» (РГАЛИ, ф. 1208, оп. 1, д. 52)⁴⁹. Единственный сын Щегловитова Константин, выпускник Псковского кадетского корпуса и Константиновского артиллерийского училища, большой карьеры, несмотря на значительный пост отца, не сделал: служил в провинции, выходил в запас, к началу первой мировой войны пребывал в чине поручика полевой пешей артиллерии, а 19 ноября 1914 г. «за отличия в делах против неприятеля» получил свой первый орден — Св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом.

20 ноября 1914 г. Ивану Григорьевичу был пожалован высокий чин действительного тайного советника⁵⁰, соответствовавший генералу от инфантерии или современному генерал-полковнику. Это можно считать пиком гражданской служебной карьеры — выше был лишь чин канцлера или действительного тайного советника 1-го класса. Между тем, либералы регулярно требовали отставки Щегловитова, обвиняя его во всех смертных грехах. Например, в 1906 г. во время кронштадтского восстания группа из пяти боевиков, среди которых были и две женщины, пыталась взорвать местный военный суд. Теракт не удался, террористов схватили, предали военному суду, приговорили к смерти и вскоре расстреляли. «Это было одно из самых ужасных, кошмарных дел столыпинской и щегловитовской военной юстиции», — писал в 1912 г. альманах «Былое», редактировавшийся В.Л. Бурцевым⁵¹.

Либеральные журналисты стремились связать Щегловитова с «еврейским вопросом» и дискредитировать министра как антисемита. Например, в 1907 г. в Почепе была вырезана и ограблена еврейская семья Быховских. По показаниям чудом уцелевшей в бойне младшей дочери Быховских в убийстве обвинили бывшего приказчика погибшей семьи Глускера. Дело разбирали Киевский военно-окружной суд, приговоривший Глускера к повешению. Спустя время выяснилось, что он пострадал невинно. Этому делу посвятил в 1910 г. статью Короленко: «В Мглинском уезде, Черниговской губернии, есть небольшое местечко Почеп... К большому несчастью и для Глускера, и для правосудия, в Мглинском уезде расположено имение министра юстиции г. Щегловитова, и в роковую ночь, когда негодяи убивали семью Быховских в Почепе, а Глускер спокойно спал после рабочего дня в экономии г-жи Гусевой, — в имении г. министра находилась его семья. Весь уезд был потрясен ужасным убийством, и семья г. министра, понятно, разделяла эти чувства. А полиция и следственные власти были взволнованы вдвойне: на дело это обратил особое внимание бывший в Почепе проездом в свое имение министр юстиции И.Г. Щегловитов». «Особенное внимание высшей власти в деле правосудия почти всегда бывает зловеще»⁵², — писал Короленко. В этом заявлении допущено прямое, хотя, наверное, и бессознательное искажение обстоятельств: имение Щегловитова находилось не в Мглинском, а в Стародубском уезде Черниговской губернии. Короленко в статье постоянно намекал на предвзятое отношение к евреям со сто-

роны властей. На самом деле Щегловитов не был антисемитом, что подтверждает в своих воспоминаниях И.В. Гессен: «А что до Щегловитова, он, во времена нашего сотрудничества, усиленно выражая мне свое уважение, с негодованием говорил об обвинении евреев в употреблении христианской крови»⁵³.

Что касается нарушения Щегловитовым принципа несменяемости судей, то вопрос этот вполне открыто обсуждался 28 апреля 1908 г. на заседании Государственной думы. Тогда Щегловитов говорил: «Будучи призван Всемилостивейшею Волею Государя Императора стать во главе Министерства Юстиции, я приложил все усилия к тому, чтобы русский суд устоял перед соблазном политической борьбы и чтобы в нем, в особенности, в лице его главных руководителей, были не люди слабые волей и равнодушные к ограждению государственного порядка и общественного спокойствия, но люди, сильные волей и твердые в неуклонном исполнении и применении закона. Само собой разумеется, что особое внимание пришлось обратить на обновление в некоторых судебных местах личного его персонала. Это обновление, к счастью, потребовалось далеко не везде, и осуществилось в формах законных, а следовательно без всякого колебания судебной независимости»⁵⁴.

Правоту этих слов подтверждает участвовавший в 1917 г. в расследовании деятельности Щегловитова прокурор А.Ф. Романов: «Щегловитова, как всем известно, обвиняли в нарушении начала несменяемости судей, т.е. в увольнении и перемещении их без суда и без их согласия. Следствие выяснило, однако, что ни одного такого случая за все время состояния Щегловитова в должности министра юстиции не было... Правда нередко Щегловитов взамен возбуждения дисциплинарного преследования за упущения по службе, предлагал судьям подать прошение об отставке или о переводе и те подавали. В таких случаях весьма спорен, однако, самый вопрос, кто же именно нарушает начало несменяемости: тот ли, кто предлагает подать в отставку или тот, кто подает в отставку из страха предстоящей дисциплинарной ответственности. Необходимо при этом иметь в виду, что таких предложений особенно много было сделано никем иным, как Керенским за его недолгое пребывание в должности министра юстиции. Сенаторы, судьи и прокуроры удалялись им десятками и заменялись адвокатами. Достаточно указать, что из четырнадцати прокуроров палат на месте остались только два»⁵⁵.

Как бы то ни было, но обвинения, неубедительные и с точки зрения информированных людей, и с позиции здравого смысла, определяли, тем не менее, настроения общества в 1915 году. Ситуация усугублялась тем, что шла первая мировая война, и надо было поддерживать боевой дух в войсках и спокойствие в тылу. А пресса могла обвинить Щегловитова даже в неудачах русской армии, например, в Галиции: «Петербург кипел. Непрекращающееся отступление в Галиции и слухи о больших потерях подняли целое море ругани и сплетен. Говорили, что на фронте не хватает ружей и снарядов, за что бранили Сухомлинова и Главное Артиллерийское Управление.... Бранили генералов вообще, бранили Ставку... Бранили бюрократию и особенно министров Маклакова и Щегловитова, которых уже никак нельзя было прицепить к неудачам в Галиции», — писал современник тех событий⁵⁶.

По словам дворцового коменданта генерал-майора В.Н. Воейкова, отставку правительственных консерваторов инициировали, в угоду «общественности», великий князь Николай Николаевич, главнокомандующий действующей армией и председатель Государственной думы М.В. Родзянко. Когда государь уезжал в Царское Село, ко дню празднования священного коронования, именно они подали список нежелательных сановников⁵⁷. В то же время начальник личной царской охраны генерал-майор А.И. Спиридович называет главноуправляющего землеустройством и земледелием А.В. Кривошеина инициатором отставки Щегловитова и обер-прокурора Святейшего Синода Саблера. С проектом Кривошеина был знаком, по словам Спиридовича, и великий князь Николай Николаевич⁵⁸.

Интрига с отставкой министров-консерваторов была куда сложнее, чем казалось придворным генералам. Строго говоря, два человека в правительстве считались «столыпинцами» — Щегловитов и Кривошеин. В какой-то момент Кривошеин стал сближаться с либеральной оппозицией — прежде всего, с кадетами. Он полагал, вероятно, что удаление одиозных с либеральной точки зрения политических фигур руками правительства поможет притушить протестные настроения в обществе, приведет либералов к конструктивному диалогу, оставит правительство хозяином положения в стране и поможет самому Кривошеину это правительство возглавить. Он ждал поддержки от кадетов и октябристов. Те были не прочь помимо отставки Щегловитова, министров внутренних дел Маклакова, народного просвещения Л.А. Кассо и обер-прокурора Саблера объявить еще и политическую амнистию. Но Кривошеина поддерживать не собирались. Думские либералы начинали формирование так называемого «Прогрессивного блока» — политической силы, направленной на то, чтобы перехватить у правительства инициативу. Как пишет Ф.А. Гайда: «Если летом 1915 г. блок стал в руках Милюкова плотиной, предотвратившей сделку Кривошеина с общественностью, то осенью 1916 г. — тараном для ниспровержения государственного строя»⁵⁹.

Не знавший всего этого Кривошеин добросовестно организовывал сочувствующих ему министров для похода против консерваторов. 28 мая 1915 г. к премьер-министру Горемыкину явилась делегация в составе Кривошеина, министра финансов П.Л. Барка, государственного контролера П.А. Харитоновы, министра путей сообщения С.В. Рухлова, министра иностранных дел С.Д. Сазонова. Горемыкину был поставлен ультиматум — либо все они подадут в отставку, либо должны быть уволены министр внутренних дел Маклаков (по наблюдениям Гайды именно он более всего раздражал министров), обер-прокурор Святейшего Синода Саблер, военный министр Сухомлинов и Щегловитов.

Кроме того, в конце мая во время доклада императору, посвященного «мобилизации промышленности», председатель Государственной думы Родзянко успехи этой мобилизации увязал с созывом Думы и отставкой Маклакова и Щегловитова⁶⁰.

Между тем, в кампании за отставку Щегловитова участвовала еще одна влиятельная сила. Речь идет о государыне императрице Александре Фёдоровне. Ее основные претензии касались непочтительного отношения Щегловитова к Григорию Распутину, которого госуда-

рыня именовала в переписке с мужем «Другом». В письме государю от 13 июня 1915 г. она отмечала: «Есть еще один министр, который, по-моему, не на месте (в разговоре он приятен), это — Щегловитов: он не слушает твоих приказаний, и каждый раз, когда думает, что прошение исходит от нашего Друга, не желает его исполнять, и недавно разорвал одно, обращенное к тебе. Это рассказал Верёвкин, его помощник (друг Гр[игория Распутина]). И я заметила, что он редко исполняет то, что у него просишь. Он упрям, как Тимирязев — и держится “буквы”, а не души. — Хорошо быть строгим, но надо быть более справедливым и добрее к маленьким людям, снисходительнее»⁶¹. Возможно, это письмо было последним доводом. Во всяком случае, дело относительно отставки Щегловитова, было решено, по мнению генерала Спиридовича, как раз 13 июня 1915 года.

В течение месяца, с 6 июня по 6 июля, были отправлены в отставку четыре министра (Маклаков, Саблер, Сухомлинов и Щегловитов), более всего раздражавшие либералов. В среду 1 июля 1915 г. государь занес в свой дневник: «Во время доклада Щегловитова сказал ему, что освобождаю его от занимаемой должности»⁶². Щегловитов был последним в официальном списке отставленных, причем уволен по собственному прошению и заменен его же единомышленником, А.А. Хвостовым, членом правой группы Государственного Совета⁶³.

Между тем, дела на фронте шли все хуже и хуже. Государь решил взять на себя бремя ответственности и вступить в должность главнокомандующего. И здесь Кривошеин с большей частью министров-«общественников» стал на сторону поддержавшего их в интриге с отставкой Щегловитова и прочих великого князя Николая Николаевича, упрашивая государя оставить великого князя главнокомандующим. 20 августа 1915 г. в Царском Селе состоялось экстренное заседание Совета министров под председательством монарха. И тут «все министры, за исключением Горемыкина и умного, положительного, хладнокровного министра юстиции Александра Хвостова, убеждали Государя не принимать верховного командования». Вскоре Кривошеин и министры подписали в его адрес письмо с той же просьбой. Вероятно, этой кампанией «новый курс» на сближение с общественностью и закончился, поскольку вступал в конфликт с военными реалиями. 26 октября Кривошеин был уволен в отставку⁶⁴.

На время отставки Щегловитова приходится его общение с Григорием Распутиным — две встречи и два телефонных разговора. Первая встреча состоялась 6 июля 1915 года. Уговорил Щегловитова повидаться со «Старцем» директор департамента полиции С.П. Белецкий. Главной причиной свидания сам Щегловитов назвал собственное любопытство. Длился разговор около часа. Распутин уговаривал Щегловитова «вернуться в прежнее положение», на что получил отказ, да еще и отповедь в том духе, что Распутин, пусть и помимо собственной воли, компрометирует государя.

Вторая встреча состоялась в ноябре 1916 г., на квартире сотрудника газеты «Новое время» Г.И. Сазонова. Теперь Щегловитова уговаривали занять пост председателя правительства и снова получили отказ. Потом последовали два телефонных звонка от Распутина: в ходе первого «Старец» интересовался, годится ли Н.А. Добровольс-

кий в министры, во время второго звонка вновь безрезультатно уговаривал Щегловитова возглавить правительство ⁶⁵.

То, что, вопреки заявлениям лево-либеральной пропаганды, Щегловитов не был ставленником Распутина, подтверждают слова не только самого Ивана Григорьевича, но и такого весьма и весьма информированного человека, как начальник царской охраны генерал-майор Спиридович. Генерал писал о Щегловитове: «Его считали сторонником Распутина. Последнее было совершенно неверно. Щегловитов совершенно игнорировал Старца, никаких его просьб не исполнял и тем навлек на себя даже нерасположение Царицы, как человек черствый и жестокий. Но кто-то пустил сплетню, что он распутинец и этому верили». Государыня в конце 1916 г. полагала Щегловитова очень умным человеком, но не лишенным недостатков, главным из которых ей виделось то, что Иван Григорьевич «резок» ⁶⁶.

В другом месте генерал Спиридович еще раз опроверг слухи о связи Щегловитова и Распутина: «На Распутина клеветали, что Старец агитирует за сепаратный мир, что он пользуется покровительством немецкой партии, что за ним числится несколько судебных дел, прекращенных Щегловитовым. Все это была сплошная неправда, но публика всему этому верила, понимая между строк, что за всем этим стоит Императрица» ⁶⁷. Надо сказать, что, если Щегловитов о своих встречах с Григорием Распутиным рассказывал на допросе в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, а публикатора протоколов этих допросов П.Е. Щёголева историки подозревают в склонности фальсифицировать документы ⁶⁸, то Спиридович писал свои воспоминания в эмиграции, без какого-либо идеологического или психологического давления.

После выхода в отставку Иван Григорьевич сохранил за собой членство в Государственном Совете и при этом занялся публичной политикой. В 1915—1916 гг. он участвовал в деятельности ряда право-монархических организаций, единогласно был избран председателем Петроградского совещания монархистов 21—23 ноября 1915 года. На том же совещании Щегловитова избрали также председателем Совета Монархических Съездов. Предполагалось, что Иван Григорьевич возглавит Консервативный парламентский блок депутатов Государственной думы и членов Государственного Совета для противостояния объединившему либералов и левых «прогрессистскому» блоку. 24 ноября 1915 г. Иван Григорьевич поделился с историком Д.И. Иловайским впечатлениями от съезда: «Вчера закончился монархический съезд... Как все у нас странно. В монархии монархистов только небольшая кучка» ⁶⁹. Однако в ноябре 1916 г. Щегловитов, в преддверии возвращения на государственную службу, свою политическую деятельность прекратил.

1 января 1917 г. Иван Григорьевич был награжден вторым в иерархии русских орденов орденом Св. Александра Невского и назначен председателем Государственного Совета — верхней палаты русского парламента ⁷⁰. Мотив такого назначения можно понять из нескольких близких к императорскому Двору источников. Во-первых, государыня императрица, успевшая к тому времени переменить свое отрицательное мнение об Иване Григорьевиче, неоднократно советовала мужу обратиться к Щегловитову: «Назначь решительного

(сурового) Щегл[овитова]. Он подходящий человек для этого места, он не допустит беспорядков и глупостей», — писала она 15 декабря 1916 года. И на следующий день: «...Поскорее назначь Щегловитова. Он подходящий человек, и на этом месте будет стоять за нас и не допустит скандалов» ⁷¹.

Во-вторых, генерал Спиридович передает в своих мемуарах общее мнение о Щегловитове русских государственных людей (первая фраза в разных местах книги повторяется): «Щегловитова... недолюбливала либеральная общественность и ненавидели все евреи. Явные и тайные революционеры понимали, что Щегловитов, умный и железной воли человек, мог бы в нужный момент задушить какую угодно революцию, лишь бы ему дали во время соответствующую власть и права» ⁷². В канун назначения на пост — 23 или 24 декабря 1916 г. — государь вызвал к себе Щегловитова и сообщил о намеченном назначении (Щегловитов был выбран из пяти кандидатов). В ответ Иван Григорьевич сказал, что «чрезвычайно польщен этим милостивым вниманием Его Величества», но чувствует, что ему «будет очень трудно занять» место председателя Государственного Совета, так как он, Щегловитов, принадлежит к правой группе, «а правая группа не пользуется сочувствием большинства Государственного Совета». Тем не менее, император сказал, что уверен в своем выборе и что правая группа в Государственном Совете будет «по возможности усилена» ⁷³.

Действительно, государь по докладу Щегловитова, «учитывая колебания, обнаружившиеся в среде Государственного Совета», вывел в число неприсутствующих 16 старых членов (8 центристов, 4 беспартийных и 4 правых) и назначил 18 новых членов, активных правых ⁷⁴. Напомним, что половина состава Государственного Совета назначалась государем, а половина избиралась в установленном порядке. «Чистке» подверглись лишь назначенные члены Госсовета, а из их числа — наиболее «возрастные»: например, 86-летний генерал от инфантерии Х.Х. Рооп, который заседал в Госсовете уже 27 лет, 76-летний товарищ председателя Государственного Совета статс-секретарь и действительный тайный советник И.Я. Голубев, 74-летний действительный тайный советник Н.С. Таганцев ⁷⁵, объявивший падение династии Романовых в феврале 1917 г. следствием «щегловитовского разгрома Государственного Совета» ⁷⁶.

О недолгом пребывании Щегловитова на одном из высочайших государственных постов Российской империи вспоминал ученик и единомышленник Ивана Григорьевича Н.Д. Тальберг: «По его (Щегловитова. — Ю.С.) докладу, Государь Император назначил в Государственный Совет ряд новых членов, которые стойкостью своих государственных взглядов должны были осилить заговорщиков прогрессивного блока, захвативших не только Думу, но и Государственный Совет. Только два заседания Государственного Совета успел провести И.Г. Щегловитов под своим председательством. На первом же заседании он дал этому мятежному сборищу статс-секретарей, придворных и отставных сановников урок уважения к закону и власти. Он круто одернул вождя либералов — профессора Д.Д. Гримма, собравшегося было выступить с обычной для того времени крикливой “агиткой”. Не ожидавшие такого отпора своим разнузданным требовани-

ям, сановные бунтари покинули зал заседаний, ничуть, впрочем, не смутив этим председателя»⁷⁷. С.С. Ольденбург отмечал: «В Государственном Совете новый председатель, И.Г. Щегловитов, твердо пресекал все попытки делать политические выпады под видом “внеочередных заявлений”»⁷⁸.

По словам генерала Спиридовича, Щегловитов практиковал не только репрессивные меры в борьбе с «левой общественностью» в Государственной думе. Иван Григорьевич хотел создать в стране правое общественное мнение: «14 января Щегловитов представил Государю весьма содержательную записку правых “Русских православных кругов г. Киева”. Давая картину происходящих в стране неурядиц, записка намечала меры к их устранению. То была целая программа борьбы с левою общественностью. Записка была составлена членом Думы священником Митроцким⁷⁹, и подача ее наделала много шума в Думе. Записка очень понравилась Государю. Его Величество подчеркнул многие места и положил резолюцию: “Записка, достойная внимания”. Государь передал записку премьеру Голицыну, и ее должны были обсудить в Совете министров»⁸⁰.

То, что совершавшая февральский государственный переворот 1917 г. думская лево-либеральная оппозиция всерьез опасалась Щегловитова, как человека, способного объединить государственнические силы и прекратить смуту, видно из следующих обстоятельств. 27 февраля 1917 г., в первый день переворота, странный коалиционный орган — «совет старейшин Государственной Думы» — избрал так называемый «Временный комитет Государственной Думы», состоявший из 12 чел. во главе с председателем Думы Родзянко, который еще в 1915 г. требовал у Государя отставки Щегловитова с министерского поста. Уже в 2 час. ночи 28 февраля «Временный комитет» объявил, что вся государственная власть в России переходит к нему, а вслед за этим, не дожидаясь утра, постановил отстранить от работы председателя Государственного Совета Щегловитова, а также вице-председателя, государственного секретаря, всех министров и главноуправляющих. Таким образом, небольшая группа депутатов нижней палаты парламента лишила голоса остальных депутатов, верхнюю палату парламента и исполнительную власть, продемонстрировав обществу и миру, кого в действительности она боится⁸¹.

Самое поразительное в этой истории то, что ко времени, когда «Временный комитет» принимал решение об отстранении Щегловитова, Иван Григорьевич, согласно воспоминаниям председателя этого комитета Родзянко, уже был арестован. То есть решение принимали, что называется, «задним числом»⁸².

Невольным свидетелем привода Щегловитова 27 февраля 1917 г. в Таврический дворец, место думских заседаний, оказался адвокат А.А. Демьянов (1865—1925), товарищ «временного» министра юстиции Керенского. Он рассказывал, как солдаты гнали арестованного 56-летнего Ивана Григорьевича в одном сюртуке по морозному февральскому Петрограду: «Щегловитов от холода, а может быть и от волнения, был красен. Сконфуженный и похожий на затравленного зверя, огромный, он сел на предложенный ему стул. Кто-то дал ему папиросу, которую он закурил. Толпа с любопытством на него глазела». Вскоре явился Родзянко, обратился к Щегловитову по имени-

отчеству, но руки не подал, а приобнял за талию и пригласил в свой кабинет. Арестовавшие Щегловитова солдаты действительно воспротивились тому, чтобы Родзянко увел Ивана Григорьевича без приказа Керенского. Прибыл Керенский и сказал Щегловитову, что тот «арестован революционной властью»⁸³.

Щегловитов был помещен в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, в камеру № 45. Прошло более 2-х недель, и 13 марта к заключенным явился Керенский, объявил об отречении государя и о том, что он, Керенский, назначен министром юстиции Временного правительства. Ивана Григорьевича регулярно навещали жена и дочь, но с 21 по 28 марта их не пускали — возможно, по распоряжению нового коменданта Петропавловской крепости, штабс-капитана Кривцова (так называет его П.Г. Курлов), проявлявшего «крайнюю враждебность к родным некоторых из заключенных»⁸⁴.

В каком положении очутились тогда арестованные русские государственные люди видно из открытого письма, адресованного Керенскому в 1936 г. доктором медицины И.И. Манухиным (1882—1958), служившим врачом при Чрезвычайной комиссии Временного правительства. Друзья Керенского из парижского журнала «Современные записки» не отважились напечатать тогда письмо доктора, чтобы не компрометировать Керенского. Доктор Манухин писал Керенскому, что со времени заключения в Петропавловскую крепость Щегловитов и его коллеги «находились в ведомстве Министерства Юстиции, т.е. в Вашем. Отношение к ним круто изменилось — с ними стали обращаться как с пленниками и как с преступниками. Вместо защиты их, Вы произвели еще несколько новых арестов и предали всех узников *in corpore* суду». Доктор Манухин раскрыл тайну офицера-надзирателя. Им был не Кривцов, а некто А. Кузьмин, который в 1905—1906 гг. предводительствовал в так называемой «Красноярской республике». Политэмигрант, приговоренный в 1913 г. к смертной казни, которую заменили 12-летней каторгой, Кузьмин был предан Керенскому, защищавшему его в суде. После февральского переворота 1917 г. Кузьмин получил чин прапорщика, с апреля 1917 г. был помощником командующего Петроградским военным округом. Перескочив через три чина, сделался капитаном.

Доктор Манухин писал Керенскому: «Ваш порученец, Кузьмин, выработал для арестованных специальный пищевой режим, которого... не было ни до Вас, ни после Вас (по крайней мере, когда там сидели члены Временного правительства). Он состоял из чашки бурды, ломтика хлеба и нескольких ложек сухой гречневой каши... Созданная с Вашего согласия специальная охранная команда восприняла свою роль как “око народа”, которое обязано зорко наблюдать за “врагами”. Солдаты стали сурово обращаться с заключенными. Эта суровость перешла в жестокость: они подсыпали в кашу битое стекло, всячески изошрялись, чтобы “бурда” была несъедобна... Т.о., пища свелась к куску хлеба и воде... Свидания с родственниками были обставлены с той же жестокостью: посетитель садился за стол, против него — заключенный, а по бокам сидело слушающее их начальство... Не буду описывать дальнейшего периода, когда Вы совсем об узниках позабыли и предоставили их всецело своевольной солдатчине. Накаленная газетной агитацией и бешеной пропагандой большеви-

ков, она вела себя по отношению к заключенным так, что они со дня на день ждали кровавого самосуда...»⁸⁵

Первое обвинение было предъявлено Щегловитову лишь 3 июня 1917 г., то есть спустя три месяца после ареста⁸⁶. Старый русский адвокат О.С. Трахтерев говорил, сравнивая такие порядки со «щегловитовским правосудием»: «По русским законам арестованному предъявлялось обвинение в 24 часа. Временное Правительство семь месяцев держало людей в тюрьмах без предъявления им обвинения...»⁸⁷ Что думали по поводу законности революционеры-февралисты видно из воспоминаний одного из них, эсера А.А. Аргунова, которого после разгона Учредительного собрания в январе 1918 г. большевики «подсадили» к Щегловитову в Петропавловскую крепость. Вспоминая разговоры с Иваном Григорьевичем, Аргунов писал: «Щегловитов в своем поношенном пальто с потертым бобром держится еще не без осанки; в нем видна породистость... Сильно раздражает манера его ссылаться на прошлое, на закон!»⁸⁸

Обвинение от 3 июня было предъявлено Щегловитову по ст. 362 Уложения о наказаниях (преступление по должности). Также Ивану Григорьевичу предъявляли обвинения 27 и 28 июня, 3 августа, 12 и 13 сентября 1917 года. Временами это были совершенно абсурдные, не «министерского» уровня, претензии — например, по поводу убийства в Одессе при попытке к бегству местного революционера (по словам прокурора А.Ф. Романова — «известного разбойника») Ишера⁸⁹. Последнее обвинение предъявляли Щегловитову уже большевики в Москве 25 июля 1918 г. в такой редакции: Иван Григорьевич «изобличается в том, что, состоя... в должности министра юстиции Российской империи и в качестве такового... он... принимал, не разбираясь в средствах, на основании и в пределах предоставленной ему власти, а также выходя за таковые пределы, все зависящие от него меры на пространстве всего Русского государства для подавления... революционного движения...»⁹⁰

По поводу всех обвинений прекрасно высказался Трахтерев: «Первым детищем Временного Правительства было учреждение Чрезвычайной Следственной Комиссии, целью которой было установить наличность вины должностных лиц. Те, кто поверг в прах старый режим, должны стать судьями тех, кто ему служил! Нет ничего страшнее, говорил еще Тьер, когда, при анархии, судят верных старому режиму за то, что они не были верны режиму, которого еще не существует»⁹¹.

Все время заключения в Петропавловской крепости супруга Ивана Григорьевича хлопотала об облегчении участи мужа. Уже после большевистского переворота, 17—18 ноября 1917 г. она добилась в Чрезвычайной следственной комиссии позволения освободить Ивана Григорьевича под залог в 300 тыс. рублей. Но вскоре большевики комиссию распустили, и дело затихло. В конце марта 1918 г. Щегловитова и еще нескольких его товарищей по государевой службе и революционному застенку перевели в московскую Бутырскую тюрьму. Точно известно, что в Петропавловской крепости Иван Григорьевич содержался с 1 марта 1917 г. по 26 февраля 1918 г. в камерах № 45 и 62⁹².

Случайные товарищи по заключению в Бутырке в своих редких воспоминаниях восхищались Щегловитовым. Некто Н. Беглецов рассказывал, что в этой знаменитой тюрьме в 1918 г. «сидели... рабочие

и царские министры, в том числе Щегловитов, Хвостов... Первые двое вели себя сдержанно, с большим чувством достоинства». 23-летний подпоручик Д.А. Сидоров писал: «В камере № 5 Бутырской тюрьмы, куда попал я... Тюремный день начинался с “приборки”».

— Сегодня мое дежурство, — сказал Щегловитов, беря в руки веник.

— Позвольте, Ваше Превосходительство, мне, — вспыхнул застенчиво рабочий-плекхановец, протягивая руку.

Бывший царский министр улыбнулся, мягко, дружески отстранил рабочего:

— Я такой же арестант, как и Вы...»

Позже Сидоров записал: «Начался кровавый террор. За железным переплетом решеток вижу я четкий, строгий профиль Щегловитова... Это уже не простые люди, нет, это мученики и такими должна их запомнить Россия. Их морили голодом»⁹³. Похожее впечатление произвел Иван Григорьевич и на поэта А.А. Блока, посещавшего по долгу службы в Чрезвычайной комиссии Временного правительства русских государственных людей, заключенных в Петропавловской крепости. 1 июня 1917 г. Блок записал в дневнике: «Мы обошли 12 камер... Щегловитов каменный»⁹⁴.

Доктор Манухин в письме Керенскому сообщал: «Я свидетельствую, что среди заключенных были лица, из которых одни отличались большою стойкостью, другие — особым, прямо скажу, редким благородством»⁹⁵.

Несмотря на пафос «изобличений», Иван Григорьевич Щегловитов был расстрелян как заложник (бывший министр юстиции, контрреволюционер — вот весь «состав преступления») в ходе кампании «красного террора» 5 сентября (23 августа) 1918 г. в Москве⁹⁶.

Существуют два описания этой казни, оставленные людьми, на ней не присутствовавшими, но сославшимися на очевидцев. Оба опубликованы в 1922 году. Автор одного описания, скрывшийся под псевдонимом Дивеев, настроен к казненным в высшей степени сочувственно. Второй, С.А. Кобяков, присяжный поверенный и либерал, признавая достоинство жертв террора, их осуждает. В описании некоторых эпизодов авторы, тем не менее, сходятся.

Кобяков сообщает, что утром 5 сентября 1918 г. к Бутырской тюрьме подошли машину и отвезли арестованных на Лубянку, в резиденцию ЧК. Беглецов вспоминал, что Щегловитова и Хвостова вызвали к автомобилю из тюремной церкви, где они были на богослужении⁹⁷.

У Щегловитова в расстрельном списке был 83-й номер⁹⁸. Свеженным на Лубянку людям объявили, что их расстреляют. Подпоручик Сидоров сообщал, что будто бы Щегловитов спросил у приговорившего его к смерти Дзержинского: «За что?» И тот ответил: «За то, что вы были царским министром»⁹⁹.

Кобяков, неприязненно относившийся к приговоренному вместе с Щегловитовым к смерти священнику Иоанну Восторгову, тем не менее, признает: «Этот человек перед смертью проявил редкое величие духа. Он предложил всем желающим исповедаться у него. И много людей потянулось к нему за исповедью. В одну кучу смешались всеильные министры, спекулянты, офицеры и просто мирные

обыватели, захваченные большевиками. И у этого человека, который сам должен был умереть через несколько часов, для каждого нашлось слово утешения». Расстрел, по словам Кобякова, состоялся в Петровском парке. Дивеев, со слов заключенного, копавшего приговоренным могилу, говорил о Ходыньском поле. В литературе также встречается указание на Братское Всехсвятское кладбище, как на место расстрела и погребения Щегловитова и его товарищей¹⁰⁰. Прибывших обреченных чекисты выстроили вдоль расстрельного рва, лицом к могиле. Здесь были протоиерей Иоанн Восторгов — настоятель московского храма Василия Блаженного, Щегловитов, бывшие министры Маклаков и Хвостов, сенатор С.П. Белецкий, А.Д. Протопопов, поляки И. и М. Лютославские. В расстрельном списке ВЧК нет селенгинского епископа Ефрема (Кузнецова), молчит о нем и Кобяков, но Дивеев говорит, что владыка также был среди обреченных.

По просьбе отца Иоанна Восторгова, как рассказывает Дивеев, палачи-чекисты «разрешили всем осужденным помолиться и попроситься друг с другом. Все стали на колени и полилась горячая молитва несчастных “смертников”, после чего все подходили под благословение преосвященного Ефрема и отца Иоанна, а затем все простились друг с другом. Первым бодро подошел к могиле о. протоиерей Восторгов, сказавший перед тем несколько слов остальным, приглашая всех с верою в милосердие Божие и скорое возрождение Родины, принести последнюю искупительную жертву. “Я готов”, — заключил он, обращаясь к конвою. Все стали на указанные им места. Палач подошел к нему со спины вплотную, взял его левую руку, вывернул ее за поясницу и, приставив к затылку револьвер, выстрелил, одновременно толкнув отца Иоанна в могилу. Другие палачи приступили к остальным своим жертвам».

Иван Григорьевич Щегловитов, по словам Дивеева, «с трудом передвигался, но ни в чем не проявил никакого страха». Это стоило обреченному немало мужества. По словам Кобякова, казнь была публичной: «Чекисты выкрикивали имена казнимых. Указывая на Щегловитова, они кричали: “Вот бывший царский министр, который всю жизнь проливал кровь рабочих и крестьян”... После расстрела палачи ограбили тела своих жертв»¹⁰¹.

Следует сказать, что две жертвы этой расправы — епископ Ефрем Селенгинский и протоиерей Иоанн Восторгов — причислены к лику святых новомучеников и исповедников российских на юбилейном Архиерейском Соборе Русской Православной церкви в августе 2000 г. для общецерковного почитания¹⁰².

Вдова Ивана Григорьевича, Мария Фёдоровна, после гибели мужа вернулась в Петроград, где, испытав в полной мере нужду, болезни, одиночество и унижения, умерла в 1922 году¹⁰³.

Примечания

1. Иван Григорьевич Щегловитов. <http://baryshnikovphotography.com>.
2. МИЛОРАДОВИЧ Г.А., граф. Родословная книга Черниговского дворянства. Т. II. СПб. 1901, ч. 6, с. 222.
3. АЛЕКСЕЕВ В.П. Брянский фаворит царевны Софьи. Историко-краеведческий очерк. Брянск. 1992, с. 75—77.

4. Приложения к трудам редакционных комиссий для составления положений о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости. Сведения о помещичьих имениях. Т. VI. СПб. 1860, с. 36.
5. Сенатский архив. Т. II. СПб. 1889, с. 469, 564—565, 629—630; 1890, т. III, с. 135, 225, 462, 500, 549—550; 1891, т. IV, с. 6; АЛЕКСЕЕВ В.П. Ук. соч., с. 76.
6. Немало теплых слов в адрес своей «альма матер» произнес Иван Григорьевич на торжественном акте 5 декабря 1912 г. в Императорском училище правоведения в честь столетней годовщины со дня рождения основателя училища, принца Петра Георгиевича Ольденбургского. ЩЕГЛОВИТОВ И.Г. Принц Пётр Георгиевич Ольденбургский, как государственный и общественный деятель. М. 1915.
7. Для рассказа о служебном пути Щегловитова, за исключением специально оговоренных случаев, мы пользовались изданием: Государственный Совет. Пг. 1915, с. 121—123.
8. ЗВЯГИНЦЕВ А.Г., ОРЛОВ Ю.Г. В эпоху потрясений и реформ. Российские прокуроры 1906—1917. М. 1996, с. 7.
9. КОРОЛЕНКО В. Дневник. Письма. 1917—1921. М. 2001, с. 5—6, 60.
10. Александр Ильич Ульянов и дело 1 марта 1887 г. Сборник. М.—Л. 1927, с. 350; ЗВЯГИНЦЕВ А.Г., ОРЛОВ Ю.Г. Ук. соч., с. 8—9.
11. ЗВЯГИНЦЕВ А.Г. Роковая Фемида. Драматические судьбы знаменитых российских юристов. М. 2010.
12. МАКЛАКОВ В.А. Из воспоминаний. Н.—Й. 1954, с. 250—253; КОРОЛЕНКО В. Ук. соч., с. 60.
13. КОРОЛЕНКО В. Ук. соч., с. 6, 60; Русское богатство. 1896, № 6, отд. II, с. 191.
14. МАКЛАКОВ В.А. Ук. соч., с. 253—255.
15. Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900—1917. М. 2008, с. 615.
16. Иван Платонович Каляев. Типография партии социал-революционеров. 1905, с. 21.
17. Черная сотня, с. 616.
18. Падение Царского режима. Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного Правительства. Т. VII. М.—Л. 1925, с. 269.
19. Там же, т. II, с. 340.
20. Программа деятельности министерства юстиции по вопросам законодательным. — Тюремный вестник. 1906, № 9 (ноябрь), отдел официальный, с. 620.
21. Там же, с. 621—626.
22. КОКОВЦОВ В.Н., граф. Из моего прошлого. Воспоминания 1903—1919 гг. Т. I. Париж. 1933, с. 179—181, 183—189, 209, 257.
23. ОЛЬДЕНБУРГ С.С. Царствование Императора Николая II. Т. I. Белград. 1939, с. 24.
24. Русский календарь на 1909 г. А. Суворина. СПб. 1909, с. 308.
25. КУРЛОВ П.Г. Гибель Императорской России. М. 1991, с. 89—91; ВАСИЛЬЕВ А.Т. Охрана: русская секретная полиция. В кн.: «Охранка». Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 2. М. 2004, с. 378—379.
26. ЗВЯГИНЦЕВ А.Г., ОРЛОВ Ю.Г. Ук. соч., с. 35.
27. Там же, с. 36.
28. ГЕРАСИМОВ А.В. На лезвии с террористами. В кн.: «Охранка», т. 2, с. 263—268.
29. ТАЛЬБЕРГ Н.Д. Памяти убиенных царских министров. И.Г. Щегловитов. — Православная жизнь (Джорданвиль). 2003, № 3, с. 22.
30. РУУД Ч.А., СТЕПАНОВ С.А. Фонтанка, 16. Политический сыск при царях. М. 1993, с. 164; СТЕПАНОВ С.А. Черная сотня. Что они сделали для величия России? М. 2013, с. 253.
31. ЩЕГЛОВИТОВ И.Г. Влияние иностранных законодательств на составление Судебных Уставов 20 ноября 1864 года. Пг. 1915, с. 5.
32. Падение Царского режима, т. II, с. 340.
33. РОМАНОВ А.Ф. Император Николай II и Его Правительство (По данным Чрезвычайной Следственной Комиссии). В кн.: Русская летопись. Кн. 2. Париж. 1922, с. 9—10.
34. КОРОЛЕНКО В. Ук. соч., с. 6.
35. Государственная Дума. Третий созыв. Сессия I. Ч. 2. Стенографический отчет. [СПб. 1908.], стб. 138—142.

36. Там же, стб. 198—205.
37. ТРАХТЕРЕВ О.С. Февральская революция и падение судебного авторитета. — Часовой. 1932, № 79, с. 30; Трахтерев Осип Сергеевич. В кн.: Незабываемые могилы. Российское зарубежье: некрологи 1917—2001 в шести томах. Т. 6. М. 2006, кн. 2, с. 2006, с. 444.
38. Министр среди судей. — Искры. 1913, № 49, с. 386.
39. ЩЕГЛОВИТОВ И.Г. Влияние иностранных законодательств..., с. 69.
40. Там же, с. 31.
41. Список гражданским чинам первых трех классов. Исправлен по 1-е сентября 1914 года. Пг. 1914, с. 374.
42. ЗВЯГИНЦЕВ А.Г., ОРЛОВ Ю.Г. Ук. соч., с. 73.
43. См., например: Былое. 1925, № 2, с. 146, 148.
44. Весь Петербург на 1913 год. Адресная и справочная книга г. С.-Петербурга. СПб. 1913, отд. III, с. 726.
45. Правые партии. 1905—1917. Документы и материалы. Т. 2. 1911—1917 гг. М. 1998, с. 142.
46. Щегловитов Иван Григорьевич. <https://ru.wikipedia.org>; Елена Константиновна Дитерихс (Щегловитова, Оболенская). с <http://ru.rodovid.org>.
47. Черная сотня, с. 617.
48. Николай Михайлович, Великий Князь. Петербургский Некрополь. Т. 4. СПб. 1913, с. 617.
49. Черная сотня, с. 617.
50. ЗВЯГИНЦЕВ А.Г., ОРЛОВ Ю.Г. Ук. соч., с. 75.
51. Былое. Сборник по истории русского освободительного движения. № 14, 1912, с. 3—4.
52. КОРОЛЕНКО В.Г. Собрание сочинений в 6 томах. Т. 6. М. 1971, с. 193—194.
53. ГЕССЕН И.В. В двух веках. Жизненный отчет. В кн.: Архив русской революции. Т. XXII. Берлин. 1937, с. 305.
54. Государственная Дума. Третий созыв. Сессия I. Ч. 2. Стенографический отчет, стб. 2296.
55. РОМАНОВ А.Ф. Ук. соч., с. 32—33.
56. СПИРИДОВИЧ А.И. Великая Война и Февральская Революция 1914—1917 гг. Кн. I. Н.-Й. 1960, с. 150.
57. ВОЕЙКОВ В.Н. С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта Государя Императора Николая II. М. 1995, с. 153—154.
58. СПИРИДОВИЧ А.И. Ук. соч., кн. I, с. 157.
59. ГАЙДА Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 — весна 1917 г.). М. 2003, с. 51—52, 56, 375—376.
60. Там же, с. 88—89.
61. Переписка Николая и Александры Романовых. Т. III. 1914—1915 гг. М.-Пг. 1923, с. 207—208; Письма Императрицы Александры Фёдоровны к Императору Николаю II. Т. I. Берлин. 1922, с. 125.
62. Дневники императора Николая II. М. 1991, с. 536.
63. ОЛЬДЕНБУРГ С.С. Царствование Императора Николая II. Т. II. Мюнхен. 1949, с. 171.
64. СПИРИДОВИЧ А.И. Ук. соч., кн. I, с. 182—183, 189, 250.
65. Падение Царского режима, т. II, с. 430—434.
66. СПИРИДОВИЧ А.И. Ук. соч., кн. I, с. 169; ИВАНОВ А.А. Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914—1917). М.-СПб. 2013, с. 392.
67. СПИРИДОВИЧ А.И. Ук. соч., кн. I, с. 181.
68. КОЗЛОВ В.П. Обманутая, но торжествующая Клио. Подлоги письменных источников по российской истории в XX веке. М. 2001, с. 37—53.
69. Правые в 1915 — феврале 1917. По перлюстрированным Департаментом полиции письмам. В кн.: Минувшее. Исторический альманах. Т. 14. М.-СПб. 1993, с. 176.
70. Черная сотня, с. 616—617.
71. ИВАНОВ А.А. Ук. соч., с. 392.
72. СПИРИДОВИЧ А.И. Ук. соч., кн. I, с. 168; Кн. III. Н.-Й. 1962. с. 13.
73. Падение Царского режима, т. II, с. 425—426.
74. ОЛЬДЕНБУРГ С.С. Ук. соч., т. II, с. 231; СПИРИДОВИЧ А.И. Ук. соч., кн. III, с. 13.
75. ТАГАНЦЕВ Н.С. Пережитое. Учреждение Государственной Думы в 1905—1906 гг. Пг. 1919, с. 18, 93; Государственный Совет. Пг. 1915, с. 4, 94—95, 135.
76. Там же, с. 19, 88, 93.

77. ТАЛЬБЕРГ Н.Д. Ук. соч., с. 23—24.
78. ОЛЬДЕНБУРГ С.С. Ук. соч., т. II, с. 238.
79. Священнику Михаилу Владимировичу Митроцкому, принадлежавшему в Государственной думе IV созыва к фракции националистов, в 1917 г. исполнилось 34 года. Он был уроженцем польского Холма, окончил местную духовную семинарию и Киевскую духовную академию. Преподавал в Острожской гимназии и служил с 1912 г. в церкви местечка Медвина. К 1937 г. жил в деревне Домкино Фировского района Калининской (Тверской) области, «без определенных занятий». Арестован 8 августа 1937 г., приговорен к смерти 29 сентября 1937 г. тройкой при УНКВД Калининской обл. по обвинению в антисоветской агитации, расстрелян 1 октября 1937 года. См.: БОИОВИЧ М.М. Члены Государственной Думы (портреты и биографии). Четвертый созыв 1912—1917 г. М. 1913, с. 125; Митроцкий Михаил Владимирович. В кн.: Жертвы политического террора в СССР. М. 2007.
80. СПИРИДОВИЧ А.И. Ук. соч., кн. III, с. 22—23.
81. Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев, документы. М. 1998, с. 296, 299.
82. РОДЗЯНКО М.В. Государственная Дума и февральская революция. В кн.: Архив русской революции. Т. VI. Берлин. 1922, с. 66.
83. ДЕМЬЯНОВ А. Моя служба при Временном Правительстве. Там же, с. 58—59.
84. КУРЛОВ П.Г. Ук. соч., с. 249—250.
85. «Я совершенно признаю, что продолжать совместную работу нам будет трудно»: В.А. Маклаков. В кн.: Современные записки. Париж. 1920—1940. Из архива редакции. Т. 4. М. 2014, с. 217—220. При цитировании для удобства чтения мы опустили квадратные скобки, в которых публикатор раскрыл авторские сокращения.
86. ЗВЯГИНЦЕВ А.Г., ОРЛОВ Ю.Г. Ук. соч., с. 89—90.
87. ТРАХТЕРЕВ О.С. Февральская революция и падение судебного авторитета. — Часовой. 1932, № 79, с. 28.
88. АРГУНОВ А. В большевицком плену. В кн.: Красный террор в Петрограде. М. 2011, с. 50—51.
89. ЗВЯГИНЦЕВ А.Г., ОРЛОВ Ю.Г. Ук. соч., с. 89; РОМАНОВ А.Ф. Ук. соч., с. 33; МЕЛЬГУНОВ С.П. Судьба императора Николая II после отречения. М. 2005.
90. ЗВЯГИНЦЕВ А.Г., ОРЛОВ Ю.Г. Ук. соч., с. 93.
91. ТРАХТЕРЕВ О.С. Ук. соч., с. 27—28.
92. Записные книжки полковника Г.А. Иванишина. В кн.: Минувшее. Исторический альманах. Т. 17. М.—СПб. 1995, с. 571.
93. СИДОРОВ Д. В Бутырской тюрьме. В кн.: Красный террор в Москве: свидетельства очевидцев. М. 2010, с. 131, 249, 252.
94. БЛОК А.А. Дневник. М. 1989, с. 211.
95. Современные записки, т. 4, с. 219.
96. Еженедельник чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. 27.X.1918, № 6, с. 27—28; ГОЛИНКОВ Д.Л. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917—1925 гг.). М. 1975, с. 201; РАТЬКОВСКИЙ И.С. Красный террор и деятельность ВЧК в 1918 году. СПб. 2006, с. 160.
97. БЕГЛЕЦОВ Н. В дни «красного» террора. В кн.: Красный террор в Москве..., с. 131.
98. Еженедельник чрезвычайных комиссий..., с. 27.
99. СИДОРОВ Д. В Бутырской тюрьме. В кн.: Красный террор в Москве..., с. 245.
100. Священномученик Ефрем, епископ Селенгинский (память 23 августа по старому стилю). Новомученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви, прославленные на Архиерейском Соборе 2000 г. — Жития святых. М. 2003.
101. ДИВЕЕВ. Жертвы долга. В кн.: ЖЕВАХОВ Н.Д., князь. Воспоминания. Т. II. М. 1993, с. 140—141; КОБЯКОВ С. Красный суд. В кн.: Архив русской революции, издаваемый Г.В. Гессеном. Т. VII. Берлин. 1922, с. 273—275.
102. Священномученик Ефрем, епископ Селенгинский (память 23 августа по старому стилю); Священномученик протоиерей Иоанн Восторгов (там же). В кн.: Новомученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви, прославленные на Архиерейском Соборе 2000 г.
103. Падение Царского режима, т. VII, с. 440; Былое. 1925, № 2, с. 150; ЗВЯГИНЦЕВ А.Г., ОРЛОВ Ю.Г. Ук. соч., с. 96.

Советская репарационная политика в Германии в 1945—1953 гг.

Р.Ю. Болдырев, С.И. Невский

Аннотация. В данной работе на основе документов из российских и немецких архивов рассматривается формирование и эволюция целей и задач советской репарационной политики в Германии, определяются общие объемы различных видов репараций, дается оценка применению немецкого оборудования и его роли в послевоенном восстановлении СССР, определяется значение репараций для последующего развития экономики СССР.

Ключевые слова: германский вопрос, советская оккупационная политика в Германии, германские репарации, послевоенное восстановление экономики СССР, советская оккупационная зона Германии, Советская военная администрация в Германии (СВАГ).

Abstract. Based on Russian and German archive documents, the paper deals with the forming and evolution of goals and objectives of Soviet reparation policy in Germany and determines the total volume of deinstalled industrial hardware and various other types of received reparations. It further gives an assessment of the use of German hardware and its role in the post-war Reconstruction of the USSR.

Key words: German question, Soviet occupation policy in Germany, German reparations, post-war reconstruction of Soviet economy, Soviet occupation zone of Germany, Soviet military administration in Germany.

После завершения летом 1994 г. вывода российских войск из Германии началось рассекречивание документов Советской военной администрации в Германии (СВАГ) и других учреждений, связанных с решением германского вопроса в послевоенные годы. Изучение истории СВАГ было названо одним из приоритетов Совместной российско-германской комиссии историков, а публикация документов

Болдырев Роман Юрьевич — кандидат исторических наук, доцент Северного (Арктического) федерального университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: r.boldyrev@narfu.ru; *Невский Сергей Игоревич* — кандидат экономических наук, доцент Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. E-mail: nevskij@msu.ru.

Boldyrev Roman Yu. — candidate of historical sciences, associate professor of the Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. E-mail: r.boldyrev@narfu.ru; *Nevskiy Sergey I.* — candidate of economic sciences, associate professor of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov. E-mail: nevskij@econ.msu.ru.

СВАГ — совместным проектом Государственного архива Российской Федерации и Федерального архива ФРГ. В 1994—2013 гг. был принят целый ряд проектов по публикации корпуса источников по истории советской оккупационной политики в Германии. В результате вышел в свет ряд сборников документов, достаточно широко представляющий основные направления деятельности СВАГ ¹, работу управления пропаганды (информации) на территории Восточной Германии ², деятельность органов государственной безопасности ³ и специальных лагерей НКВД/МГБ СССР на территории советской оккупационной зоны (СОЗ) ⁴, цели и задачи советской политики в германском вопросе ⁵.

В поле зрения отечественных и зарубежных историков оказались вопросы отношений между четырьмя оккупационными державами по германскому вопросу ⁶, формирования общественно-политической системы будущей Германской Демократической Республики (ГДР) ⁷, воссоздания политических партий и общественных организаций ⁸, денацификации ⁹, трансформации культуры ¹⁰, осуществления пропаганды и насаждения культа личности И.В. Сталина ¹¹, повседневной жизни СВАГ и Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ) ¹².

Отдельным направлением исследования является изучение эволюции социально-экономической системы Восточной Германии. В 1990—2000-е гг. появились работы, посвященные анализу экономического положения в послевоенной Германии, экономическим реформам в советской оккупационной зоне Германии, денежной реформе 1948 г., переходу к централизованной плановой экономике ¹³. Среди тем, связанных с послевоенным экономическим развитием советской оккупационной зоны Германии, самой закрытой оставалась проблема репараций.

«Советская репарационная политика до сих пор остается в тени», — написал в 1995 г. немецкий исследователь Йохан Лауфер ¹⁴. Дискуссия по проблемам репараций развернулась в западной историографии в 1990-е годы. Новые источники, ставшие доступными после объединения Германии, позволили немецким исследователям впервые на документальной основе обратиться к изучению последствий второй мировой войны. Однако имеющиеся в немецких архивах данные оказались достаточно отрывочными и противоречивыми. Это было связано с тем, что решение репарационных вопросов находилось в компетенции не немецких, а советских оккупационных властей. Кроме того, в документообороте советских и немецких органов власти в Германии существовала практика, когда немецкие учреждения получали только выписки из распоряжений советских органов, которые по прочтении следовало либо уничтожить, либо вернуть отправителю. В связи с этим большие надежды западные исследователи возлагали на открытие архивов бывшего СССР.

К сожалению, процесс рассекречивания документов бывших советских архивов лишь частично затронул тему репараций, доступными для исследователей стали материалы, преимущественно связанные с репарациями из текущего производства. В сборниках документов опубликована лишь дипломатическая переписка по репарационному вопросу, а также документы, касающиеся изучения

советскими специалистами достижений немецкой науки и техники ¹⁵. Видимо этим объясняется и небольшое количество публикаций отечественных историков по данной теме ¹⁶.

В данной работе на основе документов Архива внешней политики Российской Федерации, Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива социально-политической истории, Российского государственного архива экономики и Фонда архива партий и массовых организаций ГДР в Федеральном архиве (ФРГ), а также отечественной и зарубежной историографии рассматривается формирование и эволюция целей и задач советской репарационной политики в Германии.

Территория, вошедшая в состав советской оккупационной зоны, по праву считалась промышленным ядром Германии. Занимая 23% территории Германской империи в границах 1937 г. (без Берлина) и имея 22% населения (по состоянию на 1939 г.), СОЗ обладала значительным экономическим потенциалом. При доле площадей индустриального назначения в 40% (общегерманский показатель на 1937 г. составлял 24,7%) и населения, занятого в промышленности, в 76,2% (в среднем по Германии в 1937 г. — 65,2%), ее можно отнести к высоко индустриализированным регионам ¹⁷.

В Бранденбурге, Тюрингии, Саксонии и Саксонии-Анхальт находились крупные месторождения каменного и бурого угля, калийных солей, урана, глины, гравия, строительного песка. Имелись также, пусть и не столь значительные, месторождения каменного угля, медной и железной руды. Текстильная промышленность была хорошо развита в Хемницкой агломерации, металлургия и металлообработка — в Берлине и его окрестностях, химическая промышленность и машиностроение — в агломерации Галле, Мерзебурге, Биттерфельде, Лейпциге, оптика и точная механика — в Йене, судостроение — в Ростоке и Висмаре. Кроме этого, на территории СОЗ имелись крупные предприятия целлюлозно-бумажной, текстильной и пищевой промышленности, производство строительных материалов. В целом, промышленное производство в Средней Германии отличалось достаточно высоким технологическим потенциалом, а уровень развития транспортной инфраструктуры, внутренней торговли, банковского дела и сферы услуг здесь был не ниже среднего общегерманского. Земля Саксония в 1939 г. имела наивысший индекс индустриального развития среди всех германских территорий ¹⁸.

В связи с подготовкой Германии ко второй мировой войне было принято решение о переносе ряда важнейших промышленных мощностей на восток, еще больше этот процесс ускорился в годы войны в связи с бомбардировками союзнической авиацией западных частей страны. В результате, к 1944 г. объем валового производства на территории будущей советской зоны увеличился почти на 65%. За это время наиболее существенный прирост производственных мощностей получили такие отрасли военной индустрии, как точная механика/оптика, производство боеприпасов, авиастроение, производство вооружений и электротехника. В Саксонии, Тюрингии, Бранденбурге и Саксонии-Анхальт располагались предприятия металлургической, электротехнической, химической промышленности. Значительная часть производственного комплекса СОЗ уцелела в ходе военных

действий, степень разрушения оценивалась экспертами в 15% от уровня производства 1944 года ¹⁹.

Провинция Бранденбург, части Саксонии-Анхальт и особенно Мекленбурга — Передней Померании являлись важными сельскохозяйственными регионами. Мекленбург — Передняя Померания и Бранденбург являлись крупными центрами выращивания ржи, пшеницы и картофеля, а также скотоводства, в плодородных долинах Саксонии-Анхальт, Тюрингии и Саксонии занимались выращиванием пшеницы, ячменя, овса, сахарной свеклы и винограда, в окрестностях крупных промышленных центров было высоко развито садоводство и овощеводство ²⁰. По общей площади земель сельскохозяйственного назначения (6,6 млн га) СОЗ занимала первое место в Германии (31,2% всех обрабатываемых площадей) ²¹. Правда, война крайне негативно сказалась на динамике развития сельского хозяйства: посевные площади сократились на 17%, в результате сокращения применения удобрений резко снизилась урожайность (зерновых — с 22 ц с га в 1938 г. до 15,5 ц с га в 1945 г., сахарной свеклы — с 310 до 180 ц с га и рапса — с 12 до 6 ц с га). Особенно резко сократилось животноводство (численность лошадей — на 41,2%, крупного рогатого скота — на 44,8%, свиней — на 73%, овец и коз — на 40,3%, птицы — на 68,2%) ²².

Благодаря притоку беженцев и репатриантов население СОЗ выросло с 16,7 млн чел. в 1939 г. до 18,4 млн в 1949 г., при этом доля беженцев и репатриантов составила 23% всего населения ²³. К 1946 г. общее число занятого населения выросло по сравнению с 1939 г. с 7,7 до 8,1 млн чел., из них 42% трудились в промышленности, 24% — в сельском хозяйстве, 17% — в торговле и на транспорте ²⁴. Однако летом 1945 г. во многих областях промышленности работали только отдельные предприятия, число безработных оценивалось более чем в 1 млн человек. Когда же к началу 1946 г. было запущено 24 871 предприятие, число безработных сократилось до 595,5 тыс. чел., а с начала 1948 г., когда работало уже 39 919 предприятий, безработица на востоке Германии была практически полностью ликвидирована ²⁵.

Таким образом, экономический потенциал СОЗ к концу войны заметно вырос. Военные разрушения носили ограниченный характер, и в целом их было меньше, чем в западных зонах. Благодаря притоку беженцев и репатриантов промышленность и сельское хозяйство не испытывали дефицита рабочей силы. В то же время нельзя забывать о недостатке энергоресурсов, отсутствии собственной металлургической базы и предприятий по вторичной переработке продукции химической промышленности ²⁶.

Репарационная политика Советского Союза изначально была ориентирована на то, чтобы вывезти из Германии значительно больше материальных ценностей, чем предусматривалось Потсдамскими соглашениями. Это позволило бы хоть как-то сократить разрыв между стоимостью причиненного войной ущерба (по подсчетам Чрезвычайной государственной комиссии, около 679 млрд руб.) ²⁷ и установленным размером компенсаций. Официально сделать это было невозможно (из-за позиции Великобритании), поэтому большая часть оборудования должна была быть демонтирована еще до завершения Потсдамской конференции.

В 1945 г. перед советским руководством стояли следующие задачи. Во-первых, в кратчайший срок эвакуировать самое ценное имущество, причитавшееся Советскому Союзу, из западных зон. Это должно было существенно расширить объем репарационных изъятий. Во-вторых, по возможности максимально ограничить взимание репараций западными союзниками с советской зоны с тем, чтобы, с одной стороны, не допустить ухудшения экономического положения собственной зоны оккупации, а с другой стороны, добиться увеличения поступлений репараций за счет доли союзников в пользу СССР. В-третьих, желательно было перейти к такому варианту репарационных изъятий, когда каждая сторона производила бы их из своей зоны оккупации. Это практически избавило бы Советский Союз от международного контроля за учетом и вывозом репарационных грузов.

Поставленные задачи были выполнены во всех деталях. При этом советское правительство добилось продолжения ограниченного взимания репараций из западных зон и после перехода к позновому принципу. Союзнический контроль над репарационными поставками был полностью преодолен. С этого времени процесс изъятий не регламентировался никакими международными постановлениями, а все существовавшие договоренности советской стороной были обойдены. Экономические и политические последствия обособления Восточной Германии из-за проведения подобной сепаратной репарационной политики советскими оккупационными властями в расчет тогда не принимались.

Организационно-техническая подготовка к взиманию репараций с Германии в пользу СССР началась сразу после Ялтинской конференции. В течение зимы 1944 — весны 1945 г. все наркоматы СССР были обязаны подготовить справки по немецким предприятиям и их оборудованию, намеченному к вывозу на территорию СССР²⁸. При составлении подобных документов, обычно оформляемых в виде альбомов, использовались данные о советско-германском торгово-экономическом сотрудничестве в 1920—1930-е гг., статистические справочники по отраслям немецкой промышленности, показания советских инженеров и торговых агентов, посещавших немецкие предприятия в предвоенный период. В альбомах содержались списки заводов с указанием важнейшего оборудования, установленного на них, перечни предприятий-смежников, данные об объемах производимой заводами продукции, количестве занятых, приводилась оценка необходимого числа вагонов и рабочей силы для демонтажа и вывоза оборудования. Любопытно, что была собрана информация по предприятиям, попадавшим не только в будущую советскую, но и в западные оккупационные зоны²⁹. В приоритетном порядке составлялись справки на предприятия, расположенные на немецких территориях, отходивших по итогам войны Польше и Чехословакии, а также на территории Австрии и Венгрии, поскольку их оборудование должно было быть демонтировано в первую очередь³⁰.

21 февраля 1945 г. было принято постановление Государственного комитета обороны (ГОКО) о создании при действующих фронтах постоянных комиссий по демонтажу и о порядке вывоза промышленного оборудования из Польши и Германии. В помощь комиссиям были направлены специалисты советской промышленности, которые

должны были определять ценность, количество оборудования, материалов и готовой продукции, подлежавшей вывозу. 25 февраля, согласно постановлению ГОКО, был создан Особый комитет при ГОКО, уполномоченный координировать деятельность по демонтажу³¹. К этому процессу были привлечены соответствующие наркоматы и ведомства, заинтересованные в получении демонтированного оборудования, материалов и продукции. Они делегировали своих представителей на фронт для сбора необходимой информации.

Подготовкой и отправкой в СССР ценного имущества занимались два вида подразделений: трофейные команды, подчинявшиеся Управлению тыла Красной армии, и демонтажные команды, находившиеся в ведении Особого комитета по Германии при ГОКО, имевшего своих представителей на фронтах. Работа этих ведомств между собой практически не координировалась, что создавало почву для анархии, взаимных обвинений и различных злоупотреблений.

До заключения Потсдамских соглашений было вывезено практически все промышленное оборудование из передаваемых Польше районов Восточной Пруссии, Силезии, Померании, а также из Западного Берлина. Кроме того, в СССР была отправлена значительная часть имущества из Восточной Германии. Оценка результатов деятельности трофейных и демонтажных команд практически не производилась, поэтому данные об изъятиях не были учтены при подсчете репараций. По состоянию на 9 мая 1945 г. из Германского рейха было вывезено 48 тыс. вагонов оборудования общим весом 550 тыс. тонн. Оценка стоимости этих грузов велась из расчета 370 долларов за одну тонну³².

В общей сложности до 1 августа 1946 г. было демонтировано оборудование 4166 предприятий общей остаточной стоимостью в 1,9 млрд долларов (для его транспортировки потребовалось 556 тыс вагонов). Кроме того, было конфисковано и передано в собственность СССР подвижного состава железных дорог на сумму в 350 млн долларов³³. Вывоз оборудования из Германии позволял существенно усилить экономический и военно-промышленный потенциал СССР. Так, мощность электрогенераторов выросла на 48%, электростанций — на 71, число металлорежущих станков — на 42, прессов и молотов — на 26, деревообрабатывающего оборудования — на 28%³⁴.

Учреждение Советской военной администрации в Германии (СВАГ) привело к неизбежному конфликту вокруг реализации мероприятий демонтажа. Прежде всего, это был конфликт компетенций, так как в полномочия СВАГ входило осуществление контроля за репарационными изъятиями из текущего производства, а Особый комитет при ГОКО (затем при Совете министров СССР) отвечал за проведение демонтажа; при этом деятельность обоих властных институтов практически не координировалась между собой. В свою очередь, растущие темпы демонтажа угрожали нормальному экономическому развитию советской зоны, что могло повлечь за собой срыв репарационных поставок из текущего производства, за которые отвечала СВАГ.

В этой связи не удивительно, что руководство СВАГ крайне негативно реагировало на усиление активности демонтажных подразделений в своей зоне, всеми силами пытаясь ее ограничить. Приказ главноначальствующего СВАГ № 31 от 18 августа 1945 г. предписы-

вал согласовывать все предложения о передаче предприятий советским наркоматам и вывозе оборудования с главами советской военной администрации (СВА) провинций и земель³⁵, без чего демонтаж оборудования запрещался³⁶. Однако самоуправство продолжалось. Так, в приказе № 035 от 29 августа 1945 г. констатировалось, что «представители отдельных наркоматов и других организаций самостоятельно выдают немецким фирмам заказы, не имея на то разрешений соответствующих Отделов СВАГ, незаконно приостанавливают работу промышленных предприятий и демонтируют их. Демонтаж идет беспланово, без учета экономической целесообразности для Советского Союза. Демонтируются фабрики и заводы, имеющие большие запасы сырья, продукция которых может быть использована в наших интересах»³⁷.

На совещании руководящего состава СВАГ, состоявшемся в августе 1945 г., вопрос о репарациях поднимался неоднократно, хотя и не был заявлен в повестке заседания. В своих выступлениях руководители СВА провинций и земель жаловались на самоуправство трофейных и демонтажных подразделений. В ответ на прозвучавшую критику, в своем выступлении на этом совещании маршал Жуков так обозначил цели и место репараций в советской оккупационной политике в Германии: «В области экономического порядка в Германии первый и наиболее важный вопрос, за который нужно сейчас же взяться и выполнить его в кратчайший срок — это покрыть издержки войны для нашей страны вывозом из Германии всех военных трофеев и тех репарационных платежей, которые обязана Германия уплатить. Нам нужно быстрее вывезти все, что нужно... в счет покрытия издержек войны, чтобы залечить раны, нанесенные нашей стране, нашей промышленности». Далее глава СВАГ отметил, что останавливать демонтаж нельзя, оборудование можно сложить на специальные склады и использовать в дальнейшем. Второй задачей была названа оплата оккупационных расходов за счет населения Германии: «Мы до сих пор нашу оккупационную армию содержим за счет нашего народа, за счет нашей страны. Это неправильно... Пусть немцы содержат нас. Они обязаны, как побежденная страна». Задаче восстановления немецкой промышленности по степени важности отводилось лишь третье место, и то в связи с необходимостью обустройства жизни и быта советских оккупационных войск. Интересы же самих немцев на данной шкале приоритетов занимали только четвертое место³⁸.

Такая позиция в целом соответствовала массовым настроениям советских граждан в 1945 году. Пострадавшие от войны люди не могли понять, почему теперь они должны заботиться о снабжении немцев. После публикации в мае 1945 г. в газете «Правда» сообщений о том, что Красная армия кормит население Германии и устанавливает для него нормы продовольственного снабжения, агитаторами Московского горкома партии были зафиксированы следующие высказывания: «Еще не остыла кровь наших братьев и сестер, замученных немцами, еще не зажили раны, нанесенные войной, мы еще несем на себе тяжесть войны, а на наши средства благоустраивают жизнь наших злейших врагов, которые через 20 лет снова станут убивать наших детей. Зачем тогда было воевать?»³⁹

Для наведения порядка в области репарационных изъятий приказом от 8 сентября 1945 г. предписывалось в срочном порядке со-

брать сведения о состоянии промышленности советской оккупационной зоны, чтобы затем на основании этих данных составить общий план репарационных поставок в Советский Союз ⁴⁰. Полученные немецкими предприятиями заказы на производство продукции в счет репараций должны были исполняться в приоритетном порядке и носить характер закона.

С осени 1945 г. начался «законный» этап взимания репараций. Первоочередные мероприятия СВАГ на транспорте сводились к изъятию «излишних» транспортных средств в пользу СССР и бесперебойному обслуживанию репарационных поставок. Для обеспечения перевозок был задействован значительный подвижной состав — 900 паровозов, 12 000 вагонов, а также 28 000 платформ, которые обслуживало 1800 бригад. Из Германии были вывезены наиболее ценные и исправные корабли, 1291 локомотив и 40 852 вагона, 6 снегоочистителей, 776 цистерн, 92 транспортера, более 500 колесных пар, 8,1 тыс. км рельсов и 5 млн шпал, 11,6 тыс. комплектов стрелочных переводов (в том числе был демонтирован весь электрифицированный участок железной дороги протяженностью 860 км), что привело к резкому сокращению объемов немецких перевозок. Для преодоления создавшегося кризиса в 1946—1947 гг. была проведена национализация всех видов транспорта и введено планирование по советскому образцу. Только с 1948 г. началось восстановление демонтированных железнодорожных путей и возврат части изъятого в счет репараций транспорта (в Германию вернулись 710 локомотивов и 14 824 вагона) ⁴¹.

После заключения Потсдамских соглашений основной упор предполагалось сделать на демонтаже из Западной Германии. Осенью 1945 г. межсоюзническая оценочная комиссия проинспектировала предприятия западных зон, оборудование которых должно было быть демонтировано. 1 апреля 1946 г. хозяйственный директорат Контрольного совета утвердил список из 415 предприятий, подлежащих демонтажу в счет репараций (130 — из американской зоны, 262 — из британской, 23 — из французской). В течение нескольких месяцев демонтированное оборудование отгружалось в Бременском порту на зафрахтованные советские суда ⁴². Демонтаж из западных зон затронул в первую очередь химические, танковые, автомобильные, авиационные, судостроительные заводы, а также металлургические предприятия ⁴³.

Однако вскоре при взимании репараций из западных зон СССР пришлось столкнуться с трудностями. Как выяснилось, самое ценное оборудование уже было продано или вывезено по указанию союзников, многие заводы вовсе не имели оборудования, американские и британские оккупационные власти препятствовали доступу советских сотрудников на предприятия ⁴⁴. Первоначально советское руководство довольно остро реагировало на эти сообщения, обвиняя западных союзников в срыве Потсдамских соглашений. В директивах Политбюро ЦК ВКП(б) для советской делегации на Парижской конференции совета министров иностранных дел по Германии 1946 г. говорилось, что репарации являются главным экономическим требованием СССР к Германии, что необходимо добиться отправки в счет репараций не только промышленного оборудования, но и товаров из текущего производства, при этом пребывание советских войск на территории Германии расценивалось как гарантия уплаты репараций ⁴⁵.

В 1947 г. в связи с начавшимся расколом Германии вопрос о репарациях в межсоюзнических отношениях отошел на второй план. Члены советской делегации на Лондонской конференции СМВД⁴⁶ были проинструктированы следующим образом: «Вопрос о репарациях не выпячивать и развить советскую позицию о репарациях при обсуждении экономических проблем, а также в связи со срывом репараций в западных зонах Германии»⁴⁷. С 1948 г. ввиду уже открытого противостояния между союзниками вывоз репарационных грузов из западных зон вовсе прекратился. На заседании Политбюро 8 сентября 1949 г. было принято решение отклонить требования западных оккупационных властей о возобновлении встречных репарационных поставок из советской оккупационной зоны на запад и обратно. При этом советским представителям в межсоюзных органах управления Германией запрещалось впредь настаивать на возобновлении таких поставок⁴⁸. Отныне вся тяжесть уплаты репараций Советскому Союзу ложилась исключительно на население Восточной Германии.

Из советской зоны в первую очередь вывозилось оборудование военных заводов, металлургических, судостроительных, авиационных, химических, электротехнических, оптических предприятий⁴⁹. В результате демонтажа производственные мощности СОЗ в отрасли цветной металлургии сократились на 100%, авиационной промышленности — на 100, черной металлургии — на 80, точной механики и оптики — на 65, электротехнической промышленности — на 60, транспортного машиностроения — на 54, станкостроения — на 53, целлюлозно-бумажной промышленности — на 45, производства цемента — на 40, химической промышленности — от 30 до 100% (в зависимости от вида продукции)⁵⁰. При этом значительная часть полученного из Германии оборудования не сразу находила применение, хотя специальным постановлением Совета народных комиссаров СССР и предписывалось немедленно по прибытии репарационного груза обеспечить его приемку, оценку и учет⁵¹. Оценка производилась в соответствии с действовавшими в СССР ценами со скидкой на износ. Советские предприятия были обязаны в 10-дневный срок оплатить в государственный бюджет поставляемое им трофейное оборудование и материалы за счет ассигнований на капиталовложения⁵².

Спешная отправка грузов зачастую приводила к тяжелым последствиям: оборудование хранилось под открытым небом, терялось в пути, приходило в негодность из-за плохого обращения, расхищалось ввиду ненадлежащей охраны мест складирования⁵³. Проведенная в июне 1946 г. на московских предприятиях проверка показала, что из 45 336 единиц трофейного и демонтированного оборудования 14 828 единиц — 32,7% — не используется вовсе и небрежно хранится (в основном под открытым небом)⁵⁴.

Ввод оборудования в эксплуатацию сильно задерживался. Это было вызвано и путаницей с поставкой оборудования и комплектующих к нему, из-за чего нарушался технологический процесс, и отсутствием сопроводительной технической документации или ее перевода на русский язык, и недостаточной квалификацией инженерно-технических кадров и рабочих, которые были не в состоянии быстро освоить современное оборудование⁵⁵.

Имелся и еще один перекоп: по состоянию на июнь 1945 г. почти 55% всего демонтированного оборудования отправлялось в Москву, Ленинград, Харьков и Донбасс, 16% — в районы СССР, подвергшиеся немецкой оккупации, и 11% — на Север, Урал, в Сибирь, Среднюю Азию и на Дальний Восток⁵⁶. В общей сложности 63,2% репараций попали в тыловые районы СССР, кроме того, большая их часть была использована в военно-промышленном комплексе, из чего следует вывод, что репарации не принесли ощутимой помощи советскому населению, пострадавшему от войны.

Начиная с 1946 г. демонтаж предприятий в советской оккупационной зоне шел на убыль. Вместо него летом 1946 г. 213 крупнейших немецких заводов были превращены в советские акционерные общества (САО). А вся производимая ими продукция направлялась на нужды СССР⁵⁷. В собственность СССР были переданы в первую очередь предприятия стратегического назначения: судостроительные, прокатные, сталелитейные, машиностроительные и химические заводы, электротехническая промышленность. Важной составной частью группы САО в Германии были предприятия отраслей, не развитых или недостаточно развитых в Советском Союзе: заводы по производству велосипедов, электрокабеля, холодильного оборудования. В 1950 г. доля САО в ВВП СЗ составила 22,6%, в том числе: в химической промышленности — 57,8%, энергетике — 42,2, горной промышленности — 37,6, электротехнике — 36,2, металлургии — 31,7, машиностроении — 26,4, точной механике и оптике — 25,5%⁵⁸.

Еще внушительнее выглядят статистические показатели САО в региональном измерении. Так, в 1947 г. в Саксонии-Анхальт 50,1% всей промышленной продукции производилось на предприятиях, переданных в советскую собственность. В соседней Тюрингии на долю САО приходилось 19,6%⁵⁹. Особую группу составляли предприятия, производившие военную продукцию, например, САО «Висмут». Советский Союз осуществлял в них прямые капиталовложения, поставлял оборудование (в случае необходимости), готовил кадры. Предприятия, включенные в план производства промышленной продукции СССР, полностью зависели от советской администрации и напрямую подчинялись профильным министерствам СССР. На них внедрялся советский опыт производства и планирования, организовывалось социалистическое соревнование и стахановское движение (впрочем, без особого успеха).

На многих частных предприятиях СЗ были размещены репарационные заказы по производству машин и оборудования, цветных металлов, химикатов, синтетического каучука и резины, товаров народного потребления, стройматериалов, спирта, крахмала и сахара. Весьма значительными были и поставки для Красной армии⁶⁰. При распределении заказов зачастую не учитывались производственные мощности и запасы сырья, что приводило к срывам поставок. Ситуация обострилась, когда в течение 1946 г. в СЗ практически иссякли все запасы производственного сырья, сделанные в годы войны⁶¹. Немецкие предприятия назначали свою цену за продукцию, подлежащую вывозу. Советская комиссия сравнивала ее с ценой этого же товара в 1944 году. Из средств земельного правительства производилась оплата в размере той суммы, которую называла фирма, при этом

засчитывались репарационные платежи по цене 1944 г., кроме того, для постоянных оптовых покупателей предоставлялась скидка (до 12%), которая также вычиталась из цены 1944 года. Разницу должно было покрыть земельное правительство, то есть фактически — население Германии. Главные статьи расходов бюджета приходились на выплату репараций и на покрытие затрат на оккупацию, всего в 1945—1949 гг. на эти цели было потрачено свыше 1,9 млрд долларов. При этом расходы на восстановление восточногерманской экономики за тот же период составили всего 154 млн долларов ⁶².

Причинами таких изменений в репарационной политике стали: развертывание «холодной войны», начало восстановления союзника — Западной Германии, ухудшение экономической ситуации в самой ССР, а также подготовка к выборам на коммунальном уровне (в общинах), перед которыми необходимо было продемонстрировать успехи немецкой промышленности и повысить благосостояние населения.

Кроме демонтажа и поставок из текущего производства существовали и альтернативные способы взимания репараций ⁶³. Так, в качестве «интеллектуальных репараций» в СССР вывозились немецкие патенты, научная и техническая литература, а также лучшие ученые и инженеры. Руководство СССР быстро осознало низкую эффективность демонтажа: во-первых, для налаживания работы и обслуживания станков требовались грамотные специалисты; во-вторых, поступающая в СССР немецкая техническая документация была неполной (часть была уничтожена или попала в руки американских союзников), отдельные проекты находились на стадии разработки или в процессе проектирования. Поэтому задачей сотрудников советской разведки и НКВД являлся поиск ценных немецких ученых и инженеров, а также предотвращение их захвата спецслужбами западных держав ⁶⁴. Обнаруженные специалисты гражданских отраслей промышленности переводились на работу в советские акционерные общества или в вузы и НИИ Восточной Германии, выполнявшие задания СВАГ и советских министерств, к ним на стажировку посылались соответствующие советские специалисты ⁶⁵. Немецкие ученые и инженеры из военных отраслей, а также специалисты в отраслях науки и техники, слабо развитых в нашей стране, подлежали вывозу в СССР.

Захват ведущих специалистов начался сразу после вступления Красной армии на территорию Германии; с мая 1945 г. приступили к планомерному поиску ценных ученых и инженеров; в 1945—1946 гг. ведущие немецкие вузы и НИИ были прикреплены к исследовательским отделам СВАГ и советских министерств. Одновременно советские ведомства присылали запросы на нужных им специалистов. Для сотрудников отдела науки СВАГ был составлен подробный перечень тем, интересовавших советских ученых: технология и организация приборостроения, технология станкостроения, производство цветного кино и обработка цветной киноплёнки, производство бумаги и фибры, ведение горно-геологических работ, прикладная геофизика, черная и цветная металлургия, обогащение полезных ископаемых, производство синтетического жидкого топлива и газификация твердого топлива, электротехника, электроэнергетика, производство электронных микроскопов, пищевая промышленность, производство стиральных порошков и моющих средств без применения натуральных жиров ⁶⁶.

Еще до испытания американской атомной бомбы, в июне 1945 г. сотрудники отдела «С» НКВД-НКГБ (группа П.А. Судоплатова) вывезли из Германии видных ученых с семьями: нобелевского лауреата Генриха Герца, профессоров Роберта Дёпеля, Макса Фольмера, Хайнца Позе, Петера Тиссена — всего около двухсот специалистов, включая 33 доктора наук и 77 инженеров. В Малоярославце-10 был создан секретный центр по разработке, добыче и обогащению урановой руды и металлургии урана, укомплектованный немецкими специалистами. Немецкие ученые работали и в других уголках СССР: известные физики-ядерщики Ганс-Йоахим Борн, Роберт Ромпе и Карл Циммер — в Челябинской области, Густав Герц и его группа — в Сухуми ⁶⁷.

Летом 1946 г. отбор специалистов был завершен. Чтобы предотвратить бегство избранных кандидатов в западные зоны, в газете «Tafgliche Rundschau» публиковались пропагандистские статьи о «счастливой жизни» немцев, «добровольно» подписавших контракт на работу в СССР. В ночь с 21 на 22 октября 1946 г. прошла массовая акция по принудительному вывозу немецких специалистов в Советский Союз (операция «Осоавиахим») ⁶⁸. Всего было депортировано 2370 ученых и инженеров и около 4600 членов их семей (примерно 84% всех немецких специалистов, вывезенных в СССР ⁶⁹), при этом у них были изъяты все документы. С самыми ценными специалистами и теми, кто заключил контракт, обходились более деликатно, им выплачивалась зарплата в 5 тыс. марок (аналогичный оклад в советской зоне оккупации был положен только главноначальствующему СВАГ) ⁷⁰. Розыск специалистов проводился не только в Германии, но и среди немецких военнопленных на территории СССР, для чего были задействованы как оперативные работники, так и агентура лагерей ⁷¹. В Советском Союзе работали инженеры передовых немецких предприятий (Junkers, BMW, Messerschmit, Heinkel, AEG, Siemens, Karl Zeiss, Leuna, AGFA и др.), а также лучшие ученые (из которых более 50% были академиками) — специалисты по авиа- и ракетостроению, оптике, ядерным исследованиям, химии и военно-морскому флоту ⁷².

В ходе реализации программы репараций на территории СОЗ было развернуто производство в рамках советского ядерного проекта. К июню 1946 г. советские геологи обнаружили в Саксонии урановые месторождения (в Советском Союзе в то время еще не было открыто ни одного месторождения урановых руд), и уже в мае 1947 г. приказами СВАГ рудники были переданы в собственность СССР в счет уплаты репараций ⁷³. Так была образована «Зона интересов САО «Висмут» в Саксонии», включавшая в себя 13 городских и земельных округов, на территории которых в 1950 г. проживало 40% населения Саксонии ⁷⁴. В 1947—1948 гг. к САО «Висмут» присоединились и другие предприятия. В результате к середине 1950-х гг. оно насчитывало 27 объектов, в том числе 10 — по производству урана.

Округа Ауэ, Мариенберг, Шварценберг, Аннаберг приобрели статус особых районов: СВАГ выдавала специальные разрешения на их посещение, местные жители имели особые удостоверения личности, на рудниках и в местах производства предпринимались повышенные меры безопасности, Министерством внутренних дел СССР была организована широкая сеть наблюдения. Чтобы предотвратить уход рабочих с предприятий, у них отбирались документы. Тем, кому все же

удавалось бежать, отказывали в приеме на работу на других предприятиях и возвращали обратно. Рабочие жили в барачных лагерях и палаточных городках без каких-либо удобств; фактически там отсутствовали объекты социальной и культурной сферы. На рудниках не было вентиляции, не использовались защитные маски. Сфера деятельности САО «Висмут» постоянно расширялась, оно включало в свой оборот все новые и новые предприятия, и уже к 1951 г. его доля в металлообрабатывающей промышленности ГДР составила более 50% ⁷⁵.

С началом разработки урановых месторождений в СССР и ускоренным испытанием ядерного оружия необходимость в германских рудниках и предприятиях по производству урана постепенно снижалась. Кроме того, САО «Висмут» имело серьезный недостаток — уязвимость извне, ведь его отдельные объекты были расположены всего в 30 км от границы с американской зоной оккупации, которая в 1949 г. вошла в состав ФРГ. Со временем производимый «Висмутом» уран стал использоваться в мирных целях как топливо для атомных электростанций. С января 1954 г. САО «Висмут» было преобразовано в Советско-германское акционерное общество, которое вплоть до 1990 г. оставалось крупнейшим производителем урана в Европе. Всего за 1946—1953 гг. в Советский Союз из Восточной Германии было поставлено урана на сумму в 7,3 млрд марок ГДР ⁷⁶, при этом советская сторона «признала в лучшем случае лишь половину стоимости данных поставок в счет уплаты репараций» ⁷⁷.

Совершенно неучтенным при подсчете общей суммы репараций оказался принудительный труд немецких военнопленных на территории СССР. В 1946 г. к работе было привлечено 1,8 млн немцев, в том числе в строительство — 35,2%, в топливно-энергетическую отрасль — 22,4, в оборонную промышленность — 17,4, в сферу производства стройматериалов — 13,5, в металлургию и машиностроение — 7,8%. За период с 1943 по 1950 г. эти люди отработали более 1 млрд человеко-дней, произведя продукции на сумму около 50 млрд рублей. Все заработанные военнопленными деньги (16,7 млрд рублей) были потрачены на их содержание ⁷⁸.

Еще одним источником финансирования репараций являлась денежная эмиссия. После окончания войны союзнические державы на подконтрольных им германских территориях ввели в обращение так называемые оккупационные валюты — «военные марки» ⁷⁹. Хотя формально эти деньги эмитировались от лица всех четырех держав-победительниц, фактически их выпуск регулировался директивами Москвы и Вашингтона. Однако в отличие от западных союзников советские власти использовали эти деньги не только на оккупационные цели, но и для финансирования репарационных поставок в СССР ⁸⁰. В отсутствие единой межсоюзной системы контроля в СОЗ подошли к эмиссии масштабно: в общей сложности на территории Германии было напечатано и распределено между различными советскими организациями 17,5 млрд военных марок ⁸¹. Если бы вся эта дополнительная денежная масса поступила в обращение, это могло бы привести к окончательному краху денежную систему всей Германии ⁸². Именно намерение СССР задействовать печатный станок для финансирования своих оккупационных расходов и репарационных заказов торпедировало переговоры между союзниками в 1946—1947 гг.

о единых мерах по санации валютной и финансовой системы послевоенной Германии, что в свою очередь предопределило проведение летом 1948 г. двух сепаратных денежных реформ и последовавший окончательный раскол Германии ⁸³.

В соответствии с приказами главноначальствующего СВАГ, с июля 1945 г. вся иностранная валюта, драгоценные металлы и камни должны были храниться только в органах Госбанка СССР. На основании данных постановлений в 1945—1949 гг. в счет репараций в Советский Союз было отправлено 1,6 кг палладия, 11,2 кг платины, 127 кг золота, 63,4 т серебра.

Итоги советской репарационной политики до сих пор вызывают споры среди историков. Если в историографии ГДР репарационный вопрос тщательно ретушировался, то в объединенной Германии стало нормой писать о гигантском ущербе, нанесенном Восточной Германии репарациями ⁸⁴. Видимо, одной из причин этого стала необходимость исторического обоснования «налога солидарности», который жители и фирмы-резиденты Западной Германии до сих пор выплачивают в пользу земель бывшей ГДР. Кроме того, это позволяет аргументировать «неудачный старт» второго немецкого государства и последовавшего за этим восточногерманского «экономического чуда»: с 1963 г. по уровню жизни ГДР вышла на первое место среди социалистических стран, а в 1975 г. по ВВП на душу населения (3,2 тыс. долларов) Восточная Германия находилась на 10-м месте в мире ⁸⁵. Р. Карлш оценивает общее падение промышленного производства СОЗ от военных разрушений, демонтажа и репараций в 75% ⁸⁶.

На самом деле, как справедливо отмечает Я. Фойтцик, предпринимаемые немецкими историками и экономистами попытки сравнения «неравных» стартовых условий для экономик ГДР и ФРГ являются некорректными: действительно, объем демонтажа и репараций из СОЗ оказался неизмеримо больше, чем из Тризонии, но в то же время и военные разрушения на западе Германии были в несколько раз выше, чем на востоке ⁸⁷.

Аналогично обстоит дело и с попытками подсчета «прибыли» Советского Союза. Существующее в отечественной историографии мнение о том, что германские репарации общей стоимостью 4,3 млрд долл. позволили увеличить численность станочного парка советской промышленности в два раза и построить около 6 тыс. промышленных предприятий в годы четвертой пятилетки ⁸⁸, стоит признать спорным.

Во-первых, при определении «валовых» показателей увеличения станочного парка не учитывались такие параметры, как техническое состояние и степень износа немецкого оборудования, поставленного в СССР; процент потерь станочного парка при ненадлежащей транспортировке и хранении; наличие или отсутствие технической документации, без которой эти станки вообще невозможно было использовать, либо они использовались в ограниченном масштабе; отсутствие необходимой для работы на немецком оборудовании подготовки у персонала предприятий.

Во-вторых, репарации были не единственным задействованным резервуаром помощи в восстановлении разрушенной войной советской промышленности: не менее значимым по объемам, но до сих пор недооцененным отечественными историками фондом помощи стали

американские поставки по ленд-лизу. В 1944—1945 гг., когда победа Антигитлеровской коалиции во второй мировой войне уже не вызывала сомнений, и советская военная промышленность вышла на пиковые показатели производства, характер советских заявок на американскую помощь качественно изменился: вместо оружия, военной техники и других видов продукции СССР начал заказывать все необходимое для переоснащения своей промышленности, в том числе и в послевоенный период ⁸⁹. В документах Госплана СССР отчеты об объемах разрушений на бывших оккупированных территориях перемежаются со списками американского оборудования, поступившего по ленд-лизу, и перечнями того, что пригодно для демонтажа на территории Германии. При поступлении заявки на получение оборудования для восстановления какого-либо предприятия сначала рассматривалась возможность удовлетворить ее за счет ленд-лиза, а уже затем — за счет Германии ⁹⁰. Фактически ленд-лиз и германские репарации стали двумя важнейшими иностранными источниками послевоенного возрождения экономики СССР, хотя их соотношение между собой и с внутренними источниками финансирования четвертой пятилетки требует отдельного изучения.

Использование немецких разработок и материалов в военной сфере существенно продвинуло развитие отечественного ВПК, позволило в короткие сроки ликвидировать отставание от США в области реактивной авиации, ракетостроения, ядерного оружия ⁹¹. В то же время в гражданских отраслях промышленности эффект от их применения был заметно скромнее. Необходимо отметить и негативный побочный эффект от использования полученных в Германии патентов, лицензий и промышленных образцов в целях репараций: игнорирование норм международного патентного права (разрешения правообладателей, которые далеко не всегда были немецкими физическими и юридическими лицами, в Советском Союзе никто не спрашивал) делало невозможным экспорт произведенной с их помощью продукции за границу, выводя советскую экономику за рамки правового поля и сводя на нет усилия СССР получить легальный доступ к другим западным технологиям.

В целом в краткосрочной и среднесрочной перспективе СССР смог извлечь из репараций определенную выгоду. Поставки продовольствия и товаров народного потребления позволили частично удовлетворить спрос населения. Демонтированные в Германии станки и оборудование восполнили причиненные войной потери в соответствующих отраслях советской промышленности, хотя и не по всем видам ⁹².

Официально СССР взыскал с Германии лишь 4,3 млрд долл. (в 1945—1950 гг. — 3,658 млрд, в 1951—1953 гг. — еще 0,634 млрд долларов) ⁹³. Современные западные историки приводят другие цифры: Р. Карлаш — 14 млрд долл. ⁹⁴, изданный МВД ФРГ справочнике по ГДР — 15,8 млрд долларов ⁹⁵. В других исследованиях фигурируют цифры вплоть до 22,1 млрд долларов ⁹⁶. Разнобой связан с различными методиками подсчета, а также с произвольным отнесением тех или иных статей расходов к «репарациям». К сожалению, открытые в 1990—2000-х гг. документы отечественных архивов также не дают окончательного ответа на этот вопрос: во-первых, значительная часть документов, связанных с репарациями, до сих пор остается на сек-

ретном хранении; во-вторых, называемые цифры также базируются на различных методиках подсчета (по весу оборудования, по остаточной стоимости, по средним ценам на 1938 или 1944 г. и т.д.), а также на различных курсовых соотношениях доллара, марки и советского рубля. Поэтому точная цифра взысканных с Восточной Германии репараций попросту не может быть определена.

Примечания

1. Деятельность Советской военной администрации в Германии (СВАГ) по демилитаризации Советской оккупационной зоны Германии, 1945—1949: Сб. документов. М. 2004; Деятельность советских военных комендатур по ликвидации последствий войны и организации мирной жизни в Советской зоне оккупации Германии. 1945—1949: Сб. документов. М. 2005; Политика СВАГ в области культуры, науки и образования: цели, методы, результаты. 1945—1949: Сб. документов. М. 2006; СВАГ и немецкие органы самоуправления. 1945—1949: Сб. документов. М. 2006; СВАГ и религиозные конфессии Советской зоны оккупации Германии. 1945—1949: Сб. документов. М. 2006; Деятельность управления СВАГ по изучению достижений немецкой науки и техники в Советской зоне оккупации Германии. 1945—1949 гг.: Сб. документов. М. 2007; Советская военная администрация в Германии. 1945—1949. Справочник. М. 2009; СВАГ и формирование партийно-политической системы в Советской зоне оккупации Германии. 1945—1949: Сб. документов в 2-х томах. М. 2014.
2. СВАГ. Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов, 1945—1949: Сб. документов. М. 1994; Советская военная администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945—1949 гг. Сб. документов. М. 2006.
3. Аппарат НКВД-МГБ в Германии. 1945—1953: Сб. документов. М. 2009.
4. Архив новейшей истории России. Серия «Публикации». Т. 2. Специальные лагеря НКВД-МВД СССР в Германии. 1945—1950 гг.: Сб. документов и статей. М. 2001.
5. СССР и Германский вопрос 1941—1949 гг.: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Т. 1—4. М. 1996—2012; Советская политика в отношении Германии, 1944—1954. Документы. М. 2011.
6. ФИЛИТОВ А.М. Германский вопрос: От раскола к объединению: Новое прочтение. М. 1993; ЕГО ЖЕ. Германия в советском внешнеполитическом планировании. 1941—1990. М. 2009; HILGER A., SCHMEITZNER M. Sowjetisierung oder Neutralität? Optionen sowjetischer Besatzungspolitik in Deutschland und Österreich 1945—1955. Göttingen. 2006; Stalin und die Deutschen. Neue Beiträge der Forschung. München. 2006; LOTH W. Die Sowjetunion und die deutsche Frage. Studien zur sowjetischen Deutschlandpolitik von Stalin bis Chruschtschow. Göttingen. 2007; BIENERT M., SCHAPER U. Die Vier Mächte in Berlin. Beiträge zur Politik der Alliierten in der besetzten Stadt. Berlin. 2007.
7. СЕМИРЯГА М.И. Как мы управляли Германией. М. 1995; КУБИНА М. Установление диктатуры СЕПГ в Восточной Германии. В кн.: Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы: Сб. статей. М. 2007, с. 64—71; CREUZBERGER S. Die sowjetische Besatzungsmacht und das politische System der SBZ. Köln. 1996; FOITZIK J. Sowjetische Militäradministration in Deutschland (SMAD) 1945—1949. Struktur und Funktion. Berlin. 1999; AMOS H. Die Entstehung der Verfassung in der sowjetischen Besatzungszone/DDR 1946—1949. Darstellung und Dokumentation. Speyer. 2005; BRUNNER D. Der Schein der Souveränität. Landesregierung und Besatzungspolitik in Mecklenburg-Vorpommern 1945—1949. Köln. 2006.
8. ЗАХАРОВ В.В. Между властью и верой: религиозные конфессии Восточной Германии в годы советского оккупационного режима, 1945—1949. В кн.: СВАГ и религиозные конфессии Советской зоны оккупации Германии. 1945—1949, с. 32—134; ЧЕРЕДНИКОВА А.Ю. Женские религиозные организации в Советской оккупационной зоне (СОЗ): 1945—1949. — Вестник Поморского университета. Серия

- «Гуманитарные и социальные науки». 2010. № 3, с. 25—31; ЕЕ ЖЕ. Женские немецкие общественные организации в Советской оккупационной зоне: к вопросу о формировании новой «идеологической интеллигенции» (1945—1949 гг.). — Интеллигенция и мир. 2011. № 2, с. 40—50; SBZ-Handbuch. Staatliche Verwaltungen, Parteien, gesellschaftliche Organisationen und ihre Führungskräfte in der Sowjetischen Besatzungszone Deutschlands 1945—1949. Göttingen, 1993; MALYCHA A. Auf dem Weg zur SED. Die Sozialdemokratie und die Bildung einer Einheitspartei in den Ländern der SBZ. Bonn. 1996; MÄHLERT U., STEPHAN G.-R. Blaue Hemden, Rote Fahnen. Die Geschichte der Freien Deutschen Jugend. Opladen. 1996; MASER P. Die Kirchen in der DDR. Bonn. 2000; SUCKUT S. Parteien in der SBZ/DDR 1945—1952. Bonn. 2000.
9. ЛОЖКИН А.Г. Право победителей. Правовая деятельность Советской военной администрации в Германии. 1945—1949 гг. М. 2006; ЧЕРЕДНИКОВА А.Ю. Денацификация немецкого общества: гендерный подход к решению проблемы (женский аспект). — Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история. 2013. № 31, с. 81—85; VOLLNHALS C. Internierung, Entnazifizierung und Strafverfolgung von NS-Verbrechern in der sowjetischen Besatzungszone. In: HILGER A., SCHMEITZNER M. Sowjetisierung oder Neutralität..., S. 223—248.
  10. Политика СВАГ в области культуры, науки и образования: цели, методы, результаты; ЗАХАРОВ В.В. Научно-технический трансферт из Германии в СССР в 1945—1949 гг. В кн.: Деятельность Управления СВАГ по изучению достижений немецкой науки и техники в Советской зоне оккупации Германии..., с. 39—124; JÄGER M. Kultur und Politik in der DDR 1945—1990. Köln. 1994.
  11. МУДРОВ С.Н. Neues Deutschland. Управление пропаганды Советской военной администрации в Германии (1945—1947 гг.). Ярославль. 2011; ТИХОМИРОВ А.А. «Лучший друг немецкого народа»: культ Сталина в Восточной Германии (1945—1961 гг.). М. 2014.
  12. БАСИСТОВ Ю.В., ЕЖОВА Г.В. Под знаком красной звезды: Группа советских войск в Германии. 1945—1994 гг. СПб. 2005; KOWALCZUK I.-S., WOLLE S. Roter Stern über Deutschland. Berlin, 2001; SATJUKOW S. Besatzer. “Die Russen” in Deutschland 1945—1994. Göttingen. 2008.
  13. КОВАЛЬ К.И. Последний свидетель. «Германская карта» в холодной войне. М. 1997; CIESLA B. Von der wirtschaftlichen Entwaffnung zur zentralen Wirtschaftsplanung. Zur Wirtschaftspolitik in der SBZ zwischen 1945 und 1949. In: HILGER A., SCHMEITZNER M. Op. cit., S. 417—434.
  14. LAUFER J. Die Reparationsplanungen im sowjetischen Aussenministerium während des Zweiten Weltkrieges. In: Wirtschaftliche Folgelasten des Krieges in der SBZ/DDR. Baden-Baden. 1995, S. 21.
  15. СССР и Германский вопрос 1941—1949 гг.: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации. Т. 1—4. М. 1996—2012; Деятельность Управления СВАГ по изучению достижений немецкой науки и техники.
  16. КНЫШЕВСКИЙ П.Н. Добыча. Тайны германских репараций. М. 1994;
  17. Die regionale Struktur der sowjetischen Besatzungszone. — Statistische Praxis. 1946, № 2, Karteiblatt.
  18. BAAR L., KARLSCH R., MATSCHKE W. Kriegsfolgen und Kriegslasten Deutschlands. Expertise. Berlin. 1993, S. 20ff.; Die industrielle Struktur der sowjetischen Besatzungszone. — Statistische Praxis. 1946, № 3, Karteiblatt.
  19. CIESLA B. Op. cit., S. 418—419.
  20. Die landwirtschaftliche Struktur der sowjetischen Besatzungszone. — Statistische Praxis. 1947, № 1.
  21. Справка о сельском хозяйстве Германии. 1946 г. Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), ф. 082, оп. 34, п. 151, л. 45.
  22. А.А. Смирнов — А.Я. Вышинскому. О сельском хозяйстве на территории советской зоны оккупации Германии. 16 ноября 1945 г. В кн.: СССР и германский вопрос, т. 2, с. 285—287.
  23. CIESLA B. Op. cit., S. 419.
  24. Fläche und Bevölkerung der sowjetischen Besatzungszone. — Statistische Praxis. 1946, № 3, Karteiblatt.

25. О плане восстановления и развития мирной экономики СОЗ и перспективах на 1949—1950 годы. Сообщение НЭК, 5 июля 1948 года. Stiftung Archiv der Parteien und Massenorganisationen der ehemaligen DDR in Bundesarchiv (SAPMO-BArch.), NY40336/687, Bl. 109; История организации и деятельности Отдела рабочей силы Советской военной администрации в Германии (1945—1948 годы). Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 7317, оп. 50, д. 1, л. 17.
26. CIESLA B. Op. cit., S. 419—420.
27. Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК) под председательством Н.М. Шверника была образована указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 ноября 1942 года. В компетенцию комиссии входила, в том числе, оценка материального ущерба, причиненного нацистской Германией и ее союзниками СССР. На основе анализа около 4 млн актов об ущербе, составленных на бывших оккупированных территориях СССР, комиссия оценила прямой ущерб от войны в 679 млрд руб., что по официальному советскому курсу (5 руб. 30 коп. за 1 долл.) равнялось 128,1 млрд долл., а по рыночному курсу (10 руб. за 1 долл.) — 67,9 млрд долларов. См.: Ведомости Верховного Совета СССР. 1942, № 40.
28. Справка на немецкие предприятия электротехнической промышленности, намеченные к вывозу в СССР в качестве компенсации ущерба, причиненного войной. Российский государственный архив экономики (РГАЭ), ф. 4372, оп. 94, д. 394, л. 168—210; Проекты постановлений ГКО на вывоз оборудования для Народного комиссариата пищевой промышленности. Там же, д. 504, л. 341—361; Предложения Народного комиссариата среднего машиностроения по вопросу использования мощностей заводов германской промышленности, 19 декабря 1944 года. Там же, д. 597, л. 262—269; Обзор «Текстильная промышленность Германии в 1939—1943 гг.». Там же, д. 600, л. 323—328; Докладная записка Сабурову о состоянии немецкого станкостроения, 27 декабря 1944 года. Там же, д. 613, л. 145—156.
29. Общая пояснительная записка по отраслям и предприятиям тяжелого машиностроения Германии, относящимся к номенклатуре Народного комиссариата тяжелого машиностроения, 17 марта 1945 года. Там же, д. 404, л. 81—90.
30. Справка о количестве предприятий и производственных мощностях важнейших отраслей промышленности Польши и территории Германии восточнее реки Одер, 13 апреля 1945 года. Там же, д. 597, л. 85—87; Отчет о состоянии демонтажа и отгрузки оборудования с немецких предприятий по состоянию на 15 сентября 1945 года. Там же, д. 614, л. 420—423.
31. Постановление Государственного комитета обороны № 7590сс от 25 февраля 1945 года. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 644, оп. 1, д. 373, л. 49.
32. Данная цифра была взята за основу оценки сотрудниками Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) и Народного комиссариата внешней торговли (НКВТ) из данных германского статистического управления за 1928 год. См.: М.З. Сабуров, Г.П. Аркадьев и В.Н. Старовский — В.М. Молотову, 10 июля 1945 года. В кн.: СССР и германский вопрос, т. 2, с. 180.
33. О состоянии демонтажа и вывоза оборудования с немецких и японских предприятий на 1 августа 1946 года. РГАЭ, ф. 4372, оп. 94, д. 865, л. 172.
34. Отчет о состоянии демонтажа и отгрузки оборудования с немецких предприятий по состоянию на 15 сентября 1945 года. Там же, д. 614, л. 420—422.
35. В административно-территориальном отношении СОЗ/ГДР в 1945—1952 гг. состояла из провинций и земель. «Провинциями» именовались бывшие владения Пруссии, а также Бранденбург; «землями» являлись бывшие княжества и вновь созданные после первой мировой войны «свободные государства». Земля Большой Берлин формально не входила в состав СОЗ, а находилась под совместным четырехсторонним управлением держав-победительниц — СССР, США, Великобритании и Франции. В соответствии с земельными конституциями 1946 г. провинции и земли должны были управляться в соответствии с принципами федерализма, но на практике и СВАГ, и власти ГДР действовали унитаристскими методами.

- Подробнее о территориально-административном устройстве послевоенной Восточной Германии см.: *Geschichte der Deutschen Länder. Entwicklungen und Traditionen vom Mittelalter bis zur Gegenwart*. Münster. 2005.
36. Приказ Главного начальствующего СВАГ № 031. 18.08.1945. ГА РФ, ф. 7317, оп. 8, д. 1, л. 101.
  37. Приказ Главного начальствующего СВАГ № 035. 29.08.1945. Там же, оп. 7, д. 7, л. 98—99.
  38. Стенограмма сбора заместителей начальников СВА провинций и федеральных земель, начальников отделов комендантской службы провинций, комендантов округов и крупных городов. 16.08.1945. Там же, д. 14, л. 122—124.
  39. Москва послевоенная. 1945—1947: архивные документы и материалы. М. 2000, с. 50.
  40. Приказ Главного начальствующего СВАГ № 055. 28.09.1945. ГА РФ, ф. 7317, оп. 7, д. 7, л. 181.
  41. История деятельности Транспортного управления СВАГ. Т. 2. Там же, оп. 38, д. 2, л. 280—285.
  42. KLESSMANN CH. *Die doppelte Staatsgründung. Deutsche Geschichte 1945—1955*. Bonn. 1991. S. 102—103.
  43. ГА РФ, ф. 7317, оп. 2, д. 4, л. 247.
  44. Там же, д. 5, л. 96—98.
  45. Протокол № 52 решения Политбюро Центрального комитета ВКП(б) за 8 мая — 4 августа 1946 года. РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 38, л. 116—117.
  46. Речь идет о пятой сессии Совета министров иностранных дел четырех держав (СССР, США, Великобритании и Франции) по обсуждению германского вопроса, которая проходила в Лондоне с 25 ноября по 15 декабря 1947 года. Конференция окончилась безрезультатно из-за обострившихся противоречий между СССР и США.
  47. Протокол № 60 решения Политбюро Центрального комитета ВКП(б) за 21 ноября — 4 декабря 1947 года. РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 39, л. 4.
  48. Протокол № 71 решения Политбюро Центрального комитета ВКП(б) за 26 августа — 8 декабря 1949 года. Там же, д. 41, л. 3.
  49. ГА РФ, ф. 7317, оп. 2, д. 4, л. 247.
  50. KARLSCH R. *Allein bezahlt? Die Reparationsleistungen der SBZ/DDR. 1945—1953*. Berlin. 1993, S. 282; CIESLA B. *Op. cit.*, S. 423.
  51. Прием и оценка оборудования производства производились комиссией в составе руководителя предприятия, специалиста-эксперта, главного бухгалтера, представителя местного финансового органа или соответствующего банка долгосрочных вложений не позднее чем в месячный срок со дня прибытия имущества, о чем комиссия составляла акт с подробным описанием имущества, указанием его веса (или количества), фабричных марок, качества и других необходимых характеристик.
  52. Письмо председателю Госплана СССР Н.А. Вознесенскому. 14.05.1945. РГАЭ, ф. 4372, оп. 94, д. 168, л. 329—331.
  53. Письмо заместителя управляющего Промышленным банком СССР К.Н. Шнурова Г.М. Маленкову. 3.10.1945. Там же, д. 614, л. 39; Письмо уполномоченного Госплана СССР по Львовской области В.П. Перепёлкина. 13.10.1945. Там же, л. 304—306.
  54. Москва послевоенная, с. 356—357.
  55. Письмо уполномоченного Госплана СССР по Полтавской области В. Бурлина. 11.09.1945. РГАЭ, ф. 4372, оп. 94, д. 614, л. 164—166.
  56. Объяснительная записка начальника отдела капитального строительства Госплана СССР А.В. Коробова председателю Госплана СССР Н.А. Вознесенскому. 20.06.1945. Там же, д. 170, л. 472—478.
  57. ГА РФ, ф. 7317, оп. 50, д. 17, л. 2—3. Эти предприятия, доля которых в промышленном производстве СОЗ к концу 1940-х гг. составляла более 20%, подлежали обратному выкупу ГДР до 1953 г. (затраты на выкуп САО достигали 2,5 млрд марок). См.: MIECK I. *Kleine Wirtschaftsgeschichte der neuen Bundesländer*. Stuttgart. 2009. S. 159; STEINER A. *Von Plan zu Plan. Eine Wirtschaftsgeschichte der DDR*. München. 2004, S. 31.
  58. KARLSCH R. *Op. cit.*, S. 285.
  59. Рассчитано на основе сведений из: SAPMO-Barch, NY4036/687, Bl. 85—86.
  60. ГА РФ, ф. 7317, оп. 2, д. 3, л. 220; д. 6, л. 405—408.

61. Только за первое полугодие 1946 г. в счет репараций для вооруженных сил СССР было поставлено 11 тыс. пар сапог, 200 тыс. котелков, 150 тыс. фляг, 50 тыс. одеял, 500 тыс. полотенец, 915 тыс. пар портянок, 10 млн штук брючных пуговиц. См.: Там же, л. 94—97.
62. СССР и германский вопрос, т. 3, с. 51.
63. Рассчитано на основе сведений из: ГА РФ, ф. 7317, оп. 28, д. 1, л. 16, 39, 43, 45, 54.
64. См., например: Приказ начальника Управления Советской военной администрации провинции Саксония № 93 от 30.04.1946. Там же, ф. 7133, оп. 1, д. 11, л. 203.
65. Аналогичные действия американских спецслужб по вербовке и вывозу немецких ученых в США предпринимались с конца второй мировой войны и проводились под кодовым названием Операция «Скрепка».
66. В 1945—1949 гг. по заданиям советских властей в 393 исследовательских учреждениях на территории СОЗ работали около 3 тыс. советских и более 23 тыс. немецких ученых, инженеров, техников и квалифицированных рабочих. Советская военная администрация в Германии. 1945—1949. Справочник. М. 2009, с. 384—392; 397—400.
67. ГА РФ, ф. 7317, оп. 2, д. 4, л. 70—72.
68. СУДОПЛАТОВ П.А. Лубянка и Кремль. 1930—1950 годы. М. 1997, с. 330; KARLSCH R. Op. cit., S. 157. Подробнее об «интеллектуальных репарациях», в том числе на примере авиационной промышленности, см. также: CIESLA B. “Intellektuelle Reparationen” der SBZ an die alliierten Siegermächte? Begriffsgeschichte, Diskussionsaspekt und ein Fallbeispiel — Die deutsche Flugzeugindustrie 1945—1946. In: Wirtschaftliche Folgelasten des Krieges, S. 79ff.
69. KARLSCH R. Op. cit., S. 274f.
70. На этой основе с 1945 по 1947 г. в Советский Союз было вывезено от 2,5 до 3 тыс. немецких специалистов, которые смогли вернуться в Германию только в 1949—1958 годах. См.: STEINER A. Op. cit., S. 30.
71. CIESLA B. Der Spezialistentransfer in die UdSSR und seine Auswirkungen in der SBZ und DDR. — Aus Politik und Zeitgeschichte. 3.XII.1993, S. 24.
72. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 24 (13). Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР. М. 1996, с. 270 и далее.
73. KARLSCH R. Op. cit., S. 272.
74. Ibidem.
75. EJUSD. “Ein Staat im Staate”. Der Uranbergbau der Wismut AG in Sachsen und Thüringen. — Aus Politik und Zeitgeschichte. 1993, B. 49—50, S. 15f.
76. Подробнее см.: ТИМОФЕЕВА Т.Ю. Михаил Мальцев — генерал советского атомного проекта. В кн.: Люди между народами. Действующие лица российско-германской истории XX в.: Материалы конференции российских и немецких историков 25—29 апреля 2009 года. Тутцинг. ФРГ. М. 2010, с. 156 и далее.
77. KARLSCH R. “Ein Staat im Staate”, S. 21.
78. STEINER A. Op. cit., S. 33.
79. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 24 (13). Иностранцы военнопленные Второй мировой войны в СССР, с. 526—530.
80. Данная «военная марка союзников» вводилась законом военной администрации № 51 «О валюте» и первоначально — еще в 1944 г. — была выпущена для района Аахена. Кроме Германии военные денежные знаки поступили в обращение также во Франции (военные франки), Италии (военные лиры), Австрии (военные шиллинги), Японии (военные йены) и Дании (военные кроны). Соответствующие купюры (номиналом до 1000 марок) были разработаны американским государственным Бюро гравирования и печати, а их тиражированием занимались частные типографии. По запросу Советского Союза 18 апреля 1944 г. американцы передали всю техническую документацию, клише, краски и бумагу для печати банкнот военных марок также для советской оккупационной зоны. См.: RITTMANN H. Deutsche Geldgeschichte seit 1914. München. 1986, S. 299f. Точные объемы эмиссии военных марок установить довольно сложно; по разным данным всего до 1948 г. союзниками было выпущено от 15 до 20 млрд военных марок, предназначавшихся для выплат жалований солдатам оккупационных армий, а также для прямых расчетов за поставки и снабжение военных администраций. См.: Ibid.,

- S. 301; WANDEL E. Die Entstehung der Bank deutscher Länder und die deutsche Währungsreform 1948. Die Rekonstruktion des westdeutschen Geld- und Währungssystems 1945—1949 unter Berücksichtigung der amerikanischen Besatzungspolitik. Frankfurt am Main. 1980, S. 145, 148; WINKEL H. Die deutsche Wirtschaft seit Kriegsende: Entwicklung und Probleme. Frankfurt am Main. 1971, S. 31.
81. Так, в период с мая 1945 по апрель 1946 г. советские оккупационные расходы составили 13,7 млрд марок, из которых 8,5 млрд (62%) были покрыты за счет эмиссии военных марок. См.: СССР и германский вопрос, т. 2, с. 40.
  82. Там же, т. 2, с. 40.
  83. Впрочем, уже к июню 1946 г. в финансовых делах СВАГ удалось навести порядок: с первой половины 1946 г. бюджеты провинций и земель СОЗ стали сводиться со значительным профицитом (около 2 млрд рейхсмарок), что позволило полностью перевести довольствие и денежное содержание Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ) на счет немецкого бюджета и прекратить дальнейшую эмиссию военных марок. См.: В.С. Семёнов — А.Я. Вышинскому. 8 июня 1946 года. В кн.: СССР и германский вопрос, т. 2, с. 594—596.
  84. ГАРФ, ф. 7317, оп. 2, д. 4, л. 117—120.
  85. Так, немецкий профессор Арно Петерс оценил сумму «долга» ФРГ перед бывшей ГДР (с учетом набравших за послевоенное время процентов) в 727,1 млрд марок. См.: Советская политика в отношении Германии, с. 160.
  86. Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века. Т. 2. От стабилизации к кризису (1966—1989). М. 2002, с. 426—428.
  87. KARLSCH R., LAUFER J. Die sowjetischen Demontagen in der SBZ. In: Sowjetische Demontagen in Deutschland 1944—1949. Hintergründe, Ziele und Wirkungen. Berlin. 2002, s. 25.
  88. Советская политика в отношении Германии, с. 161.
  89. См., например: ГОРИНОВ М.М. История России с древнейших времен до конца XX века. М. 2004.
  90. Общий объем помощи СССР по ленд-лизу в 1941—1945 гг. оценивается в 13,3 млрд долларов. В 1944—1945 гг. из США было получено 9,9 млн т грузов (56,5% от общего объема помощи, полученной за период войны), причем промышленное оборудование, транспорт и прочие гражданские грузы составили 90% от всех поставок этого периода. См.: СУПРУН М.Н. Ленд-лиз в стратегии Антигитлеровской коалиции, 1941—1945 гг. В кн.: Ленд-лиз и Россия. Архангельск. 2006, с. 12—15.
  91. См., например: РГАЭ, ф. 4372, д. 170, 176, 178, 394, 403—404, 476, 490, 597, 613—614.
  92. CIESLA B., MICK CHR., UHL M. Rüstungsgesellschaft und Technologietransfer (1945—1958). Flugzeug- und Raketenentwicklung in Military-Industrial-Academic Complex der UdSSR. In: Sowjetische Demontagen, S. 187—226.
  93. Если по металлорежущим станкам замещение военных потерь составило 151,4%, то по электромоторам — только 50%. См.: В.Н. Старовский — Н.А. Вознесенскому. 15 августа 1946 года. РГАЭ, ф. 4372, оп. 94, д. 865, л. 169—172.
  94. Dokumente zur Aussenpolitik der Regierung der DDR. Berlin. 1954, S. 246, 288.
  95. KARLSCH R. Allein bezahlt, S. 231.
  96. DDR-Handbuch. Bd. 2. Köln. 1985, S. 1121—1122.
  97. Советская политика в отношении Германии, с. 166.

Место украинской казацкой элиты в составе российского дворянства в первой половине 1760-х гг.

Я.А. Лазарев

Аннотация. Исследование посвящено анализу проектов и дискуссий первой половины 1760-х гг., в рамках которых российская правящая элита рассматривала место украинской казацкой элиты в составе дворянства, а также тому, как сама казацкая элита объясняла и доказывала свое благородное происхождение, какую общественную реакцию порождали эти процессы.

Ключевые слова: Российская империя, дворянство, Уложенная комиссия, Гетманская Украина, казацкая элита, Р.И. Воронцов, К.Г. Разумовский, Екатерина II.

Abstract. This paper analyzes the projects and discussions of the first half of the 1760s., under which the Russian ruling elite to conceptualize place Ukrainian Cossack elite as part of the nobility, as well as the very Cossack elite to explain and prove their noble descent, what public reaction gave rise to these processes.

Key words: Russian Empire, the nobility, the Legislative Commission, Hetmanat, the Cossack elite, R.I. Vorontsov, K.G. Razumovsky, Catherine II.

В российской политической истории 1760-е гг. — это время активизации дискуссий и появления проектов, в которых обсуждались социальные границы дворянства — прежде всего в связи с составлением нового Уложения в правления Елизаветы Петровны и Екатерины II. Важной частью данного процесса являлся обмен мнениями о том, насколько в границы благородного сословия вписывались локальные (национальные) элиты. Данная работа посвящена исследованию вопроса, каким российскому высшему обществу виделось место украинской казацкой элиты в составе дворянства, а также, как сама казацкая элита объясняла и доказывала свое благородное происхождение, и какую общественную реакцию порождали эти процессы.

Акцент на первой половине 1760-х гг. связан с тем, что в историографии все внимание исследователей фокусируется на второй по-

---

Лазарев Яков Анатольевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета им. Б.Н. Ельцина. Екатеринбург. E-mail: 9Lazarev@gmail.com.

Lazarev Iakov A. — candidate of historical sciences, researcher at the Institute of Arts and Humanities of the Ural Federal University named after B.N. Yeltsin. Ekaterinburg. E-mail: 9Lazarev@gmail.com.

ловине 1760-х гг., точнее на первых годах работы Уложенной комиссии Екатерины II (1767—1768 гг.), деятельности видного малороссийского общественного деятеля Г.А. Полетики (1725—1784 гг.) и российского администратора П.А. Румянцева (1725—1796 гг.). В российской и украинской историографии, таким образом, сохраняется лакуна относительно реконструкции проектов и дискуссий о месте украинской казацкой элиты в составе российского дворянства в первой половине 1760-х годов. При этом отмеченный отрезок времени без каких-либо пояснений вписывается в социологическую схему, согласно которой казацкая элита старалась использовать мягкие формы протеста, направленные против централизации (ассимиляции), проводимой российским правительством. Обращение к ранее неизвестным архивным источникам первой половины 1760-х гг. позволяет продемонстрировать наличие серьезных разрывов в процессе формирования современной украинской нации, а также заметные недостатки в реконструкции политики российского правительства и реакции российской правящей элиты на действия казацкой верхушки. Впервые вводимые источники содержат проекты и материалы обсуждений места казацкой элиты в составе российского дворянства, предшествовавшие назначению Румянцева в Гетманскую Украину и созыву Екатериной II Уложенной комиссии.

Впервые вопрос о месте украинской казацкой элиты в составе российского дворянства был поднят в 1760 году. До этого у российского правительства не возникало никаких вопросов по данной проблеме. Оно само раздавало патенты на российское гражданство (начиная, примерно, с 1733г.) выходцам из малороссиян (например, придворным певчим) ¹. Кроме того, не вызывало подозрений желание казацкой элиты идентифицировать себя как малороссийская шляхта, генеалогически связанная с православной шляхтой польского времени. Толчком к обсуждению послужило поступление в Сухопутный кадетский корпус сыновей бунчукового товарища А. Марковича Владимира и Ивана, предоставивших «за подписанием гетманским» аттестат на российское дворянство. По инициативе директора Корпуса великого князя Петра Фёдоровича (сентябрь 1760 г.), этот казус рассматривали сенаторы на предмет возможного использования его в качестве аргумента для введения практики подтверждения благородного (шляхетского) происхождения кандидатов в кадеты из числа детей казацкой элиты ².

До этого момента во всех известных случаях при поступлении детей казацкой элиты подлинность шляхетского происхождения письменно подтверждал гетман К.Г. Разумовский (1750—1764 гг.), не предоставляя каких-либо документальных доказательств ³. В некоторых случаях давались пояснения относительно соответствия войсковых чинов Гетманской Украины шляхетскому достоинству: «а показанной де полкового обознаго чин в Малой России щитаецца в шляхетстве» ⁴.

Дискуссия о подлинности российского дворянства детей Марковича стала предметом разбирательства, и зачисление состоялось только в ноябре 1760 года ⁵. По решению Сената, данный казус так и не стал прецедентом для введения новой практики зачисления, поскольку «протчим сие не в пример» ⁶. Возникшая дискуссия показала, что казацкая элита и их отпрыски рассматривались как часть российского

дворянства, так как в данное учебное заведение могли поступать только дворяне. Однако отмеченный частный случай по времени совпал с дискуссиями, которые проходили в рамках Уложенной комиссии. Они были направлены на юридическое закрепление прав, присущих единому благородному сословию, а также на выработку системы мер, ограничивавших доступ к нему других сословий. В таком контексте практика поступления детей украинской казацкой элиты рассматривалась как одна из «лазеек» для нобилитации «неблагородных»⁷.

Важную роль в формулировке подобной дискуссии в среде российской правящей элиты сыграл сенатор граф Р.И. Воронцов (1717—1783 гг.). В конце декабря 1761 г. им была подготовлена «записка», содержащая предложения относительно критериев отбора в Сухопутный кадетский корпус выходцев из «малороссийской шляхты». Привлечение Воронцова к данной проблеме неслучайно. Он был фактическим главой Уложенной комиссии (1761—1762 гг.) и, скорее всего, являлся составителем XXII главы («О дворянах и их преимуществе») III книги проекта нового Уложения, в которой одной из основных идей была ликвидация возможностей для неблагородных сословий получить наследственный дворянский статус⁸. Таким образом, Воронцова вполне обоснованно следует считать одним из главных специалистов по дворянству в Российской империи. По его мнению, «при принятии Малороссийского народа» при Алексее Михайловиче (1654 г.) «сверх подтверждения малороссийских древних прав» были даны возможности «природным шляхтичам, стародавние маестности в Малороссии имеющим, пользоваться также правами и преимуществами великороссийского дворянства». Это означало, что «природные шляхтичи» могли быть приняты на «великороссийскую» военную, штатскую или придворную службу, а также обладали правом покупать и продавать деревни. Данное правило подтверждалось «при поставлении всех гетманов» всеми российскими государями: об этом свидетельствуют многочисленные царские грамоты, решения Кабинета министров, Верховного Тайного Совета и Сената. Однако полной реализации подтвержденных прав мешала одна существенная проблема — «по незнанию и неимению в Герольдии списков малороссийского шляхетства» ими пользовались «простородные, называя себя шляхтичами», порождая при производстве в чины «сомнения и затруднения»⁹.

В качестве аргумента Воронцов ссылался на донесение директора корпуса великого князя Петра Фёдорович (март 1761 г.). Для пресечения практик использования прав дворянства «внутри Великороссии» следовало послать гетману Разумовскому лист с требованием к «тамошнему шляхетству» прислать в Герольдию списки «с точными доказательствами о их шляхетстве» (грамоты польских королей и российских царей)¹⁰.

Таким образом, с позиции одного из влиятельнейших сановников Российской империи, проведение знака равенства между украинской казацкой элитой в статусе малороссийской шляхты и великороссийского дворянства не являлось проблемой. Вопрос о статусе украинской казацкой элиты был поднят лишь потому, что специфика правовой системы Гетманской Украины позволяла «простородным» нарушать чистоту «благородных» дворян.

Не менее любопытны и исторические представления Воронцова, согласно которым, на протяжении всей истории Гетманской Украины «малороссийская шляхта» присутствовала в политической сфере как заметный актер, несмотря на то, что реальная и немногочленная православная шляхта довольно быстро растворилась среди казацкой элиты в первые десятилетия после восстания Б.З. Хмельницкого (1648 г.), а после гетманства И.Е. Выговского ни разу не поднимала вопроса о своих сословных правах польского времени ¹¹. Однако, по мнению Воронцова, наследники той шляхты существовали как реальный факт, ее права признавались неотъемлемой частью прав казацкой элиты. В «записке» Воронцова подчеркивалась стратегия невмешательства во внутреннее самоуправление Гетманской Украины, которая была зафиксирована в ходе работы Уложенной комиссии Елизаветы Петровны ¹². Формулируемые российской элитой юридические границы единого благородного сословия (дворянства) подразумевали несомненное включение украинской казацкой элиты, от которой требовалось лишь самой определить тех, кто относится к «малороссийскому шляхетству», составив его список с приложением реальных документальных свидетельств, а не ограничиваться поручительством гетмана или «безсумнительных шляхтичей».

В этой связи резонно возникает вопрос: на чем основывались представления Воронцова о столь высоком статусе казацкой элиты? На наш взгляд, это возможно объяснить наличием общего дискурса о ее благородстве в среде российской правящей верхушки, который, вероятно, поддерживался дружескими неформальными отношениями между братьями Воронцовыми и гетманом Разумовским ¹³.

Позднее появление «записки» Воронцова повлияло на то, что она не была рассмотрена в царствование Елизаветы Петровны, так как подпись Воронцова была зачеркнута. Однако на своих предложениях Воронцов продолжал настаивать и при Петре III ¹⁴. Это было неудивительно, учитывая политический вес Воронцова, усилившийся благодаря его дочери Елизавете — фаворитке Петра III.

Инициативы Воронцова выразились в направлении гетману Разумовскому императорской грамоты, содержащей сенатский указ от 18 января 1762 года. Ее содержание практически полностью повторяло «записку» декабря 1761 года. После принятия «малороссийского народу под Российскую державу» при Алексее Михайловиче «сверх подтверждения малороссийских древних прав» были даны «им и те преимущества, чтобы из них природным шляхтичам стародавние маетности в малороссии имеющим, пользоваться также правами и преимуществами великороссийского дворянства» ¹⁵. Однако отсутствие в Герольдии списков «малороссийского шляхетства» оставляло шанс «простородным» пользоваться этими преимуществами дворянства в Великороссии. Данное распоряжение затем переадресовывалось через гетмана всем полковым канцеляриям на Гетманской Украине.

За короткое правление Петра III в ответ на царскую грамоту Генеральная войсковая канцелярия успела получить послание только из полтавской канцелярии ¹⁶. В тексте документа видна новая интерпретация соглашений 1654 г. со стороны украинской казацкой элиты. По мнению полковой верхушки, соглашения 1654 г. ¹⁷ разделялись на две группы. К первой относились те, в которых содержались права

и привилегии гетмана, войсковых судей, есаулов, сотников и всего Войска Запорожского. Во второй группе, на которой акцентировалось внимание, содержались права «обретающейся в Малой России православной шляхты», представители которой могли выбирать из своей среды «старших» на «уряды судовие, земские и городские», владеть маестностями, судиться по своим правам¹⁸. Это объяснялось тем, что для всех гетманов, начиная с И.И. Скоропадского (1708—1722 гг.)¹⁹ российскими монархами подтверждались и охранялись права судить и управлять «Малой Россией» «по войсковым права, по прежним обычаям» и «пунктам» Б. Хмельницкого, а сам «малороссийский же народ от начала принятия под Всероссийскую державу имел и имеет упомянутое в грамоте великаго государя царя Алексея Михайловича... права, вольности и привилегии те, которые и полская шляхта имеет и которые малороссийскому народу, равно как и оставшейся в Малой России православной шляхте вышеизображенными высочайшими грамотами вечно утверждены»²⁰.

Очевидно, для составителей документа мыслимые границы допустимого обозначались положениями, зафиксированными в царской грамоте, подготовленной Воронцовым. Однако требуемых документальных свидетельств полтавская полковая канцелярия не предоставила. В этой связи самым интересным в присланном ответе было то, как часть казацкой элиты объясняла их отсутствие.

В качестве аргумента к тексту ответа полтавской полковой канцелярии прилагалась копия «привилея» польского короля Яна-Казимира на местечко Кременчуг по прошению «бывших на сейме» некоего запорожского полковника Кирилла Андреевича и других малороссиян, которые «написаны шляхетными»²¹. Показав наличие юридических оснований на шляхетское достоинство, составители ответа переходили к конструированию сложной генеалогии, должной обеспечить преемственность исчезнувшей из политического бытия православной шляхты и казацкой элиты. Важным доказательством, от которого отталкивалась полковая канцелярия, являлся Литовский статут — основа судопроизводства для старшины и казаков. В Статуте перечислялись те, кто заслужил шляхетское достоинство, — «шляхта, князя, рада, духовние и рицество». В свою очередь, «рицарство», точнее исполнение «явних и знатних рицерских служб... против неприятелей», давало возможность старшине и казакам получать шляхетское достоинство.

По этой логике, навязываемой российскому правительству, жалованные грамоты царя Фёдора Алексеевича 1677, 1678 и 1679 гг. полтавскому полковнику П. Левенцу и «всему будучому при нем потомству», данные за проявленное мужество при осаде Чигирина, как бы свидетельствовали о пожаловании «рицества» (шляхетского достоинства). Однако в приводимом пересказе грамот речь всего лишь шла о внесении имен полтавского полковника, старшины и «товариства» в синодик собора успения пресвятой Богородицы для «вечного поминовения»²². Равным образом оценивались жалованные грамоты на избрание гетманов Скоропадского и Разумовского. Ссылки на все перечисленные документы должны были убедить российское правительство в том, что в них «изображено, по которым службам видим и козаков рицество в праве статуте напечатанное, а потому и предъи-

зображенным утвержденным Малой России правам, свободам и волностям доказательно и шляхетство малороссийского воинского звания народу»²³.

Под ссылками на права «малороссийского народа» составители ответа тонко маскировали претензии украинской казацкой элиты на сословную исключительность, допуская следующие оговорки: «кроме шляхетства и дворянства никто особых прав, свободы и волности иметь не может, так и народу, находящемся при своих правах, свободах, волностях и привилегиях не иметь шляхетства, а именоваться и быть простородными, ни с которыми обыкновениями не согласно»²⁴. Полтавская полковая верхушка умело адаптировала под свою аргументацию содержание императорской грамоты. С ее позиции, шляхетское достоинство подчеркивалось решениями Сената, так как дети казацкого старшины обладали правом поступать на «великороссийскую» службу, покупать движимое и недвижимое имущество в «Великороссии»²⁵.

Однако рассмотренные нами доводы полтавской полковой канцелярии не решали проблемы, связанной с необходимостью составления списков «малороссийской шляхты» с приведением подлинных документальных доказательств шляхетского достоинства казацкой элиты. Для разрешения этой проблемы было изобретено довольно элегантное решение. Приводилось априорное утверждение, что в «Малой России фамилии разние от польских королей привилегии на шляхетства имели, а паче множественным числом и едва ли не вся старшина малороссийская из роду той шляхты, которая в Малой России православного исповедания обреталась, також и выходцов с Польши шляхтижь поселившейся жительством в Малой России» и только о привилегиях «самого малого числа» нельзя было предоставить каких-либо сведений²⁶. Отсутствие списка полковой шляхты «по фамилиям» объяснялось тем, что с 1662 г. представители исчезнувшей шляхты «служили под рейментом гетманским обще з малороссиянами при одних правах и волностях рядовыми казаками и чиновниками во всем». Кроме того, в регионе случались частые войны (особенно, со шведами и турками), поэтому «списки о шляхетстве, ежели были, могли пропасть да и иметь оных списков по вышеписанной малороссиян и шляхты едности и общем ползовании высокомонаршею милостию при одних правах и волностях, нужды не было»²⁷. И все же приводимые объяснения («обстоятельства»), включая привилегии короля Яна-Казимира, ни о чем другом не свидетельствовали, кроме как о шляхетстве казацкой элиты. Довольно интересный ход, следуя которому, происходило априорное навязывание суверену легитимности выдвигаемых доказательств благородства казацкой элиты.

Таким образом, прожектерские инициативы Воронцова, направленные на выработку юридических критериев для единого российского благородного сословия (дворянства), затрагивали украинскую казацкую элиту. Для влиятельного вельможи необходимость осмысления статуса казацкой элиты была частью его политики по предотвращению проникновения «неблагородных» в состав дворянства, а не стремлением пересмотреть и ликвидировать особое правовое положение Гетманской Украины и ее элиты. В среде российской правящей верхушки был актуализирован дискурс, согласно которому казацкая элита являлась легитимной «правопреемницей» православной шлях-

ты, исчезнувшей из политического спектра почти 100 лет назад, а, следовательно, и естественной частью российского дворянства. В результате этого Воронцовым были легитимизированы концептуальные положения своего рода исторического мифа казацкой элиты, трансформировавшейся в «малороссийскую шляхту», от которой требовалось лишь составить список местных «благородных». Инициативы Воронцова стали дополнительным катализатором в процессе поиска украинской казацкой элитой новых концептуальных оснований своего благородного происхождения. Попытки найти эти основания привели к парадоксальной ситуации, когда представители казацкой элиты (подданные) по сути дела навязывали суверену собственное видение своего происхождения, которое требовалось законодательно закрепить как само собой разумеющийся факт.

В этой связи особое место занимали ссылки на российские практики, которые подтверждали дворянское благородное происхождение. В политическом дискурсе казацкой элиты закрепилось понимание «малороссийских прав», как прав исключительно православной шляхты, которая как бы никогда не исчезала из политического поля «Малой России» после 1654 года. Актуализация данного дискурса отбросила на периферию политических представлений казацкой элиты права корпорации Войска Запорожского, тем самым, произведя переинтерпретацию соглашений 1654 года. Однако наличие в тексте полтавской полковой канцелярии оговорок о том, что шляхта слилась в правовом отношении с казачеством, показывает отсутствие у части казацкой элиты уверенности в принятии их аргументов. Тем самым, сохранялся возможный вариант отхода назад к правам Войска Запорожского. Тем не менее, со стороны российской элиты, близкой к гетману Разумовскому, изложенная позиция не выглядела чем-то диковинным или вызывающим неприязнь. Оставалось только решить проблему составления списка малороссийских «благородных».

Эту задачу украинская казацкая элита пыталась решить исключительно в рамках стратегии «самоаноблирования», то есть априорного признания российским правительством ее благородного происхождения. Приход к власти Екатерины II в результате дворцового переворота (конец июня 1762 г.), в котором участвовал гетман Разумовский, вероятно, породил надежду у казацкой элиты законодательно закрепить свой шляхетский статус без составления списков «малороссийской шляхты». Для осуществления задуманного следовало убедить только взошедшую на престол императрицу в том, что «малороссийские чиновные люди», начиная с польского времени, обладали шляхетским достоинством. Только теперь представители украинской казацкой элиты несколько изменили тактику: если ранее для доказательства благородства выстраивались сложные юридические конструкции, то теперь акцент сместился к проблеме отсутствия единой нормы, уравнивавшей малороссийские и великороссийские ранги. По этой причине к королеве Екатерины II (22 сентября 1762 г.) была составлена петиция из 6 пунктов, подписанная казацкой делегацией из 11 чел., среди которых были генеральный обозный С. Кочубей, генеральный судья И. Журман, генеральный писарь В. Туманский и другие ²⁸.

Вопрос об уравнивании малороссийских и великороссийских чинов периодически поднимался в российско-украинских отношениях, на-

чиная примерно с 1733 г., но до петиции осени 1762 г. эта проблема сводилась лишь к решению вопросов финансового обеспечения казачьей элиты²⁹. В самом первом пункте петиции отмечалось, что в период нахождения «Малой России» в составе Польши «малороссийские чиновные люди и их потомки, при чести и достоинствах их чинов сохраняемы, и не токмо ничем против шляхетства и чиновных персон того королевства Польскаго уменьшаемы, но яко равные с равными и вольные с вольными, во всем соровнены пребывали»³⁰. После этого давалась ссылка на привилей польского короля Сигизмунда-Августа 1569 года. Согласно логике составителей, такую модель отношений подтвердил царь Алексей Михайлович в 1654 году. Последнее позволяло утверждать, что «довольное время было, что малороссийские чиновные люди при всех случавшихся с великороссийскими персонами советах почитаемы достойною по характерам каждого честию, и уравниваны с великороссийскими примерными рангами»³¹. В качестве наглядного примера приводился поход в Лифляндию 1701 г., когда казацким полковникам было дано жалование «против ертоульных воевод и полковников драгунских пехотных полков», а чины ниже приравнивались к прочим офицерам, кроме того, утверждалось, что некоторые из казацких полковников были стольниками³². Баланс в столь тонких практиках нарушил Петр I, утвердивший «Табель о рангах» (1722 г.), где не нашлось места «малороссийским чинам», несмотря на то, что «нужды и случаи требуют малороссийским старшинам совокупно быть с великороссийскими чинами» в походах, заседаниях «к общему разсмотрению вверяемых дел и комисий»³³. Из-за этого малороссийским старшинам случалось «как в заседаниях, так и в неприличных, а иногда и крайне обидимых письменных предикатах чувствительную дознавать обиду»³⁴.

Об этих проблемах казацкая элита сообщала российскому правительству, начиная с 1742 г., но не встречала понимания. Особенно это касалось отклоненных предложений гетмана Разумовского (20 марта 1756 г.). Усилить аргументацию должна была ссылка на пожалование генерального подскарбия В.А. Гудовича (1762 г.) в «тайные советники», который «между генеральными старшинами по степени есть четвертый», а за счет пожалования российского чина выбивался из элитарной иерархии³⁵. На этом основании представители казацкой делегации просили Екатерину II «всем малороссийским чинам нынешним, и впредь в тех чинах будущим, уравнение против великороссийских рангов в безобидные классы высочайше пожаловать, и повелеть внести в табель»³⁶.

По мысли составителей, данная просьба «никаково ущерб и интересам» императрицы не принесет, а, наоборот, «еще честь и славу государствования Вашего Императорского Величества умножит»³⁷. Прошение казацкой элиты было воплощено в проект императорской грамоты гетману Разумовскому, копия которой сохранилась в бумагах Воронцовых и датируется 22 сентября 1762 года³⁸.

Придание юридической силы данной грамоте должно было решить проблемы, на которых акцентировали внимание представители казацкой элиты: закрепление определенной иерархии малороссийских и великороссийских (статских и армейских) чинов, определение порядка перехода из чина в чин (по заслугам и усердию), отмена

старшинства великороссийских чинов над малороссийскими в различных службах и походах, признание за гетманом регулирующей роли в карьерном продвижении казацкой элиты. Для обоснования своих претензий составители проекта грамоты сохранили аргументацию казацкой петиции. В вводной части документа особо подчеркивалось, что императрица «милостию всем чинам малороссийским для поощрения их к непоколебимой нам верности и неперемennomу усердию от сего времени жалует классы противу чинов малороссийских», а в конце — «изъявляем всем выше помянутым чинам малороссийским с тем дабы они поощрены будучи честолюбием не удалялись от нашей службы но паче старались от одного чина переходить в другой прямыми заслугами и особливими к нам и Отечеству Всероссийскому усердием и непоколебимою верностью»³⁹.

Согласно проекту, теперь «малороссийские чины» рассматривались как «должности регулярной служащие». В свою очередь, украинский гетман должен был следить, чтобы чины исправно отправляли свою должность, а представители казацкой элиты, двигаясь по карьерной лестнице, не перескакивали через несколько ступеней⁴⁰. При сохранении выборности на казацкие должности за гетманом (как генерал-фельдмаршалом) закреплялось право производить в чины от майора и ниже и выдавать на них патенты без конфирмации императрицы⁴¹. При таких законодательных привилегиях от гетмана требовалось лишь составить и подать императрице «штат» бунчуковых, войсковых и значковых товарищей, которые «не имея себе команды, состоят числом неопределенным». Это делалось для того, чтобы императорской милостью не пользовались «особливо празнодельные и нехотящие служить (кроме отпущенных вами (гетманом. — Я.Л.) из службы в отставку)»⁴².

В содержании проекта императорской грамоты была четко обозначена тенденция к тому, что критерием принадлежности к казацкой элите должна была стать служба⁴³. К сожалению, о реакции на данный проект остается только гадать. Проект так и остался на бумаге, а на его копии отсутствовали какие-либо пометы.

Однако очевидно, что придание этому проекту юридической силы создало бы необычный прецедент в российской политической истории, когда украинский гетман, как имперский военный чиновник, подобно некоторым имперским учреждениям (например, Сенату или Военной коллегии)⁴⁴, обладал бы законным правом производить в регулярные армейские чины, а будучи еще и главой корпорации Войска Запорожского, имел бы возможность автоматически возводить представителей казацкой элиты в личное или потомственное дворянство через присвоение им соответствующих чинов. Кроме того, если учитывать стремление Разумовского к наследственному гетманству, то на территории Российской империи в границах «Малой России» могло бы оформиться специфическое образование, наследный глава которого наделялся бы сувереном правом нобилитировать своих подчиненных независимо от воли монарха. Таким образом, украинская казацкая элита навязывала суверену собственное видение своего благородного происхождения, и в этом ее поддерживала часть российской правящей верхушки. Тем не менее, этого оказалось недостаточно, чтобы повлиять на императрицу. В манифестах, изданных по случаю коронации Екатерины II, эта проблема не поднималась⁴⁵.

Несмотря на неудачу с проектом осени 1762 г. гетман Разумовский продолжал настаивать на своей позиции. В 1763 г. начало свою работу Императорское совещание, на котором при обсуждении содержания дворянских привилегий поднимался вопрос об уравнении малороссийских и великороссийских чинов (на основании указа Екатерины II от 15 апреля 1763 г.)⁴⁶. В своих рассуждениях гетман практически дословно воспроизводил положения проекта от 22 сентября 1762 г. о благородном происхождении казацкой элиты, соответствии малороссийских и великороссийских чинов, а также о том, в какие чины гетман мог производить без конфирмации императрицы. В ходе обсуждений Разумовский натолкнулся на жесткую оппозицию со стороны гр. А.П. Бестужева-Рюмина, считавшего политические запросы гетмана излишне завышенными⁴⁷.

Гетман был вынужден дать ряд пояснений (13 июня 1763 г.). С позиции Разумовского, главное отличие малороссийского от других нерегулярных войск заключалось в том, что «малороссийский народ... суть природные издревле россияне»⁴⁸, поэтому «ненадлежащие уравнения в чинах могло сказаться на честь казацкой элиты (малороссийской шляхты), так как «в Малой России состоят учрежденные чины военные и статские, а все те которые их исправляют суть из старинного шляхетства, и многие государей российских на дворянство грамоты имеют» в отличие от донских казаков, где «только то и дворянин, ежели его так назвать можно, которой чин регулярной получил, а прямого дворянина там никогда не бывало»⁴⁹.

Несмотря на позицию гр. Бестужева-Рюмина предложения гетмана Разумовского с некоторыми оговорками были поддержаны российской правящей элитой (гр. М.И. Воронцов, гр. Н.И. Панин, кн. Я.П. Шаховской, кн. М.Н. Волконский, гр. З.Г. Чернышёв, Г.Н. Теплов)⁵⁰. Гетману следовало пожаловать право возведения в чин подполковника и ниже, то есть юридически закрепить за Разумовским необычный статус имперского чиновника, обладавшего, подобно учреждению, правом выдачи патента на чин, и главы корпорации Войска Запорожского, возводившего в потомственное или личное дворянство представителей казацкой элиты по милости монарха, но без его воли. Как и в случае с проектом 22 сентября 1762 г., от гетмана требовалось лишь ограничить число бунчуковых, войсковых и значковых товарищей. В новом проекте предложения Разумовского снова были поддержаны видными российскими сановниками и даже несколько расширены. Например, гетман без конфирмации императрицы мог возводить в чин подполковника. Однако и на этот раз данный вопрос не был решен, не получив одобрения со стороны Екатерины II. По исключительной воле одного человека были разрушены уникальные планы. Почему же императрица была столь непреклонна?

Скорее всего, в обоих описанных случаях проявились особенности политического мировоззрения Екатерины II, на протяжении долгого времени подозрительно относившейся к любым проектам, к которым она или не прикладывала руку, или не была их автором. Неслучайно, практически сразу же в политической сфере Российской империи наибольшую роль приобрел институт статс-секретарей и генерал-прокурора, через которых Екатерина II выстраивала свою систему управления. По этой причине проекты украинской казацкой

элиты, равно как и проект прав благородных (дворян) («Право дворянское»), оказались заложниками исторической ситуации, сложившейся после дворцового переворота 1762 года.

Тем не менее, после своего отъезда из Санкт-Петербурга (июнь 1763 г.) Разумовский и его окружение продолжили работу над разработкой концептуальных обоснований шляхетского происхождения казацкой элиты, не встречая каких-либо препятствий со стороны российского правительства. В этом плане особенно показательна так называемая Глуховская Рада, собравшаяся в конце 1763 года. В ходе ее заседаний был подготовлен документ — «Речь о “поправлении состояния” Малороссии». Иногда авторство этого текста приписывают известному украинскому общественному деятелю Г.А. Полетике⁵¹. Автор сочинения выстраивает свой текст от лица потомка «народа российского», который в составе «республики польской» добился привилегии «на все права, вольности и преимущества, которыми еще и ныне помянутая республика пред целым светом хвалится». Российские цари, приняв «в свою протекцию малороссийский народ... не токмо все те вольности и права, которыя мы имели под Польшею, подтвердили, но новыми лучшими нас наградить и пожаловать обещали». Однако закреплению такого статуса помешали внутренние «непорядки и замешательства», «властолюбие частных людей», злоупотребление «законами». Исходя из этого, автор-аноним призывал восстановить прежние «порядки и благосостояния». Для этого следовало поправить «гражданские и воинские дела». По мнению создателя «Речи», гражданские дела находились «не на таком состоянии» как в польские времена, так как трибунал, «суды земские, гродские, подкоморские и протчие» были «переведены и выглажены из памяти нашей». Причина этому виделась в том, что «умалилась власть и сила шляхетства нашего, а возрасла и почти все себе присвоила воинская сила (местного казачества. — *Я.Л.*)». Выходом из этой ситуации виделась реанимация тех прав, что подтвердил Алексей Михайлович⁵². Для укрепления этой системы высказывалось пожелание возродить практики в соответствии с положениями Литовского Статута, «книг конституций», «установлений сеймовых».

Также глашатай этой «новой шляхты» требовал, чтобы их «имения и земли» были отобраны у слободских полков, раскольников, поселившихся на территории «Малой России». Другим повреждением «прав» «новой шляхты» признавалось «самоволие» «мужиков», которые «свободно из места на место бродят», «безвозбранно вписываются в козаки», «бегают в Польшу», «выходят на великороссийские земли». В результате «умалается земледелие, неисправно плотятся общенародные подати, и протчие безчисленные происходят непорядки, а помещики между тем от часу в большую приходят бедность и разорение». По этой причине автор прошения «просит о запрещении им (мужикам. — *Я.Л.*) свободного перехода»⁵³.

Предложения, касавшиеся других социальных групп Гетманской Украины, носили довольно общий характер. Например, касательно казачества предлагалось охранять их имения «от нападков и раззорений», «возобновить их вольность», «просить, чтобы сложены были с них подати», а также «положить небольшое число козаков и дать им хотя малое жалованье», остальных расписать на конную и пешую службы⁵⁴.

Таким образом, в документе подчеркивалось, что права «народа российского» не являлись наследием прав и вольностей Войска Запорожского, от носителей которых «новая шляхта» себя дистанцировала. Собственно само казачество в период после 1654 г. способствовало тому, что шляхта потеряла свои права. Отмеченные требования были конкретизированы в специальной петиции 1764 г. от лица гетмана и верхушки Гетманской Украины. Данный документ представлял собой прошение на имя Екатерины II, состоявшее из 22 пунктов⁵⁵. Его вводная часть сходна по содержанию с «Речью о «поправлении состояний» Малороссии». Здесь присутствовали рассуждение о правах, вольностях и преимуществах, присущих «малороссийскому народу» в составе Речи Посполитой, которые подтвердил затем Алексей Михайлович. Это были 4 жалованные грамоты «гетману и войску запорожскому, шляхетству, духовному чину и мещанству», что «при постановлении каждого гетмана поновляемы и подтверждаемы были». Эти жалованные грамоты, составлявшие основу автономии Гетманской Украины, следовало в очередной раз подтвердить⁵⁶.

Однако основное внимание в документе отдавалось уточнению преимуществ украинской казацкой элиты как «новой шляхты». Особенно это касалось вопроса об уравнении чинов «малороссийской старшины против великороссийских». Авторы уточняли, что под понятием «малороссийский народ» имелось в виду «шляхетство» Малой России. Этой сословной группе следовало вернуть имения, отошедшие к слободским полкам, раскольникам Гетманской Украины и территории Новой Сербии. К числу важных требований относилось восстановление сословных судов польского времени (подкоморских, земских, градских и особого Трибунала), что также относилось к «правам малороссийским». Также составители документа просили о разрешении на Генеральной раде большинством голосов принимать различные постановления, которые получали юридическую силу после конфирмации императрицы⁵⁷. Как в тексте «Речи», в содержании петиции сохранился пункт о лишении «мужиков» права перехода и свободного вписывания в казаки⁵⁸. Новыми требованиями были просьбы о восстановлении внутренних таможенных границ и введении внутренних налогов — индуктов и эвектов — отмеченных в середине 1750-х годов⁵⁹. Кроме того, была подготовлена другая петиция к императрице, содержавшая просьбу о наследовании гетманского звания одним из сыновей Разумовского⁶⁰. В результате этого в границах Российской империи могло оформиться наследственное полуавтономное княжество. Вероятно именно последний аспект (институт наследственного гетманства), а не права «малороссийской шляхты», не вписывался в представления Екатерины II об идеале государственного устройства.

Подтверждение этому содержится в одном из 9 пунктов инструкции генерал-прокурору А.А. Вяземскому, в составлении которой непосредственно участвовала Екатерина II. В документе указывалось, что Малая Россия, равно как и Лифляндия и Финляндия, «суть провинции, которыя правятся конфирмованными им привилегиями, нарушить оныя отрешением всех весьма непристойно б было, однакож и называть их чужестранными и обходиться с ими на та-

ком основании есть больше, нежели ошибка, а можно назвать с доверностью глупостью»⁶¹. На этом основании предполагалось, что «сии провинции, также и смоленскую, надлежит легчайшими способами привести к тому, чтоб оне обрусели и перестали бы глядеть как волки к лесу».

В отношении Малороссии данного результата следовало добиваться так, «чтоб век и имя гетманов исчезло, не токмо б персона какая была произведена в оное достоинство»⁶². Вероятно, по этой причине гетман Разумовский вынужден был уйти в отставку осенью 1764 г., хотя в столице империи курсировали слухи о том, что только гетманские амбиции и интриги фаворита императрицы Г.Г. Орлова являлись тому причиной⁶³. Излишняя подозрительность Екатерины II к институту гетманства и требованиям его реставрации проявилась в 1767 г. во время суда над незначительной частью казацкой элиты Нежинского полка (1 из 10 полков Гетманской Украины), правда впоследствии помилованной. Верхушка Нежинского полка провинилась перед императрицей лишь в том, что в своих наказах в Уложенную комиссию искренне желала восстановления выборов гетмана⁶⁴.

Политика, проводимая Екатериной II в отношении института гетманства, повлияла на изменения в представлениях украинской казацкой элиты о своем благородстве. Главным виновником повреждений прав казацкой элиты, как малороссийской шляхты, были избраны гетманы Войска Запорожского, а не только «воинская сила» местного казачества или злоупотребления неких «приватных людей». В концентрированном и завершенном виде эти мысли на заседаниях Уложенной комиссии изложил Г.А. Политика, чьи взгляды формировались в идейном поле, сложившемся в первой половине 1760-х годов. В таком же качестве институт гетманства в начале XIX в. рассматривали наследники «малороссийской шляхты»⁶⁵.

Реакция российской правящей элиты на проекты и предложения казацкой верхушки свидетельствовали о наличии многих точек соприкосновения, что «вписывало» казацкую элиту в общероссийские процессы и демонстрировало ее высокий статус. Без поддержки российской правящей элиты, близкой к гетману Разумовскому, не была бы возможна легитимация основных положений исторического мифа о шляхетском происхождении казацкой элиты и признание ее прав без предоставления документальных доказательств. Стратегию навязывания или «самоаноблирования» представители казацкой элиты осуществляли в рамках двух тактик — построения сложных юридических конструкций или требования уравнивания малороссийских и великороссийских чинов. Подобная практика могла привести к уникальному случаю в российской истории — созданию наследственного княжества, чей глава (гетман) обладал бы правом пожалования казацкой элиты в российские чины вплоть до подполковника. Такая тактика получила поддержку среди российской правящей элиты, выдвинувшейся при Елизавете Петровне. Однако лишь специфика представлений Екатерины II о государственном устройстве, роли монарха в управлении и подозрительное отношение к институту гетманства не позволили этому осуществиться.

Примечания

Работа выполнена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации. (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г.

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 248, оп. 17, д. 1144, л. 271об.; оп. 29, д. 1827 л. 765—765об.; ф. 286, оп. 2, д. 1, 3; ХОРУЖЕНКО О.И. Дворянские дипломы XVIII века в России. М. 1999, с. 88—89, 96, 201—202, 205.
2. РГАДА, ф. 248, д. 3217, л. 347.
3. МИЛЛЕР Д.П. Очерки из истории и юридического быта старой Малороссии. Превращение казацкой старшины в дворянство. Киев. 1897, с. 18.
4. РГАДА, ф. 248, д. 3017, л. 239.
5. Там же, д. 3217, л. 7.
6. Там же.
7. Подобная проблема была актуальна в 1750-е — 1760-е годы. Как отмечает О.И. Хоруженко, Герольдмейстерская контора, учреждение, подтверждавшее и выдававшее дворянские дипломы, неоднократно сталкивалась с поддельными документальными доказательствами и выдуманными историями. См.: ХОРУЖЕНКО О.И. Ук. соч., с. 152.
8. Автор выражает благодарность сотруднику ИИиА УрО РАН, кандидату исторических наук М.А. Киселёву за критические замечания и указания на ценные источники, которые помогли в работе над данной публикацией. КИСЕЛЁВ М.А. Проблема прав и обязанностей российского дворянства в Уложенной комиссии на рубеже 1750-х и 1760-х гг.: к истории Манифеста о Вольности дворянской. — Уральский исторический вестник. 2013, № 3, с. 32—33, 36—37; ЕГО ЖЕ. Манифест о вольности дворянства 1762 г.: реконструкция истории текста. — Российская история. 2014, № 4, с. 44—146.
9. Научно-исследовательский архив Санкт-Петербургского отделения Института истории Российской академии наук (НИА СПбИИ РАН), ф. 36, оп. 1, д. 1068, л. 58.
10. Там же, л. 58об.
11. ПАНАШЕНКО В.В. Соціальна еліта Гетьманщини (друга половина XVII—XVIII ст.). Київ. 1995, с. 8.
12. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-1) с 1649 года. Т. XV. СПб. 1830, № 11 378, с. 862.
13. О дружеских отношениях братьев Воронцовых с К.Г. Разумовским свидетельствует переписка гетмана с М.И. Воронцовым (1756—1762 гг.). В своих письмах гетман не только делился впечатлениями о выписанных на Гетманскую Украину иностранных докторов и учителях, благодарил за помощь в приглашении итальянских архитекторов, обсуждал вопросы внешней политики, но и лоббировал интересы украинской казацкой элиты. В ответном письме от 4 декабря 1757 г. Воронцов заверял гетмана в том, что готов услужить старшему сыну лубенского полковника И. Кулябки в его продвижении на должность полкового обозного. НИА СПбИИ РАН, ф. 36, оп. 1, д. 1134, л. 14—17, 33, 35, 75—75об., 78.
14. МИЛЛЕР Д.П. Ук. соч., с. 19.
15. Списки черниговских дворян 1783 г.: материалы для истории местного дворянства. Сб. документов. Чернигов. 1890, с. 176—177.
16. Отчет комитета по присуждению премий, учрежденных Харьковским земельным банком в память двадцатипятилетия царствования Императора Александра II при Императорском Харьковском университете. Сб. статей. Харьков. 1898, с. 18.
17. Права, данные от польских королей и великих князей литовских, и подтвержденные российскими царями.
18. Списки черниговских дворян 1783 г.: материалы для истории местного дворянства, с. 178—179.

19. Отмеченное пояснение не случайно. Именно в царской жалованной грамоте И.И. Скоропадскому (1708—1722 гг.) на «уряд гетманский» (1710 г.) впервые официально утверждалось, что прерогативы гетмана распространяются на военную и гражданские сферы во всей «Малой России», а не только на институты Войска Запорожского, то есть признавалась исключительная роль казацкой элиты в регионе.
20. Списки черниговских дворян 1783 г.: материалы для истории местного дворянства, с. 179—180.
21. Там же, с. 180.
22. Там же, с. 182.
23. Там же, с. 184.
24. Там же, с. 184.
25. Там же, с. 184—185.
26. Там же, с. 185—186.
27. Там же, с. 186.
28. НИА СРБИИ РАН, ф. 36, оп. 1, д. 414, л. 92—95.
29. Экстракт из указов, инструкций и учреждений, с разделением по материям, на двенадцать частей: собрано в Правительствующем Сенате по малороссийской экспедиции, 1786 г. В кн.: Материалы для истории экономического, юридического и общественного быта Старой Малороссии. Сб. документов. Чернигов. 1902, с. 265—266; ПАНАШЕНКО В.В. Ук. соч., с. 117—118.
30. НИА СРБИИ РАН, ф. 36, оп. 1, д. 414, л. 92.
31. Там же, л. 92об.—93.
32. Там же, л. 93.
33. Там же.
34. Там же, л. 93об.
35. Там же, л. 94.
36. Там же, л. 94об.
37. Там же.
38. Там же, л. 96—101.
39. Там же, л. 97, 98об.
40. Там же, л. 99.
41. Там же, л. 100об.—101.
42. Там же, л. 100—100об.
43. КРУГЛОВА Т.А. Об отставке последнего малороссийского гетмана К.Г. Разумовского (1764 г.): новое прочтение источников. — Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2010, № 1, с. 4.
44. В Российской империи правом выдачи патентов на чины обладал император, а также некоторые высшие учреждения. На примере армейских чинов, которые являлись «эталонными», эта практика выглядела следующим образом. На обер-офицерские чины и ниже патенты могла выдавать Военная коллегия, а выше (генерал- и штаб-офицерские) — монарх, который подписывал «рописи», скрепленные подписями всех членов коллегии. В ситуации с выдачей патентов на воинские обер-офицерские чины статским эту процедуру должен был совершать Сенат. См.: ПСЗ-1. Т. VII. 1724, № 4589, с. 361. Т. VII. 1727, № 5198, с. 897. Т. X. 1737, № 7437, с. 349.
45. ПСЗ-1. Т. XVI. 1762, № 11 667—11 668, с. 69—72.
46. ОМЕЛЬЧЕНКО О.А. Императорское собрание 1763 года. (Комиссия о вольности дворянской): исторический очерк. Документы. М. 2001, с. 53.
47. Мнение А.П. Бестужева-Рюмина см.: Архив князя Воронцова. Т. 25. М. 1882, с. 340—349; БЕСТУЖЕВ А.П. Особое мнение по докладу Собрания о правах малороссийского дворянства. 10 июня 1763 г. В кн.: ОМЕЛЬЧЕНКО О.А. Ук. соч., с. 105—107.
48. Там же, с. 107.
49. Там же, с. 109.
50. Там же, с. 139—140.
51. См.: КОГУТ З. Російський централізм і українська автономія. Ліквідація Гетманщини (1760—1830). Київ. 1996, с. 84.

52. Речь о «поправлений состоянии» Малороссии. — Киевская старина. 1882, № 10, с. 120—122.
53. Там же, с. 123—124.
54. Там же, с. 123.
55. Прощение малороссийского шляхетства и старшин, вместе с гетманом, о восстановлении разных старинных прав Малороссии, поданное Екатерине II в 1764 году. — Киевская старина. 1883, № 6, с. 317—345.
56. Там же, с. 319—320.
57. Там же, с. 326—328.
58. Там же, с. 340, 342—343.
59. ВОЛКОВ М.Я. Отмена внутренних таможен в России. — История СССР. 1957, № 2, с. 78—95.
60. КРУГЛОВА Т.А. Ук. соч., с. 4.
61. Сборник Императорского российского исторического общества, т. 7, с. 348.
62. Там же.
63. КРУГЛОВА Т.А. Ук. соч., с. 14—18.
64. МАКСИМОВИЧ Г.А. Выборы и указы в Малороссии в Законодательную комиссию 1767 г. Ч. 1. Выборы и составление наказов. Нежин. 1917, с. 311; PROSKURIN O. Неудавшийся бунт. Российская империя и украинский автономизм в зеркале непристойной сатиры XVIII века. — Toronto Slavic Quarterly. 2014, № 48, с. 144—153.
65. ЖУРБА О.І. «Представте вы себе, какой зверь был Гетман! Это были пренечестивые деспоты!» (з листа свідомого українського патріота, автономіста та традиціоналіста початку ХІХ століття). Дніпропетровський історико-археографічний збірник. Вип. 3. Дніпропетровськ. 2009, с. 203.

Участие швейцарцев в войне 1812 г. в составе Великой армии Наполеона

А.В. Тихонова

Аннотация. Публикация посвящена швейцарскому контингенту в составе Великой армии Наполеона в период военной кампании 1812 года. Особое внимание уделено вопросам численности швейцарских военнослужащих, их участию в боях за Полоцк и сражении при Березине. На основе воспоминаний офицеров, в том числе Т. Леглера, охарактеризовано отношение швейцарцев к своим сослуживцам, конкретным боевым ситуациям, воинскому долгу. Архивные материалы свидетельствуют о попытках швейцарских властей выяснить судьбы своих соотечественников по окончании военных действий. В работе приведены примеры вступления военнопленных швейцарцев в подданство Российской империи.

Ключевые слова: швейцарцы, Великая армия Наполеона, 1812 г., швейцарские полки, Т. Леглер, Полоцк, Березина.

Abstract. The work is devoted to the Swiss contingent as part of the Great Napoleon's army during the military campaign in 1812. Particular attention is paid to the number of Swiss soldiers and their participation in the battles of Polotsk and the battle of Berezina. Based on the memoirs of the officers, including T. Legler, the article is characterized the attitude Swiss towards their colleagues, specific combat situations, the military duty. The archival materials show the attempts of the Swiss authorities to know the fates of their compatriots after the end of military operations. This work contains the examples of acquisition Russian citizenship by Swiss prisoners of war.

Key words: Swiss, Great Napoleon's army in 1812, the Swiss regiments, T. Legler, Polotsk, Berezina.

В последние годы в связи с празднованием 200-летия войны с Наполеоном и приближающимся 205-летием этой военной кампании усиливается интерес к истории Великой армии Наполеона как серьезной военной силе с многонациональным составом (армии «двунадцати языков»), а также успеху России в противостоянии с ней. Швейцария оказалась втянута в сферу наполеоновского влияния, став участницей военной кампании 1812 г. на его стороне. Это оказалось «един-

---

Тихонова Анастасия Владимировна — доктор исторических наук, доцент Смоленского государственного университета. E-mail: a.v.tikhonova@gmail.com.

Tikhonova Anastasia V. — doctor of historical sciences, associate professor of the Smolensk State University. E-mail: a.v.tikhonova@gmail.com.

ственным случаем встречи жителей горной страны с русскими на поле боя»¹.

По данным, приведенным в монографии Г. Фабри, к 1 июня 1812 г. численность швейцарских пехотных полков составляла 6063 чел.: 1-й полк (под командованием полковника А. Рагеттли) насчитывал 57 офицеров и 1314 солдат, 2-й полк (под командованием полковника Н.А.-К. Каstellла де Берлена) — 80 офицеров и 1707 солдат, 3-й полк (во главе с полковником Ф. Томасе) — 67 офицеров и 1266 солдат, 4-й полк (командир — полковник Ш.-Ф. д'Аффри) — 59 офицеров и 1513 солдат². По оценкам современных военных историков, в наполеоновской армии было свыше 6,7 тыс. швейцарцев³. По другим данным, общая численность четырех швейцарских полков составляла 8 или 9 тыс. человек⁴.

Швейцарские полки входили в состав 9-й пехотной дивизии дивизионного генерала Мерля 2-го корпуса Великой армии под командованием маршала Удино⁵. В состав этого корпуса был включен также 11-й легкий полк, в котором находился Валезанский батальон швейцарцев⁶.

Первоначально 2-ой корпус Удино двигался с основными войсками, а затем французский император поставил перед ним особую задачу: воспрепятствовать действиям 1-го пехотного корпуса 1-ой Западной армии под командованием генерал-лейтенанта графа П.Х. Витгенштейна, прикрывавшего петербургское направление. Корпус Удино форсировал Десну и двинулся к Полоцку.

О событиях 1812 г. вспоминал в своих мемуарах швейцарский офицер, уроженец Дорнхауза (кантон Гларус), Томас Леглер (1782—1835), который служил обер-лейтенантом гренадеров, состоял в 1-м швейцарском полку. Начиная свой рассказ с лагеря при Десне в конце июля 1812 г., Леглер упоминает о гренадерских лейтенантах Дортю (из Ваадтского кантона) и Томана (из Солотурна)⁷. Автор обязательно указывает, из какого кантона его сослуживцы, и это не случайно, так как Швейцария представляла собой союз кантонов, имевших свои политические, экономические и культурные особенности. Однако тяжелейшая кампания 1812 г., по мнению многих авторитетных швейцарских историков (Алена-Жака Торнара из Фрайбурга, Дамиано Роббиани из Тичино, Юрга Штюсси-Лаутербурга, являющегося руководителем Швейцарской федеральной Исторической военной библиотеки), повлияла на самосознание швейцарцев и способствовала осознанию ими необходимости единства страны. По словам А.-Ж. Торнара: «Березина (как завершающее сражение, ставшее для швейцарцев символом потерь и героизма. — А.Т.) показала, прежде всего, что швейцарцы, представляющие разные кантоны и регионы, в состоянии воевать вместе, да и вообще — делать что-либо сообща. Сражение показало, что немецкие швейцарцы не превалируют над франкофонами, что и все вместе они воспринимают “итальянцев” из Тичино как равноправных партнеров и соратников»⁸.

То, что военная кампания 1812 г. будет трудной, многим швейцарцам стало очевидно в первые же ее дни. В своих записках они вспоминают изнуряющую жару, отсутствие хорошей воды и пищи и, как следствие, болезни⁹. Первый бой с русскими состоялся 22 июля 1812 г. у солдат 3-го швейцарского полка у деревень Оникшты и

Черново, когда отличились барабанщик гренадеров Перне (из Фрайбурга) и лейтенант Кунклер. Затем швейцарцам пришлось сражаться с войсками генерал-лейтенанта П.Х. Витгенштейна при Сивошино, понеся серьезные потери.

Швейцарцы приняли участие в двух сражениях за «ключевой пункт на петербургском направлении» — Полоцк. В первом полоцком сражении, по выражению немецкого историка, «солдаты в красных мундирах были воплощением твердости духа и стойкости среди царящей вокруг неразберихи. Они стояли молча, ожидая неприятельских кирасиров. Над их строем гордо реяли императорские орлы. По сигналу командиров, когда до неприятеля оставалось всего 50 шагов, они открыли батальный огонь. Вражеские всадники, неся потери, отхлынули на исходные позиции»¹⁰.

О сражении за Полоцк в августе 1812 г. рассказывает в своих записках Леглер. Он упоминает об участии в бою швейцарцев своего полка «в обществе почтенного полковника Рагетли (Raguetlli из Флимса, кантон Граубинден)» (в фамилии полковника одна буква «т» опущена переводчиком. — *A. T.*), об опасности гибели «бригадного генерала Амея (Ameu, из кантона Фрайбург), командовавшего первой бригадой третьей дивизии» (под ним в ходе сражения была убита лошадь). Любопытно, что дивизия Леглера принимала участие в этих военных действиях как резервная, так как главный генерал был убежден, что «если бы паче чаяния дело дошло до отступления, то мы можем рассчитывать на хладнокровие и мужество швейцарцев, и на этом основании они должны еще сегодня быть в резерве»¹¹.

6 (18) августа 1812 г. при занятии наполеоновскими войсками поста при Роппе (у дорог, ведущих к Санкт-Петербургу и Риге) штыковую атаку против русских войск осуществил охотничий батальон под командованием Дуликера (из Люцерна). Потери швейцарцы несли не только в боях: в сентябре-октябре 1812 г., в лагере при Роппе свирепствовала дизентерия, от которой больных спасал доктор — майор Гейман (Heumann из Нидвальдена). 5 (17) октября 1812 г. в новой схватке с русскими при Роппе, по свидетельству Леглера, был ранен в голову капитан Дрюей (Druey) из Фрайбурга, и погиб командующий гренадерским батальоном капитан Жилли (Gilly), похороненный затем при лагере в присутствии офицеров¹².

6 (18) октября 1812 г. началось новое сражение при Полоцке, в котором принял участие Леглер. Он отметил, что среди его соотечественников перед сражением было приподнятое настроение и стремление доказать свою храбрость: «Мы не сдадимся до последнего человека!», «Швейцарская верность никогда не устареет!» и «хоть нас и мало но неприятелю не дешево с нами разведаться!»¹³

Леглер, подробно описывая сражение 6 (18) октября, не только перечисляет потери, но и называет имена своих товарищей. Среди погибших — капитан Безенсенет, лейтенанты Буазо и Ломбардет (все трое из Ваадта), фон Дуликер и лейтенант Кобельт. Среди тяжело раненых — командир гренадерского батальона капитан де-Камарес (из Ваадта), штаб-офицер Фюсли (из Цюриха), который позднее умер в Ковно. Тяжело раненых не бросали, а старались доставить «в амбулаторию». Леглер с гордостью отмечает этот факт в качестве дока-

зательства «того, как наши люди были связаны взаимной дружбой: неприятель имел дело с полными мужества воинами»¹⁴.

Об этом сражении вспоминал и фурьер 2-го швейцарского полка Шарль Франсуа Мино: «... эта честь, честь отстоять достоинство швейцарцев в самом горячем огне, обошлась нам дорого. На поле чести пало 400 наших товарищей. К концу этой тяжелой битвы в ротах полка оставалось в строю по 60—80 человек». 9-я дивизия Мерля сократилась до 2300—3000 человек¹⁵. По данным полковника д'Аффри, 1-й швейцарский полк потерял убитыми 200 чел., а ранеными 300. Во 2-м швейцарском полку из 50 офицеров погибло 8, было ранено 25, потери среди унтер-офицеров и солдат составили убитыми 250 чел., а ранеными — 380. По сведениям Шаллера, 1-й и 2-й швейцарские полки потеряли убитыми и ранеными 52 офицера и 1100 нижних чинов. По данным Бодингера, после сражения численность боеспособных швейцарцев была следующей: 1-й швейцарский полк — 403 чел., 2-й швейцарский полк — 317, 3-й швейцарский полк — 354, 4-й швейцарский полк — 505, Валеазский батальон 11-го легкого полка — 321 человек¹⁶. Всего 1900 военных.

Далее 2-му корпусу Удино предстоял путь до Борисова и взятие этого города. Вечером 12 (24) ноября 1812 г. в Борисов прибыл Наполеон, а вслед за ним в город вошла деморализованная «Московская армия», представлявшая собой, по свидетельству Леглера, «ужасное зрелище»: «Наибезобразнейшая карикатура не могла бы выдержать сравнения с описанной картиной»¹⁷. Среди тех, кто подходил тогда к Борисову, был швейцарский лейтенант А. Муральт, который находился в составе «Московской армии»¹⁸ и испил свою чашу испытаний в этой кампании.

Швейцарцы 2-го армейского корпуса напротив сохранили боеспособность, и Леглер, будучи офицером 9-й пехотной дивизии, с гордостью писал: «Сознание, что мы также во всем терпели недостаток и боролись со всякими невзгодами, что и мы сражались и никогда не уступали неприятелю поля битвы как побежденные, что мы провезли до Борисова завоеванные нами 25 русских пушек, что мы сохранили наши оружие и платье, также дисциплину, — эти воспоминания должны были во всяком случае нам льстить, особенно, когда мы теперь должны были быть авангардом императора против ядра русской армии. На этом основании второй армейский корпус мог гордиться своим сохранением, так как мы имели 8000 способных и боя жаждавших воинов»¹⁹.

Декретом Наполеона от 7 (19) ноября 1812 г. многие швейцарцы были повышены по службе и награждены орденом Почетного легиона. Из первого швейцарского полка такой награды удостоились: полковник Рагеттли и 13 офицеров, в числе которых был и Леглер. Гренадерский капитан Блатман получил орден и был назначен шефом батальона, такое же повышение коснулось и капитана Цинга, уже имевшего орден Почетного легиона за битву при Св. Евфимии в Калабрии. Леглер приводит число награжденных кавалерским орденом: во втором полку — 8, в третьем и четвертом — по 6 чел., отмечая, что «императорская милость вызвала довольство, мужество и усердие во втором армейском корпусе»²⁰.

14 (26) ноября 1812 г. многим швейцарцам придала сил высокая оценка, данная их командиром — генералом Мерлем — и самим им-

ператором Наполеоном, который назвал швейцарцев «храбрыми людьми»²¹. После переправы через Березину швейцарским полкам еще предстояло участие в сражении, которое до сих пор сохранилось в народной памяти. Устойчивое выражение «Quelle Beresina!» (в переводе с французского «Что за Березина!») означает катастрофу или полную неразбериху. Даже в воспоминаниях лейтенанта А. Муральта, который не принимал участия в этом сражении, а лишь переправлялся через реку в арьергарде войск, увиденное там отражено как совокупность человеческого горя и страданий²².

Ночь перед боем при Березине, по свидетельству лейтенанта Луи Бего из 2-го швейцарского полка, была холодной и тревожной: «Дул сильный, ледяной ветер; наши люди прижимались друг к другу, чтобы согреться.

Самые большие сосны задерживали снег, и под такого рода сенью страдали меньше. Наши караулы были на своем посту, а офицеры, большей частью прислонившиеся к деревьям, за всю ночь не сомкнули глаз, опасаясь какой-либо неожиданности. Наши размышления были далеко не радужными. Голод и жажда мучили нас; мы чувствовали, что на следующий день придется упорно сражаться»²³.

«28 ноября 1812 года (16 ноября по старому стилю. — А.Т.), — вспоминал Леглер, — выпало немного снега. Было около половины 8-го часа утра, когда я прогуливался по дороге с командиром Блатманом. Он напомнил мне о песне, которую я прежде пел и просил, чтобы я ее спел. Я исполнил его просьбу, и под конец он заметил, тяжело вздыхая: “Да, да, Леглер, это так, это чудные слова!” Скоро к нам подошли другие офицеры, и мы провели утро в разговорах и пении»²⁴. Песня называлась «Unser Leben gleicht der Reise» («Наша жизнь как путешествие» или «Наша жизнь — это скитание») ²⁵. Стихотворение было написано в 1792 г. Людвигом Гизеке. Позже мелодия несколько раз перерабатывалась. Эта песня получила название «Песня Березины» («Beresinalied») в музыкальной версии Йоханна Иммануэля Мюллера (1774—1839) и стала одной из национальных патриотических песен Швейцарии²⁶. Оценку Блатмана, данную песне, можно перевести как «действительно, замечательные слова» (по правдивости. — А.Т.).

Неожиданно, по словам Леглера, в 9 час. начался страшный бой: «с обеих сторон огонь был убийственный»²⁷. Это войска 3-ей Западной армии адмирала П.В. Чичагова атаковали 2-й армейский корпус Великой армии, который прикрывал переправу на левом берегу реки. Бой был ожесточенным, в самом его разгаре швейцарским полкам катастрофически не хватало патронов. В этих условиях был дан приказ начать штыковую атаку. Адьютант 2-го швейцарского полка Бего писал: «Несмотря на то, что наши изнемогали от усталости и за весь день ничего не ели, никто из них не жаловался, и они с прежней энергией атаковали в штыки». В штыковую атаку пошли 1-й, 2-й и 4-й швейцарские полки. По свидетельству Бего, состоялось 8 таких атак. Сам Луи Бего был серьезно ранен в ногу, и только помощь командира 2-го швейцарского полка генерала Б. де Вандервейда, доставившего ему лошадь, позволила истекающему кровью раненому добраться до ставки и получить необходимую помощь. Сам генерал Вандервейд в этом бою получил смертельное ранение в горло и был похоронен здесь же²⁸.

В этом бою, вспоминал Леглер, «генерал Амей и много штаб-офицеров были ранены и многие убиты, в том числе наш командир Блатман, которому ружейная пуля пробила голову. Бригадный генерал Канлерас и его адъютант также пали»²⁹. Капитан 4-го швейцарского полка Гаспар Шумахер упоминал также в числе убитых командира бригады генерала Кондра, командира 3-го швейцарского полка Вальтнера³⁰. На глазах Леглера были ранены барабанщик Кундерт (из Рюти, кантон Гларус), командир Цинг, офицеры 2-го швейцарского полка капитан Гопф, гренадерский лейтенант Гербер³¹.

Леглер назвал общие цифры потерь: «Число оставшихся в живых в четырех Швейцарских полках равнялось к вечеру (28-го числа) 300 человекам из 1300. Значит, тысяча наших храбрецов и героев пали жертвами этого упорного сопротивления»³². Это подтверждают и другие источники — в каждом из четырех швейцарских полков оставалось от 60 до 100 человек. Для примера, «в 4-м швейцарском полку, в гренадерской роте Шаллера — 6 человек, в вольтижерской роте Ландоля — 2 человека, в ротам центра — не более 20 человек»³³.

Швейцарские полки сумели спасти остатки наполеоновской армии. Бего писал: «День 28 ноября будет самым памятным для швейцарцев»³⁴. Ему вторит Леглер, который с гордостью вспоминал о своих соотечественниках: «Как львы боролись они в этот день, жизнь не имела для них цены. Ангел смерти действовал беспощадно; смерть или спасение были лозунгом, и горды должны были быть эти храбрецы сознанием, что они спасли большую армию от поражения. Дивизионный генерал Мерле признал это самопожертвование в словах, сказанных вечером после битвы: “Храбрые Швейцарцы! Вы все заслужили орден Почетного Легиона; я донесу об этом императору”»³⁵. Действительно, 62 швейцарца были награждены за этот бой орденом Почетного легиона (13 офицеров и 4 унтер-офицера 1-го полка, 13 офицеров и 4 унтер-офицера 2-го полка, 11 офицеров и 4 унтер-офицера 3-го полка, 9 офицеров и 4 унтер-офицера 4-го полка)³⁶. Полковник Каstellла де Берлен был за это сражение произведен в бригадные генералы³⁷.

Все знамена швейцарских полков были спасены военнослужащими 4-го полка во главе с капитаном Блеуером. В рапорте полковника д'Аффри от 1 января 1813 г. указаны прибывшие в его распоряжение: из 1-го полка — 11 чел. во главе с капитаном Рёссле, из 2-го полка — 70 чел. с капитаном Рюска, из 3-го полка — 87 чел. с капитаном Тейлором и из 4-го полка — 43 чел. с капитаном Блеуером³⁸, то есть 211 чел. из четырех полков!

Леглеру в знаменитом бою под Березиной жизнь спасло то обстоятельство, что он вынужден был отвести раненного командира Цинга в амбулаторию, которая уже не могла вместить всех нуждавшихся. Вскоре Леглер встретил здесь своего соотечественника, вместе с которым сражался, лейтенанта Тчуди (из Гларуса), раненного в шею.

Всех, уцелевших в этом страшном сражении, ждали новые испытания — голод и холод. Были случаи, когда отступавшие поджигали дома с тяжелоранеными: «Пусть горят, их страдания скоро прекратятся смертью». Сам Леглер, находясь вместе с ранеными, чуть было не погиб в огне. Позднее, оставив товарищей на попечении доктора Геймана (который выполнял свой врачебный долг до конца), Леглер

продолжил путь, постоянно опасаясь нападения русских казаков. Вместе с двумя лейтенантами — Абунди и Шпрехером (из Граубиндена) — он смог пересечь границу. В дальнейшем Леглеру удалось повидаться с Мерле и благодаря расположению генерала испросить для себя повышение в капитанский чин. «6 ноября 1813 года я получил эполеты капитанские, благодаря президенту Швейцарии. Одновременно я был переведен во второй Швейцарский полк»³⁹. Так для Леглера закончилась Наполеоновская кампания 1812 г. (как принято в Швейцарии называть войну Франции против России)⁴⁰. Воспоминания Леглера информативны и важны как свидетельства активного участника событий. В связи с этим, биографическая справка о Леглере была включена в современную российскую энциклопедию «Отечественная война 1812 года»⁴¹.

В то время, как во французских военных бюллетенях и народной памяти сражение при Березине представляется победой Великой армии, в свидетельствах швейцарцев — это страшная трагедия, в которой их соотечественники были верны присяге до конца, проявили героизм и покрыли себя «неувядаемой славой». Березина стала символом швейцарской национальной гордости⁴².

В 2002 г. в Международный день памяти «Березина-2002» при финансовой поддержке правительства Швейцарии под г. Борисовым у д. Студенка (республика Беларусь) был установлен памятник швейцарцам скульптора А.Е. Артимовича: «Орел, вырывающий знамя победы у раненного обнаженного воина, являющегося жертвой той войны»⁴³.

Одному из участников сражения при Березине — Леглеру повезло: он не попал в русский плен и смог вернуться на родину. Не менее счастливыми оказались возвратившиеся домой трубач 2-го швейцарского полка Генрих Пайер (1785—1837), уроженец Виллисау, в прошлом шорник из Люцерна, и его жена Катарина, урожденная Кауфманн (1790—1876), дочь трактирщика. Пайер участвовал в наполеоновской кампании против России вместе с молодой женой Катариной, маркитанкой, которая везде «сопровождала мужа верхом на лошади и помогала ему, чем заслужила репутацию деловой женщины». Катарина вела дневник и, находясь под Полоцком в августе 1812 г., записала: «Судьба забросила меня в эту пустыню, полную страданий и ужаса, и заставила пройти по дороге, где вместо деревень и городов мы нашли только пепел»⁴⁴. Бои в условиях нехватки кавалерии и артиллерии, столь необходимых для противостояния; исполнение мужем браваурной музыки в связи с запретом на печальные мелодии в наполеоновской армии; изматывающие холод и голод, трудности военного быта, — все это нашло отражение в записках Катаринины о событиях осени 1812 года. Лично для нее эти испытания обернулись смертельной опасностью: она заболела брюшным тифом, и мужу с большим трудом удалось доставить ее в Вильно 1 ноября 1812 года. Позже через Кенигсберг, Бранденбург супруги продолжили свой путь на родину. До Люцерна они добрались только в мае 1813 года⁴⁵.

Среди тех швейцарцев, которые не избежали русского плена, были дети, сопровождавшие армию. В своем письме из Вильно от 23 ноября (4 декабря) 1812 г. А.В. Чичерин писал А.П. Строганову и В.С. Апраксину, что «среди пленных был маленький швейцарец, которого я потому только не взял к себе, что им занялся Жан Вадковский...»⁴⁶

Многим швейцарским солдатам и офицерам плен давал возможность сохранить жизнь. В воспоминаниях женеваца Жана Газо, заместителя директора военного обоза Главной квартиры Великой армии, содержится рассказ о том, как с приходом русских войск в Москву раненые Наполеоновской армии, находившиеся в здании московского Воспитательного дома, опасаясь быть убитыми, вынуждены были, под руководством Газо, трижды отбивать атаки. «Наше сопротивление заслужило нам уважение в глазах неприятеля, — пишет Газо, — генерал Бенкендорф предложил мне положить оружие, обещая пощадить госпитальное население. Мы, конечно, согласились на это условие». 30 солдат, не пожелавших сдаться, были «окружены казаками и изрублены на наших глазах». Воспитательный дом получил караул из числа гусаров, подчинявшихся Бенкендорфу, а сам Газо потом «был отослан в Вологду»⁴⁷.

В именном списке из четырех военнопленных, доставленных в Минский городской магистрат из Игуменского повета 31 августа 1813 г., указан и один швейцарец из 4-го пехотного линейного полка французской армии Иоганн Роуфлер⁴⁸.

Нормативно-правовые акты, принятые российским правительством в отношении иностранных военнопленных из Великой армии Наполеона, распространялись и на швейцарцев. Право вернуться на родину после принятия 13 мая 1814 г. Акта о репатриации военнопленных и Высочайшего указа 17 августа 1814 г., данного Главнокомандующему в Санкт-Петербурге С.К. Вязмитинову, получили все военнопленные, даже присягнувшие на подданство России. О том, как они мечтали о доме и «стремились на родину», вспоминал находившийся в плену в Симбирской губернии с февраля 1813 г. каптенармус 2-го швейцарского пехотного полка, взятый в плен после сражения при Березине, Франсуа Шарль Мино (1789—1816) в своем «Дневнике кампаний и ранений»⁴⁹. Двоим пленным офицерам из Вализа помогло вернуться на родину, оплатив расходы, Швейцарское благотворительное общество в Петербурге, созданное в 1814 г. по инициативе пастора реформаторской церкви в российской столице И. Муральта⁵⁰. Понимая сложное материальное положение соотечественников, приехавших из России, швейцарское правительство приняло решение на 10 лет освободить их от уплаты налогов⁵¹.

Насколько долгожданным было возвращение на родину для переживших Березину свидетельствует тот факт, что до сих пор в трех деревнях в долине Бленио (кантон Тичино) ежегодно проходят марши в честь Богородицы Марии и Иоанна Крестителя, в соответствии с клятвой предков, вернувшихся после «Наполеоновской кампании». Марши проводятся в исторической униформе под военную музыку⁵².

Точных сведений, скольким швейцарцам удалось вернуться на родину после военной кампании 1812 г., нет. Очень приблизительная цифра — около 700 человек⁵³. Из 2310 чел. из 1-го швейцарского полка, оказавшихся в России, в свое отечество возвратились 377 чел. (включая пленных), остальные (83,7%) погибли⁵⁴.

В документах встречаются имена некоторых военнопленных швейцарцев. Так, в апреле 1814 г. Главнокомандующий в Санкт-Пе-

тербурге Вязмитинов поручил Смоленскому гражданскому губернатору К. Ашу снабдить установленным видом военнопленного Гипге, выходца из Невшателя, для проезда в Одессу ⁵⁵.

Швейцарские власти пытались наводить справки о своих гражданах. Так, весной и летом 1813 г. велась переписка по поводу судебных конкретных военнопленных, выходцев из Берна ⁵⁶. Бернское правительство 28 ноября 1815 г. направляло ноту Министерству иностранных дел России по поводу швейцарского уроженца, военнослужащего 4-го швейцарского полка в составе Великой французской армии Якоба Изели. На службе он находился с 18 мая 1810 г., был ранен в сражении при Полоцке и, по имевшимся у родных сведениям, 31 декабря 1812 г. находился в местном госпитале. Однако проверка этих сведений Министерством внутренних дел дала отрицательный результат: Изели не поступал в этот госпиталь на лечение. На новый запрос бернских властей в октябре 1818 г. о судьбе Изели, из России последовал тот же ответ ⁵⁷.

В сентябре 1815 г. был составлен список из 324 имен швейцарских военнопленных, уроженцев Базеля, которые не вернулись на родину, и о судьбе которых швейцарские власти хотели получить сведения. Двое из них: Франсуа Антуан Алоиз Штокман, служивший в 5-й роте 1-го эскадрона 3-го кирасирского полка, и Игнас Иосиф Вальтер из 10-й роты 5-го эскадрона 9-го гусарского полка французской армии во время военной кампании 1812 г. оказались в Смоленске и из-за болезни были оставлены в госпитале, в то время как их товарищи вернулись на родину ⁵⁸. Дальнейшая судьба Штокмана и Вальтера неизвестна.

Современный швейцарский историк Ален-Жак Торнар справедливо замечает, что война стала всеобщей трагедией: «Никто не знал, что случилось с солдатами. Их родные и близкие не могли, поэтому, оплакать своих погибших как следует». Научные разыскания в архивах Фрайбурга убедили историка, что проблема учета потерь, понесенных швейцарцами в этой кампании, возникала вплоть до 1840-х гг., особенно, когда речь шла о наследовании» ⁵⁹.

Были и те из числа швейцарцев, кто принял российское подданство. В именном списке из 89 имен военнопленных, присягнувших России (документ был представлен Витебским губернским правлением витебскому гражданскому губернатору П.П. Торماسову 12 октября 1816 г.), был указан швейцарец Франц Францов сын Тамме, который был приведен к присяге 11 июля 1816 года ⁶⁰.

В алфавите военнопленных, оставшихся в России после Отечественной войны 1812 г., составленном, как полагают, между 1816—1826 гг., упоминаются и швейцарцы. В документе указаны 1413 чел. ⁶¹, присягнувших на верность Российской империи, из которых 21 — швейцарец (1,5%). Среди них было 16 рядовых, 4 унтер-офицера и 1 капитан.

подавляющее большинство этих людей присягало в Риге (13 чел. или 61,9% от общего числа швейцарцев); двое (рядовые Иозеф Центнер и Мартин Швейцер) — в Саратове, став «саратовскими колонистами»; один (рядовой Петр Кольси) — в Вологде, будучи обозначен в документе как «Вологодского уезда крестьянин» ⁶², один (унтер-офицер Жозеф Горнер) — в Волынске, затем проживал в Дубне Волынс-

кой губернии ⁶³; двое (рядовой Таше и капитан Карл де Верен) — в Витебске, первый из них «снабжен видом для избрания рода жизни» а второй «за болезнью» остался жить в Курске ⁶⁴; двое (отец и сын де Шалье де Арнекс с одинаковыми именами Генрих) присягнули в Калуге, получив вид на жительство ⁶⁵.

Половина (6 чел.) из присягнувших в Риге, были бывшими рядовыми, оказавшимися «в услужении», еще трое из рядовых занялись ремеслом (поварским — Христиан Генни ⁶⁶, кондитерским — Гейнрих Бауман ⁶⁷, портным — Иосиф Горибольди (Гарибальди) ⁶⁸); трое унтер-офицеров были причислены к ремесленным цехам (портной — Августо Мажеро ⁶⁹, «седельных дел» мастер — Луи Ромене и переплетчик — Иоганн Якоб Неивиллер ⁷⁰). Один рядовой, давший присягу в Риге, Гейслер Иоганн, стал мещанином этого города ⁷¹. Вернулись ли они затем в Швейцарию, воспользовавшись своим правом, или остались подданными России, остается неизвестным.

В 1814 г. были установлены дипломатические отношения между Россией и Швейцарией. Последняя по решению Венского конгресса (во многом под влиянием позиции императора Александра I) приобрела независимость и политический нейтралитет. Кампания 1812 г. стала единственным в истории эпизодом военного противостояния наших стран, который привлекает внимание современных историков как предмет научного исследования.

Примечания

Статья подготовлена при поддержке Минобрнауки России, проект № 33.1419.2017/ПЧ «Мировая славинистика в изучении новой и новейшей истории России и Беларуси: концепты славянского единства и самобытности развития в исторической ретроспективе».

1. КОПЫЛОВ Н.А. «Нашествие двенадцати языков»: война 1812 года глазами солдат-иностранцев Великой армии. — Вестник МГИМО-университета. 2012, № 4, с. 51.
2. FABRY G. Campagne de Russie (1812). Т. 4. Paris. 1903, p. 376.
3. ПОПОВ А.И. Иностранцы контингенты Великой армии. В кн.: Отечественная война 1812 года: энциклопедия. М. 2004, с. 306.
4. Швейцарские специалисты называют цифру 8 тыс. человек. Дело в том, что Швейцария по договору 1803 г. была обязана поставлять в Наполеоновскую армию рекрутов. Сначала их было 16 тыс. (возрастом от 18 до 40 лет и ростом в «5 фунтов и 2 дюйма», что равняется примерно 168 см), из расчета от каждого кантона по 1 чел. от каждых 100 жителей. К 1811 г. число швейцарцев сократилось до 12 тыс. в связи с нерегулярной выплатой жалования. Поэтому уже в кампании против России их число сократилось до 8 тыс. человек. См.: КЛОТ Л. Березина в Люцерне — Наша газета. 22.III.2012. Цифра 9 тыс. чел. приведена в публикациях: ДАНИЛЕВСКИЙ Р.Ю. Россия и Швейцария. Литературные связи XVIII—XIX вв. Л. 1984, с. 29—30; КУБАНОВА М.Н. Один из эпизодов войны 1812 г.: швейцарские полки на русском поле битвы. В кн.: Исторические этюды. Карачаевск. 2005, с. 155. Следует учитывать и численность военнотружущих швейцарских полков, которые вступили на территорию Российской империи в составе маршевых подразделений: 4-го маршевого батальона 2-го армейского корпуса, вышедшего из Берлина 24 июля 1812 г. (6 офицеров и 343 нижних чинов из 1-го швейцарского пехотного полка, 6 офицеров и 261 нижний чин из 3-го швейцарского пехотного полка); 5-го маршевого батальона 2-го армейского корпуса, вышедшего из Берлина 2 августа 1812 г. (9 нижних чинов 1-го швейцарского пехотного полка, 5 офицеров и 145 нижних чинов 2-го швейцарского пехотного полка, 7 нижних чинов 3-го швейцарского пехотного полка, 4 офицера и 210 нижних чинов 4-го швейцарского пехотно-

- го полка); маршевых отрядов 2-го швейцарского пехотного полка (3 офицера и 182 нижних чина) и 3-го швейцарского пехотного полка (2 офицера и 118 нижних чинов), вышедших из Берлина 31 июля 1812 г.; маршевого отряда 2-го швейцарского пехотного полка, вышедшего из Берлина 2 августа 1812 г. (86 нижних чинов) и маршевого отряда 3-го швейцарского пехотного полка, покинувшего Майнц 7 августа 1812 г. (4 офицера и 83 нижних чина). См.: КОРОЛЁВ А.А. По следам Великой армии Наполеона. СПб. 2013, с. 463.
5. КОПЫЛОВ Н.А. Ук. соч., с. 52. Об униформе швейцарских полков во время военной кампании 1812 г. см.: ЗЕМЦОВ В.Н. Швейцарские полки в 1812 году (к вопросу об униформе). — Воин. 2002, № 7, с. 23—26.
  6. КОПЫЛОВ Н.А. Петербургское направление Отечественной войны 1812 года. Швейцарские солдаты на полях России. — Новая и новейшая история. 2012, № 6, с. 133.
  7. Записки Томаса Леглера о походе 1812 года. — Русский архив. 1907, кн. 1, № 2, с. 218.
  8. СЛЕЙТЕР Ю. Березина в современной швейцарской политике. URL: <http://www.swissinfo.ch/rus/detail/content.html?cid=34681066>.
  9. КОПЫЛОВ Н.А. Петербургское направление Отечественной войны 1812 года, с. 137 (со ссылкой на мемуары Хелмюллера).
  10. ЕГО ЖЕ. «Нашествие двенадцати языков»..., с. 53.
  11. Записки Томаса Леглера о походе 1812 года, с. 223, 225—226.
  12. Там же, с. 227, 229—230.
  13. Там же, с. 231.
  14. Там же, с. 233—235.
  15. Цит. по: КОПЫЛОВ Н.А. «Нашествие двенадцати языков»..., с. 53.
  16. ЕГО ЖЕ. Петербургское направление Отечественной войны 1812 года, с. 142.
  17. Записки Томаса Леглера о походе 1812 года, с. 239.
  18. ПОСТНИКОВА А. Березина глазами швейцарцев. — Родина. 2012, № 6, с. 68.
  19. Записки Томаса Леглера о походе 1812 года, с. 239.
  20. Там же, с. 239—240.
  21. Там же, с. 241
  22. ПОСТНИКОВА А. Ук. соч., с. 70.
  23. Цит. по: КОПЫЛОВ Н. «Нашествие двенадцати языков»..., с. 54.
  24. Записки Томаса Леглера о походе 1812 года, с. 241.
  25. Текст песни см.: ПОСТНИКОВА А. Ук. соч., с. 70.
  26. КЛОТ Л. Ук. соч.
  27. Записки Томаса Леглера о походе 1812 года, с. 242.
  28. Цит. по: ПОСТНИКОВА А. Ук. соч., с. 70.
  29. Записки Томаса Леглера о походе 1812 года, с. 242.
  30. КОПЫЛОВ Н.А. Петербургское направление Отечественной войны 1812 года, с. 144.
  31. Записки Томаса Леглера о походе 1812 года, с. 243, 245.
  32. Там же, с. 244.
  33. КОПЫЛОВ Н.А. Петербургское направление Отечественной войны 1812 года, с. 144.
  34. Там же.
  35. Записки Томаса Леглера о походе 1812 года, с. 244.
  36. ПОСТНИКОВА А. Ук. соч., с. 70.
  37. КОПЫЛОВ Н.А. Петербургское направление Отечественной войны 1812 года, с. 143.
  38. Там же, с. 144.
  39. Записки Томаса Леглера о походе 1812 года, с. 248, 251—252.
  40. КЛОТ Л. Ук. соч.
  41. ПОПОВ А.М. Леглер (Legler) Тома. В кн.: Отечественная война 1812 года: энциклопедия. М. 2004, с. 409.
  42. VALLOTTON G. Les suisses à la Bérézina. Lausanne. 1942; COFFAT T. Crouz-Tornare A.J. La Bérézina. Paris. 2012; ПОСТНИКОВА А. Ук. соч., с. 70; ЕЕ ЖЕ. «Швейцарская» Березина: память, воспевая славу. В кн.: Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: материалы XIII Всероссийской конференции. Бородино. 2014, с. 262—270; ЕЕ ЖЕ. Великая армия Наполеона на Березине: событие — память. СПб. 2014, с. 219.
  43. Международный День памяти «Березина-2002». URL: <http://slonimach.narod.ru/berezina.htm>.

44. КЛОТ Л. Ук. соч.
45. ROGGEN R. Eine Luzerner Wirtstochter auf dem Russlandfeldzug. — *Neue Zürich Zeitung*. 16.VI.2012. Удивительно, но в дальнейшем супруги продолжили военную службу в Голландии (1815—1821), затем, вернувшись в Швейцарию, купили отель «Ангел» в Люцерне.
46. К чести России. Из частной переписки 1812 года. М. 1988, с. 184.
47. Цит. по: ПОПОВ А.И. Обзор мемуаров, дневников и писем военнопленных Великой армии, побывавших в России в 1812—1814 гг. В кн.: *Военнопленные армии Наполеона в России: 1806—1814: Мемуары. Исследования*. СПб. 2012, с. 543.
48. Иностранцы подданные в Беларуси в конце XVIII — начале XX века. Минск. 2012, с. 87.
49. ХОМЧЕНКО С.Н. Симбирская губерния в мемуарах пленных военнослужащих армии Наполеона. 1812—1814 гг. В кн.: *Научный альманах: сб. научных статей*. Вып. III. Т. II. Самара. 2007, с. 40—50; ПОПОВ А.И. Обзор мемуаров, дневников и писем военнопленных Великой армии, побывавших в России в 1812—1814 гг., с. 554.
50. ЕМЕЛЬЯНЦЕВА Е. Швейцарское благотворительное общество (1814—1918) В кн.: *Швейцарцы в Петербурге*. Сб. статей. СПб. 2002, с. 71.
51. КЛОТ Л. Ук. соч.
52. Швейцарские гренадеры из долины Бленио. URL: <http://www.swissinfo.ch/rus/detail/content.html?cid=34610872>.
53. ДАНИЛЕВСКИЙ Р.Ю. Ук. соч., с. 29—30.
54. Предисловие к «Запискам Томаса Леглера о походе 1812 года». — *Русский архив*. 1907, кн. 1, № 2, с. 218.
55. Государственный архив Смоленской области (ГА СО), ф. 1, оп 1, д. 241, 1814 г., л. 325.
56. Архив внешней политики Российской империи (АВП РИ), ф. 1, II-15, 1813 г., д. 19, л. 1—11.
57. Там же, ф. 1, II-15, 1816 г., д. 32, л. 1—12.
58. Там же, ф. 1, II-15, 1815 г., д. 7, л. 4об.
59. СЛЕЙТЕР Ю. Ук. соч.
60. Иностранцы подданные в Беларуси в конце XVIII — начале XX века, с. 96.
61. Алфавит военнопленных, оставшихся в России после Отечественной войны 1812 г. В кн.: *Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография: сборник материалов*. Вып. IX. К 200-летию Отечественной войны 1812 г. Труды ГИМ. М. 2010, с. 277, 333, 336.
62. Там же, с. 303.
63. Там же, с. 292, 329.
64. Там же, с. 288.
65. Там же, с. 335.
66. Там же, с. 291.
67. Там же, с. 282
68. Там же, с. 291.
69. Там же, с. 280, 323.
70. Там же, с. 317.
71. Там же, с.291.

Отношения Израиля с Марокко и конфликт на Ближнем Востоке

С.М. Гасратян

Аннотация. В работе рассматриваются взаимоотношения Израиля и Марокко. Автор отмечает, что, несмотря на отсутствие дипломатических отношений (за исключением короткого периода 1994—2000 гг.) и на то, что Марокко поддерживало Организацию Освобождения Палестины, между Израилем и Марокко развивались связи в сфере экономики и туризма. Марокко являлось для Израиля «окном в Африку». Тем не менее, неурегулированность арабо-израильского конфликта препятствовала установлению полномасштабных отношений.

Ключевые слова: конфликт, Ближний Восток, Израиль, Марокко, еврейская община, дипломатия в истории.

Abstract. In this work are observed the relationships between Israel and Morocco. The author notes that in spite of diplomatic relationship absence (except short period 1994—2000) and Morocco's support to Palestine Liberation Organization, between Israel and Morocco the relations in economic and tourism were developing. Morocco became a "window" to Africa for Israel. Nevertheless unsettled dispute of Arab-Israeli conflict prevented full scale relationships.

Key words: conflict, Middle East, Israel, Morocco, Jewish community.

У Израиля с Марокко всегда существовали «особые» отношения — более тесные, чем с другими арабскими странами. При этом географическая удаленность Марокко от зоны арабо-израильского противостояния имела немаловажное значение, обусловив отсутствие территориальных споров с Израилем.

Взаимоотношения Израиля и Марокко развивались в зависимости от общего контекста арабо-израильских отношений. После провозглашения независимости Израиля в 1948 г. среди марокканских евреев усилились сионистские настроения. Вскоре началась эмиграция в Израиль, Францию, Испанию и другие страны. Уезжали как из национально-религиозных соображений, так и в поисках экономи-

---

Гасратян Светлана Манвеловна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: info@ivran.ru.

Gasratyan Svetlana M. — candidate of historical sciences, researcher at the Institute of Oriental Study. E-mail: info@ivran.ru.

ческих перспектив или опасаясь погромов. При этом в отличие от других арабских стран, создание Израиля не привело в Марокко к особому усилению враждебного отношения к евреям. Отдельные инциденты случались, но в массовую кампанию они не переросли. При этом всякий раз, когда разгорался арабо-израильский конфликт, марокканские евреи, опасаясь за свою безопасность, массово уезжали из страны, а после Войны Судного дня (1973) Марокко покинуло подавляющее большинство евреев ¹.

Согласно легендам, первые евреи поселились в Марокко в период Первого Храма, когда на побережье был основан ряд финикийских колоний, позднее перешедших под власть Карфагена. При господстве римлян (II в. до н. э. — V в. н. э.) и сменивших их вандалов численность евреев Марокко увеличилась, росло их благосостояние. Массовое переселение в Марокко началось после разрушения Второго Храма (70 г. н. э.) ².

После завоевания Марокко арабами (703—711) правовой и политический статус евреев в Марокко, как и в других мусульманских странах, определялся законодательством о зимми. В это время сюда переселилось большое число евреев, возможно из арабских стран. С приходом к власти династии Альмохадов (1146—1269) положение изменилось. Евреев и христиан вынуждали либо покинуть страну, либо принять ислам ³.

В XVII—XVIII вв. экономическое положение евреев Марокко упрочилось, среди них увеличилось число ремесленников и торговцев. Производством и торговлей цветными металлами, вином, сахаром занимались только евреи (до 1912 г. преобладающая часть морской торговли сосредоточивалась в руках гильдии еврейских купцов). Экономические позиции евреев особенно усилились при султানে Сиди Мухаммеде бен Абдаллахе (1757—1790), пытавшемся ввести в стране европейские порядки.

Султаны Марокко использовали евреев на государственной службе. При каждом марокканском правителе служили советники-евреи (как правило, потомки выходцев из Испании): министры финансов, дипломатические представители и другие. Однако в целом положение марокканских евреев было очень тяжелым. В большинстве городов они жили в особых кварталах. Им запрещалось владеть домами и землями вне этих кварталов. Еврей не имел права поднять руку на мусульманина даже в целях самозащиты. Евреев обязывали носить черную одежду, а также снимать обувь на улицах, где находились мечети. Многие постановления марокканских султанов в отношении евреев были унижительными, например, запрет ездить на лошадях. От этих ограничений в XVIII — начале XX в. удавалось освободиться лишь некоторым богатым евреям, а также тем, кто сумел приобрести гражданство одной из европейских стран ⁴.

Учреждение в 1912 г. французского и испанского протекторатов в Марокко было отмечено еврейским погромом в Фесе, унесшим около 100 человеческих жизней. Под властью Франции и Испании положение евреев несколько улучшилось. Им была гарантирована личная безопасность и свобода передвижения, свобода вероисповеда-

ния и обучения. Но до провозглашения независимости Марокко (1956) евреи не были равноправны с остальным населением. Лишь немногие из них имели право голоса. Французы поставили под свой контроль все учреждения еврейской общины, которым в 1918 г. был придан официальный статус, но общины утратили реальную власть, которую имели до установления протектората, превратившись в благотворительные учреждения.

После 1912 г. крупные фирмы Франции стали играть ведущую роль в марокканской экономике, что привело к разорению еврейских купцов и торговцев, не выдержавших конкуренции. Но в то же время в результате быстрого развития страны многие из них разбогатели, заняли видное положение в торговле, промышленности; среди евреев появились представители свободных профессий. Некоторые служили во французской и испанской администрациях Марокко ⁵.

Специфичные отношения между Марокко и Израилем ведут отсчет с периода правления Хасана II. Во многом это обусловлено исторической памятью и тем, что 300-тысячная община «марокканских» евреев в Израиле долгое время была весьма значительной. Соответственно у Хасана II была возможность использовать в своих интересах марокканских евреев, осевших в США, Европе и Израиле, поскольку они всегда помнили, что его отец — султан Мохаммед V — в годы второй мировой войны не допустил отправки общины марокканских евреев на расправу в Германию, чего от него требовало правительство Виши.

К середине XX в. марокканская еврейская община насчитывала 250—300 тыс. чел. и была одной из крупнейших на Ближнем Востоке. Но после создания Израиля и в результате последующих арабо-израильских войн ее численность значительно сократилась ⁶.

История Марокко является гораздо более сложной по сравнению с другими странами арабского мира, где жесткий антисемитизм и антиизраильские настроения бушевали в течение рассматриваемого периода.

За две тысячи лет изгнания марокканское еврейство стало частью культурного, политического и экономического пейзажа страны, однако усилия по ассимиляции еврейского народа не увенчались успехом. Однако, несмотря на сохранение ими своей идентичности, сионистская организация марокканских евреев была слабой, а их участие в различных сионистских конгрессах — минимальным. Но связи с Палестиной никогда не прерывались ⁷.

Проблема иммиграции марокканских евреев в Израиль во время правления Мохаммеда V оставалась, как и в последующие годы, важным фактором в истории государства. К сожалению, она изучена недостаточно. Многие связанные с ней детали были под запретом в течение длительного времени. Только в последние годы, особенно благодаря усилиям бывшего министра иностранных дел Израиля Давида Леви и бывшего члена кнессета Ш. Толедано открыта завеса над тайной иммиграционных потоков ⁸. Однако жизненно важные интересы Израиля по-прежнему препятствуют полному раскрытию сведений об иммиграции.

Марокканские евреи, уехавшие в Израиль, быстро приспособились к политико-административной системе государства. Усвоив иврит, они смогли повысить свой жизненный уровень, приобрести новые профессии и занять руководящие посты в Гистадруте и муниципалитетах. Свыше 20 выходцев из Северной Африки являются депутатами кнессета. Иммигранты из Марокко превратились в серьезную политическую силу, способную стать важной частью социальной и культурной жизни страны.

После окончания второй мировой войны французские монополии сумели относительно быстро восстановить свои экономические позиции. Тем не менее, колониальная администрация столкнулась с возросшим недовольством марокканцев режимом протектората. Руководство IV Республики под лицемерным предлогом «демократического обновления» архаичного общественного строя Марокко, ужесточив репрессии, пошло на уничтожение остатков султанского правления. Но Мухаммед Бен Юсуф, вопреки давлению генерального резидента Франции Жюэна, отказывался утверждать законопроекты, которые ущемляли его юридические полномочия. Лишь после того, как дворец султана окружили танки, тот принял ультиматум. Арестам и тюремному заключению подверглись многие патриоты ⁹.

Исходя из положений Фесского договора, обязывавшего метрополию при возникновении угрозы государственного переворота защищать статус и жизнь правителей династии Алавитов, Бен Юсуф обратился за помощью к президенту Франции, но тот поддержки ему не оказал. 14 августа 1953 г. Аль-Глауи и его союзники провозгласили новым монархом Мухаммеда Бен Арафу. 20 августа отстраненный от власти Бен Юсуф был отправлен сначала в ссылку на Корсику, а потом — на далекий Мадагаскар. Свержение популярного среди марокканцев правителя вызвало взрыв народного возмущения ¹⁰.

5 ноября 1955 г. Франция вновь признала Мухаммеда Бен Юсуфа законным монархом. 16 ноября он вернулся из изгнания и заявил о необходимости установить в стране строй конституционной монархии. В 1957 г. Мухаммед Бен Юсуф принял титул короля Мухаммеда V. 2 марта в Париже были подписаны франко-марокканское заявление и протокол, подтверждавшие независимость бывшего протектората ¹¹.

После обретения Марокко независимости в стране были созданы национальный управленческий аппарат, дипломатические службы, введена собственная валюта, обнародована королевская хартия, легализовавшая деятельность политических партий и профсоюзов.

В декабре 1959 г. Мухаммед V достиг соглашения с президентом США Д. Эйзенхауэром об эвакуации из королевства американских войск к концу 1963 года. Аналогичные обязательства взяли на себя Франция и Испания, пообещавшие вывести свои армейские части, соответственно, к марту и августу 1961 года. Вступив в ноябре 1956 г. в ООН и в октябре 1958 г. в Лигу арабских государств, Марокко в 1961 г. приняло участие в учредительной конференции движения неприсоединения в Белграде ¹².

В 1961 г. Мухаммад V умер. Новый король Хасан II в экономической политике стал ориентироваться на иностранную помощь и займы США, Франции, а затем — ФРГ. В мае 1963 г. был избран первый парламент. Хотя на официальном уровне допускались свобода печати, собраний, ассоциаций, фактически эти демократические принципы нередко нарушались, а профсоюзные и партийные лидеры подвергались преследованиям.

Сразу после обретения независимости Израиль и Марокко начали сотрудничать. Несмотря на то, что Марокко является частью арабского мира, который в основном враждебно настроен по отношению к Израилю, две страны стали союзниками. Тайные усилия Моссад организовать еврейскую эмиграцию из Марокко в Израиль столкнулись с проблемами. В результате Израиль решил быть более открытым к марокканцам в вопросах иммиграции ¹³.

К 1960-м гг. контакты между странами активизировались. Они обменивались разведывательной информацией о своих врагах: Алжире и Египте. В середине 1960-х гг. появилась информация о том, что якобы Израиль помог Марокко ликвидировать лидера марокканской оппозиции Махди Бен-Барка. Однако, по некоторым данным, Израиль играл в этом лишь незначительную роль ¹⁴.

Руководство Израиля заявляло, что политической целью короля было принести мир на Ближний Восток и построить такое общество, которое должно было бы идти в ногу с современным прогрессом. Израильский историк Шломо Бен-Ами отмечал, что «голубиная» позиция Хасана II определялась его желанием наладить более тесные отношения с Западом и развивать еврейско-арабские отношения. Хасан II объяснял это желание религиозно-политическими соображениями, опытом взаимодействия иудаизма и ислама в благоприятный период испанского протектората. У марокканских евреев существовала легенда о том, что Хасана II посетил призрак его отца, который посоветовал ему вывести «кур из курятника» ¹⁵. Согласно этой легенде, Хасан II призвал раввина растолковать происшедшее событие. Раввин объяснил, что его отец хотел, чтобы он позволил евреям покинуть Марокко, если они этого пожелают. Отец Хасана II король Мохаммед V разрешил организованную эмиграцию в Израиль, а в 1961 г. Хасан II пошел еще дальше — позволил марокканцам продавать свое имущество перед отъездом из страны ¹⁶.

В это время израильские газеты писали, что с согласия Хасана II Моссад стал сотрудничать со службами марокканской безопасности. Эксперты израильской разведки заявляли, что Моссад лишь стремился защитить короля от покушений, но эти утверждения не были официально подтверждены ¹⁷.

В то же время в период «войны в песках» (1963) и накануне ее, когда Рабат противостоял алжиро-египетскому альянсу, Израиль оказал значительную помощь молодому королю. В 1962 г. Рабат посетил сотрудник Моссад Р. Эйтан. Руководитель израильской разведки М. Амит год спустя по фальшивому паспорту въехал в Марокко и встретился в Марракеше с Хасаном II. По версии израильского журналиста Ш. Сегева, выпустившего в 2008 г. книгу «Марокканская

связь» о сотрудничестве спецслужб Марокко и Израïля, после этой встречи в королевство были направлены военные инструкторы, которые готовили офицеров марокканской армии, обучали пилотов, организовывали спецслужбы¹⁸, следили за ходом строительства фортификационных сооружений на марокканско-алжирской границе. Израиль через Иран продавал Марокко оружие, включая французские танки АМХ-13. Израильские самолеты, применявшиеся против египетских и сирийских войск в 1967 и 1973 гг., также использовались марокканцами в боевых действиях в Западной Сахаре против фронта ПОЛИСАРИО. Кроме того, по мнению Сегева, израильская разведка в 1965 г. отслеживала работу арабского саммита в Касабланке, что позволило заранее обнаружить подготовку армий арабских стран к войне 1967 года¹⁹.

В попытках сплотить различные политические партии вокруг трона, в 1973 г. Хасан II провозгласил курс «марокконизации», сопровождавшийся упрочением позиций госсектора в экономике, а также выкупом земель у иностранцев. Проводя демократизацию общества, он прибег к искусному маневрированию, выдвинув концепцию «исламского социализма», опираясь при этом на догматы Корана о социальной и имущественной справедливости. Именно такая позиция, как утверждалось, способна открыть королевству путь к процветанию. Укреплению популярности короля способствовала отправка двух марокканских дивизий на Ближний Восток для участия в арабо-израильской войне 1973 г., а также одобренный всеми местными группировками националистический лозунг 1974 г. об «освобождении Западной Сахары»²⁰.

На парламентских выборах 1977 и 1984 гг. большинство депутатских мандатов досталось сторонникам монарха. Хасан II сумел в 1980—1990-е гг. ослабить и религиозную оппозицию. Король призывал арабских лидеров признать существование Израïля. В условиях арабо-израильского противостояния его миротворческая политика не могла обойтись без контактов с Израïлем²¹.

25 июля 1999 г. в израильских СМИ появились сообщения о секретных отношениях между Израïлем и Марокко. Тайные визиты в Марокко израильских государственных деятелей оказали решающее влияние на мирный процесс. Так, визит министра иностранных дел М. Даяна в Фес в 1977 г. заложил основу для египетско-израильского мирного соглашения и открыл путь приезду А. Садата в Иерусалим в том же году. Секретная поездка Ш. Переса в 1978 г. стала основой для диалога с Организацией освобождения Палестины и переговоров с палестинским лидером Я. Арафатом в 1995 году²².

В целом сотрудничество, к которому была подключена разведка, являлось взаимовыгодным. Для Марокко оно означало доступ к достижениям в области ноу-хау Израïля, что помогало стабилизировать собственный режим. Для Израïля же Марокко являлся «окном» в арабский мир²³. Отношения с Израïлем позволяли Марокко, географически удаленному от зоны ближневосточного конфликта, играть одну из ключевых ролей на Ближнем Востоке. Арабо-израильский конфликт всегда находился в центре внимания марокканского монарха.

После завершения «войны на истощение» военно-политическое руководство Египта, поддерживаемое всем арабским миром, стремилось к реваншу за проигранную войну 1967 года. С помощью Советского Союза египтяне и сирийцы, а также другие арабские страны в значительной степени нарастили свой боевой потенциал и повысили выучку войск. Они готовили свой ответ на «Шестидневную войну». Как известно, в боях с Израилем в октябрьской войне 1973 г. участвовали сухопутные части из Марокко, Иордании, Ирака, Саудовской Аравии, артиллерия из Кувейта, ВВС из Ирака и Алжира, военнослужащие из Туниса и Судана. При этом марокканские части были доставлены в Сирию советскими кораблями ²⁴.

В апреле и июле 1973 г. в обстановке строгой секретности 5-й эскадрой была осуществлена операция по переброске бригады марокканских войск из Алжира в Сирию. Перевозка выполнялась скрытно двумя рейсами на двух советских транспортах под охраной кораблей эскадры, якобы в рамках проводимого учения по высадке десанта. Марокканцы продемонстрировали высочайшие боевые качества и выучку по сравнению с войсками Сирии и Ирака ²⁵.

Третья арабо-израильская война 1973 г. велась между Израилем, поддерживаемым США и Великобританией, и группой арабских государств (Египтом, Сирией) при участии ограниченного контингента войск Ирака, Марокко, Иордании, Саудовской Аравии, Кувейта при поддержке СССР, Алжира, Ливана и Туниса. Началась она 6 октября нападением Египта и Сирии на Израиль.

Формально в 1974 г. 22 арабские страны пришли к соглашению о том, что на их территорию не будут допускаться граждане Израиля и те, кто когда-либо посетил Израиль. В 1979 г. Египет вышел из соглашения, а некоторое время спустя, от «паспортного бойкота» фактически отказались Тунис, Марокко, Алжир, Оман, Мавритания и Сенегал. В 1994 г. Иордания, подписав мирные соглашения с Израилем, также вышла из рядов бойкотирующих ²⁶.

Граждане Израиля могут официально въезжать на территорию следующих арабских стран: Египет, Иордания, Тунис, Марокко, Мавритания и Сенегал. Но, принимая во внимание тот факт, что Израиль — страна иммигрантов и многие израильтяне являются обладателями двойного гражданства, для них не представляет особенных трудностей посетить любую арабскую страну. Разумеется, если они того пожелают и будут готовы добровольно отправиться в стан своего врага ²⁷.

28 октября 1974 г. саммит Лиги арабских государств, состоявшийся в Рабате, выделил место для ООП в своей организации в качестве единственного законного представителя палестинского народа и подтвердил свою поддержку праву на создание независимого государства Палестины.

Еще в 60-х гг. прошлого столетия король Марокко Хасан II подошел к вопросу, касающемуся Палестины, с практических позиций. Его выступления в Лиге арабских государств носили конкретный и даже прагматичный характер. Хасан II понимал, что уничтожение государства Израиль невозможно, и поэтому Марокко стало играть по-

средническую роль в сложных отношениях между Израилем и арабскими странами. Марокканское правительство, хотя и с оговорками, приветствовало визит Садата в Иерусалим, а Хасан II одобрил мирный израильско-египетский договор.

Однако, подчиняясь решению Лиги арабских стран, Марокко в 1979 г. разорвало с Египтом дипломатические отношения, но десять лет спустя выступило инициатором возвращения Египта в Лигу и восстановило с ним отношения.

В сентябре 1978 г. были заключены Кэмп-Дэвидские соглашения, а в марте 1979 г. подписан египетско-израильский договор, резко осужденный в арабском мире. Возвратив Египту Синайский полуостров, Израиль активизировал меры по сохранению контроля над Западным берегом реки Иордан, сектором Газа, Голанскими высотами, а в июле 1980 г. провозгласил Иерусалим своей столицей.

В 1980 г. состоялась чрезвычайная специальная сессия министров иностранных дел стран — участниц организации Исламская конференция, созданная в связи с решением израильского парламента объявить Иерусалим «вечной и неделимой» столицей Израиля (18—20 сентября 1980 г.)²⁸.

Стремление исключить палестинскую проблему из комплекса вопросов политического урегулирования на Ближнем Востоке, максимально ослабить ООП и тем самым облегчить освоение палестинских земель стало важнейшей причиной израильской военной акции против Ливана в 1982 году. Выбор Ливана в качестве объекта нападения не был случайным: с 1975 г. страну охватил острый кризис, в основе которого лежал комплекс социальных, этнических, политических и религиозных противоречий.

После окончания военных действий в Ливане президент США 1 сентября 1982 г. предложил план установления мира на Ближнем Востоке (так называемый «план Рейгана»). США фактически вновь подтвердили свою готовность поддерживать политику Израиля. Однако, несмотря на усилия дипломатии, этот план не удалось навязать арабским странам. Совещание глав государств и правительств арабских государств в г. Фес (Марокко) 6 сентября 1982 г. приняло общее-арабский план ближневосточного урегулирования, в котором содержалось требование ухода Израиля со всех оккупированных с 1967 г. арабских территорий (включая арабскую часть Иерусалима), ликвидации созданных там израильских поселений, осуществления права на самоопределение палестинского народа под руководством его единственного законного представителя — ООП. Советский Союз положительно встретил принятые в Фесе решения.

Резкой критике в арабском мире Рабат подвергся весной 1984 г., когда в Марокко состоялась очередная конференция Объединения еврейских общин Марокко, которой Хасан II придал политический характер. По времени конференция совпала с визитом в Марокко министра обороны США К. Уайнбергера, принявшего участие в работе марокканско-американского военного комитета. На конференции марокканских евреев присутствовали видные представители сионистского движения и государственные деятели Израиля.

Хасан II пытался ускорить арабо-израильский мирный процесс на Ближнем Востоке. Дважды Марокко посещали премьер-министры Израиля — Перес в 1986 и Рабин в 1993 году. Первый официальный визит израильской делегации в Марокко состоялся в мае 1985 г., когда 35 израильских граждан, в том числе 11 членов кнессета, прибыли на конференцию Всемирной ассоциации евреев, выходцев из Марокко. Израильские делегаты получили заверение, что Хасан II готов выступить посредником в переговорах о мире между Израилем и палестинцами.

Недовольство арабской общественности вызвал состоявшийся в июле 1986 г. визит в Марокко Переса, который надеялся заручиться поддержкой короля в «проталкивании» израильского плана ближневосточного урегулирования. Результатом этой встречи стало разрешение гражданам Израиля посещать Марокко, что в контексте израильско-арабских отношений можно рассматривать как шаг смелый и независимый. В сентябре 1986 г. Хасан II принял делегацию израильтян марокканского происхождения, среди которых были депутаты кнессета.

Эти шаги создали королю репутацию умеренного прозападного арабского лидера и были положительно восприняты как в Вашингтоне, так и в странах Запада. Однако Хасан II был достаточно осторожен, чтобы не слишком отклоняться от основной арабской линии в своих отношениях с Израилем.

Таким образом, Хасан II был одним из первых среди арабских правителей, кто установил сначала тайные, а затем открытые контакты с представителями Израиля. Он также одним из первых пошел на сотрудничество с руководителями еврейского государства. В 1970 г. Хасан II встретился с президентом Всемирного еврейского конгресса Н. Голдманом, в 1976 г. — с И. Рабином. Понятно, что подобная активность не нашла понимания у многих арабских стран.

Тем не менее, отношения между Израилем и Марокко оставались сложными и противоречивыми. Хасан II поддерживал «палестинское дело» и призывал к справедливому решению этой проблемы. Израиль же приветствовал ранние дипломатические инициативы марокканской стороны. Израильских лидеров весьма привлекала возможность установления отношений с Марокко. Это сулило им немалые выгоды и на внутривосточной арене: многие израильтяне марокканского происхождения сохранили связи со своей родиной и конечно поддерживали идею дружественных отношений Израиля с Марокко ²⁹.

Начало переговоров с арабами и того, что получило название «мирного процесса Осло», позволили Марокко в 1994 г. установить дипломатические отношения с Израилем не на самом высоком уровне. В Тель-Авиве и Рабате появились дипломатические миссии, в функции которых входило обеспечение сотрудничества в различных областях. Многие израильтяне начали ездить в Марокко, оживились и торговые связи. Одновременно Марокко продолжало играть свою роль в арабо-израильских мирных переговорах. Не следует, тем не менее, полагать, что руководители Марокко были полностью самостоятельны в определении своей позиции относительно Израиля: она всегда

оставалась под влиянием общего климата арабо-израильских отношений и зависела от прогресса в переговорах Израиля с ООП. Кроме того, лидеры страны сталкивались и с внутренней оппозицией нормализации отношений с Израилем. Несмотря на то, что Хасан II игнорировал подобные протесты, он все же был вынужден принимать их во внимание. Именно поэтому он воздерживался от заключения договора о полномасштабных дипломатических отношениях с еврейским государством и поддерживал их лишь на определенном уровне ³⁰.

В 1990 г. Хасан II снова занял одно из центральных мест в оказании помощи израильско-палестинскому мирному процессу. В 1993 г. был подписан первый договор с палестинцами об установлении мира и согласия, а уже через год основана Палестинская автономия. В 1994 г. был заключен второй мирный договор с еще одним арабским государством — Иорданией. В том же году открылись дипломатические представительства Израиля в Марокко и Тунисе, а затем в Омане и Катаре ³¹.

Марокко становилось вторым североафриканским государством после Египта, заключившим официальные отношения с Израилем. «Это первый шаг, и я думаю, что будет продолжение», — сказал Перес. «Я полагаю, это повлияет на другие страны, и мы работаем в этом направлении». Перес назвал открытие дипломатических представительств достижением регионального значения ³². Израиль стремился добиться мира со своими непосредственными соседями, чтобы развивать экономические связи на всей территории Ближнего Востока.

В соответствии с соглашением, страна открыла отделения связи с Марокко. Марокко организовало дипломатическую миссию в Тель-Авиве, установило отделения связи в Палестинской автономии в секторе Газа. «Я предпочел бы полные дипломатические отношения сразу, но мы должны признать тот факт, что терпение иногда окупается», — говорил Рабин.

Перес заявил, что развитие отношений стало возможным благодаря прогрессу в переговорах Израиля с ООП и желанию Марокко содействовать региональному сотрудничеству. Хасан II отметил, что он не готов к полным дипломатическим отношениям, которые могут быть установлены только постепенно, и призвал Израиль добиваться большего прогресса в мирных переговорах с Сирией и Ливаном.

Израиль надеялся, что и другие умеренные арабские и мусульманские государства быстро установят с ним дипломатические связи после подписания мирного соглашения с ООП в сентябре 1993 года. Но такие шаги стали политически сложными из-за медлительности в создании Палестинской автономии в секторе Газа, тупика в переговорах с Сирией и убийства около 29 палестинцев еврейским поселенцем в то время, когда они молились в мечети на Западном берегу р. Иордан ³³.

Отношения между Израилем и Марокко становились все более открытыми, израильские министры и послы регулярно ездили в Рабат на международные конференции и политические консультации. Торговля между двумя странами в 1993 г. оценивалась в 100 млн долл., израильские компании работали в Марокко, обучали фермеров и продавали сельскохозяйственное оборудование. Была установлена

телефонная и воздушная связь. Израильские журналисты и эксперты считали, что Хасан II заинтересован в переговорах по поводу будущего Иерусалима, и согласился установить дипломатические отношения, чтобы иметь право голоса в решении этой проблемы³⁴.

Важное значение для развития отношений Израиля и Марокко имел Барселонский процесс — процесс межгосударственного сотрудничества, начатый в рамках евро-средиземноморской учредительной конференции министров иностранных дел в Барселоне 22—28 ноября 1995 года. В соответствии с проводимой ЕЭС в 1970-е гг. «глобальной средиземноморской политикой» был заключен ряд двусторонних соглашений с Марокко, Алжиром, Тунисом, Египтом, Иорданией, Ливаном, Сирией, предусматривавших экономическое и финансовое сотрудничество и заложивших основы политики по интеграции региона Южного Средиземноморья с ЕЭС.

Средиземноморские соглашения об ассоциации заключили ЕС и 10 стран Южного и Восточного Средиземноморья: Алжир, Египет, Израиль, Иордания и Ливан, Марокко, Сирия, Тунис и Турция, а также Палестинская национальная администрация. Статус наблюдателей имеют Лига арабских государств, Союз арабского Магриба, Ливия, Албания и Мавритания.

Сотрудничество развивается по трем направлениям: политическому, в области безопасности, соблюдении прав человека и основных политических свобод. Израиль присоединился к Барселонскому процессу в 1995 г., подписав соглашение об ассоциации, ратифицированное в 2000 году. Первая часть соглашения включает в себя реконструкцию положения о свободной торговой зоне 1975 г., в которой мало что изменилось. Существенная модернизация отношений между Израилем и Европейским Союзом — тема второй части соглашения, основными позициями которого были: диалог между двумя сторонами, активизация сотрудничества в таких областях, как экономика, торговля, охрана окружающей среды и многое другое³⁵.

Позитивным моментом можно назвать вступление Израиля в программу ЕС по научным исследованиям и техническому развитию в 1996 году. Участие страны в этой программе давало право израильским ученым получать стипендии от ЕС для научных и технологических исследований. Кроме того, программа позволяла израильским ученым сотрудничать с европейскими коллегами в проектах, финансируемых ЕС³⁶.

После прихода к власти в Израиле в мае 1996 г. правительства Б. Нетаньяху и возникшего затем тупика в процессе ближневосточного урегулирования Марокко заняло резко антиизраильскую позицию. Более того, Рабат предпринял несколько (правда, безуспешных) попыток созыва межарабского саммита с тем, чтобы достичь хотя бы подобия межарабского единства, подорванного войной в зоне Персидского залива 1990—1991 годов. Марокко дважды отказывалось принять израильского премьера и даже не выдало визы израильским спортсменам, которые должны были участвовать в первенстве мира по легкой атлетике в кроссу в феврале 1988 г. в Марракеше.

Тем не менее, в декабре 1995 г. Хасан II принял в своем дворце в Бузнике премьер-министра Израиля Переса ³⁷.

В целом, можно утверждать, что король Хасан II заложил основу отношений между Марокко и Израилем, причем в силу известной специфики взаимодействия сторон это были отношения политических и деловых элит двух стран, которые можно охарактеризовать как не очень «прозрачные». На протяжении многих лет эти две страны поддерживали различные дипломатические, торговые и культурные связи. Марокко сыграл значительную роль в урегулировании ближневосточного конфликта, в налаживании израильско-египетских секретных мирных переговоров.

Хасан II до своей смерти в 1999 г. старался защищать еврейское население своей страны и показать, что Марокко занимает одно из важных мест в арабском мире, где к евреям относятся наиболее терпимо. Марокканские евреи нередко были представлены в правительстве и в бизнесе. Один из лидеров еврейской общины А. Азулай длительное время являлся старшим советником короля.

Марокканские евреи ведут преимущественно религиозный образ жизни. Количество смешанных браков низкое. Молодежь предпочитает получать образование за границей и оставаться там. Количество евреев страны в настоящее время достигает 3 тыс. чел., проживающих в основном в Касабланке. В десятках еврейских школ учатся около 800 детей. Синагоги и другие еврейские учреждения, а также кошерные рестораны имеются во многих марокканских городах. Король Мухаммед VI, являясь последователем политики Хасана II, тем временем занимает менее активную позицию по вопросу ближневосточного конфликта ³⁸.

В последнее время усиление радикально настроенных исламистских сил, в частности выступающих и против Израиля, не могло не повлиять на умонастроения части марокканского населения, выразившиеся в крайней враждебности по отношению к этой стране. И, несмотря на то, что монархия продолжает демонстрировать теплое отношение к Израилю, в риторике марокканского правительства и политиков по отношению к этой стране прослеживается явное влияние «арабской весны» и ее последствий.

Примечания

1. <http://www.jewish.ru/histort/facts/2013/03/news994315893.php>.
2. <http://www.eleven.co.il/article/12646>.
3. Там же.
4. Там же.
5. КУДЕЛЕВ В.В. О некоторых особенностях мароккано-израильских отношений на современном этапе. Институт Ближнего Востока. <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/27-01-10.htm>.
6. Morocco a welcome Place, for Zeus Despite Anti-Israel Proposals. <http://www.algemeiner.for-jews-despite-and-israel-proposals/#>.
7. СЕГЕВ С. Отношения Израиля и Марокко. <http://www.text.org.il/index.php?book=0804015>.
8. Там же.

9. Новейшая история стран Азии и Африки. XX век. Ч. 3. 1945—2000. М. 2014, с. 215—216.
10. Там же.
11. Там же, с. 217.
12. Там же, с. 218.
13. The Moroccan Connection: The Secret Relationship between Israel and Morocco. <http://altahrir.worldpress.com/2011/07/07/>
14. Ibidem.
15. In Honoring Hassan, Israelis Bare Intrigue in Cause of Peace by Delorah Sontag. <http://www.nytimes.com/1999/07/26/world/in-honoring-hassan-israelis-bare-intrigue-in-cause-of-peace-html>.
16. Ibidem.
17. Ibidem.
18. КУДЕЛЕВ В.В. Ук. соч.
19. <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/04-01-10a/htm>.
20. Новейшая история стран Азии и Африки, с. 219.
21. Morocco Becomes 2nd Arab Nation to have Formal Relations with Israel: Diplomacy: Twenty years of contacts culminate in agreement on low-level ties with liaison offices. Expanded trade and tourism are predicted. 2.IX.1994. <http://articles.latimes.com/1994-09-02/news/mn-33867-1-liason-office>.
22. In Honoring Hassan, Israelis Bare Intrigue in Cause of Peace by Delorah Sontag.
23. Ibidem.
24. <http://alerozin.narod.ru/oktovr.htm>.
25. Там же.
26. <http://puerto.livejournal.com/17814.html>.
27. Там же.
28. http://www.hrono.ru/land/198_mar.html.
29. <http://www.sem40.ru/index.php?newsid=57353>.
30. Там же.
31. <http://www.ips-israel.org.il/lru/apage/64812.php>.
32. Morocco becomes 2nd Arab nation to have formal relations with Israel: diplomacy.
33. Ibidem.
34. Ibidem.
35. Соглашение 1995 (Барселона). Израильский институт демократии. <http://noamnr.blogspot.ru/2010/05/blog-post.html>.
36. Там же.
37. <http://www.iimes.ru/rus/stat/2010/27-01-10.htm>.
38. The Moroccan Connection: The Secret Relationship Between Israel and Morocco. <http://altahrir.worldpress.com/2011/07/07/the-moroccan-connection-the-secret-relationship-between-israel-and-morocco>.

История первой русской консульской миссии на османском Крите в 1784—1787 гг.

В.А. Занина

Аннотация. В публикации раскрывается значение открытия русской консульской миссии на Крите для реализации внешнеполитических задач Российской империи в регионе Восточного Средиземноморья. На основе материалов Архива внешней политики Российской империи рассмотрены исторические предпосылки ее учреждения, обозначены поставленные перед ней цели и задачи. Роль, которую сыграло открытие консульства в продвижении интересов России и усилении ее позиций в Восточном Средиземноморье, может представлять интерес в рамках реализации задач наращивания российского присутствия в регионе и целесообразности в этой связи возобновления работы консульства России на Крите.

Ключевые слова: русская консульская миссия на Крите, внешняя политика России, Восточное Средиземноморье, Крым, Османская империя, Порта, Проливы, Ближний Восток, Франция, К.О. Шпалкгабер, Я.И. Булгаков.

Abstract. The article reflects the importance of the opening of the Russian Empire Consulate on Crete in the framework of implementing the Russian Empire foreign policy goals in the Eastern Mediterranean in 18th century. Based on material of the Russian Empire Foreign Policy Archive, the research reviews historical pre-conditions for the mission's set up, indicates its main tasks. The mission's contribution to securing Russian foreign interests in the region and strengthening Russia's presence, could be interesting for examining the Russian influence expansion in the region. Following this task, the article is considering expedience of re-establishment of the Russian Consulate on Crete nowadays.

Key words: Russian Consulate on Crete, Russian foreign policy in the Eastern Mediterranean, Crimea, Ottoman Empire, Porta, Chanakkale, Middle East, France, Spalkhaber, Bulgakov.

По мере роста геополитических амбиций Российской империи, стремившейся играть ключевую роль в общеевропейских делах, к концу XVIII в. планы расширения российского присутствия за пределами Черноморской акватории и поиска путей в Мировой океан приобрели четкие очертания. Достичь этой цели можно было только при усло-

---

Занина Валерия Александровна — аспирант Дипломатической академии МИД России. E-mail: VPolyanina@yandex.ru.

Zanina Valeriya A. — postgraduate student at the Diplomatic Academy MFA of Russia. E-mail: VPolianina@yandex.ru.

вии свободного выхода России в Средиземное море через проливы Босфор и Дарданеллы, контролируемые Османской империей. По условиям заключенного с Турцией в 1774 г. Кючук-Кайнарджийского мирного договора, наравне с беспрепятственным выходом для российского торгового флота в Средиземное море Россия закрепила за собой право открывать консульства в османских провинциях в регионе Восточного Средиземноморья и на Ближнем Востоке, подтвердив свой торговый и политический интерес на этом направлении. Однако систематические нарушения турецкой стороной условий мирного трактата, по сути нивелировавшие преимущества России в освоении данного региона, и неудачные попытки настроить турок на соблюдение имеющихся договоренностей, вынудили Петербург обратиться к тактике «решения дел с Портой (правительство Османской империи — В.З.)¹, основанной на принципах сдерживания. Применение этих принципов легло в основу восточно-средиземноморской политики России, направленной на устранение угрозы ее торговым и политическим интересам в Средиземном море и на Ближнем Востоке. В соответствии с этим определились и задачи российской дипломатии: ограничивать или исключать реальные и потенциальные возможности нарушения Турцией условий мирных договоренностей с Россией.

Эффективным механизмом уклонения от соблюдения своих обязательств Османская империя считала тесные связи с Версальским двором, для которого отношения с османами носили стратегический характер и представляли особую значимость в связи с колониальными планами и торговыми интересами Франции в Восточном Средиземноморье. В задачи французов входило поддержание статус-кво Османской империи, исключавшего ее вовлеченность в полномасштабные военные конфликты, и противодействие ее сближению с другими странами, которые могли бы снизить степень французского влияния. После получения Россией значительных прав по заключенному договору в задачи французов входило также расшатывание российско-турецких отношений путем поощрения нарушений турками договоренностей с российской стороной, в частности, по Крымскому вопросу. Присоединив в апреле 1783 г. Крымский полуостров, остров Тамань и всю Кубань, Россия лишила турок существенной возможности нарушать условия мирного договора, отодвинув их от решения крымских дел под предлогом защиты татарского населения, а французов — повода вмешиваться в российско-турецкие отношения. Но главный посыл, предназначавшийся Порте, заключался в способности российского флота, базировавшегося теперь в Крыму, в случае необходимости добраться до турецкой столицы за довольно короткий срок.

Прекрасно понимая, что такой аргумент может существенно повлиять на решение Порты избегать конфликтов с российской стороной в будущем, французы опасались нарушения геополитического баланса в Восточном Средиземноморье, установленного с момента начала их тесной связи с Османским двором, в пользу России. Тем более, что практически одновременно с присоединением Крыма между

Российской и Османской империями 10 июня 1783 г. был заключен торговый трактат, посредством которого были исключены практически все препятствия в торговле российских подданных с другими народами через Черное и Средиземное моря. В свою очередь принятые французским послом в Константинополе графом Сен-Приестом попытки добиться у Порты права свободного плавания по Черному морю для французского торгового флота желаемого результата не имели. Более того, Порта дала понять, что и в будущем это вряд ли возможно. Теперь же, после присоединения Крыма к России и как следствие роста опасений турецкой стороны в связи с возможной российской военной угрозой, французам представился удобный случай добиться от Порты некоторых уступок в целях усиления своего влияния в регионе.

После присоединения Крыма к России французский представитель в Петербурге маркиз де Верак 26 июня 1783 г. вручил вице-канцлеру графу И.А. Остерману ноту, в которой требовал, чтобы данное решение было аннулировано и заменено переговорным процессом, говоря при этом прямым текстом, что в противном случае Турция под влиянием недовольства граждан своей империи может решиться на военные действия, что в итоге способно привести к новой войне в Европе и нанести вред охраняемой Россией системе торговли нейтральных народов ². Французская сторона была готова принять факт российских территориальных приобретений и даже выступить посредником во избежание негативных последствий крымского вопроса, но только в том случае, если Россия и Турция откажутся от содержания своих флотов в Черном море ³. Французские инженеры и офицеры, прибывшие в Константинополь, провели тщательную инспекцию устья Черного моря и сочли его подходящим для высадки десанта.

Наблюдая за их работой, российский посланник при Порте Османской Я.И. Булгаков заключил, что французы старались заставить Порту укрепить Черноморское устье под их надзором, осознавая всю уязвимость турецкой столицы. Россия ранее неоднократно заявляла, что хоть и не стремится к войне, готова отстаивать свои права, гарантированные ей мирными договоренностями с турками, любыми методами в случае, если Порта продолжит их нарушать. Учитывая слабость османской власти в этот исторический период, ее зависимость во многом от мнения радикально настроенного духовенства и поощряемого им простого народа, у Порты, даже при всем желании, могло не быть возможности полностью удовлетворить требования российской стороны. Россия твердо заявила о намерении придерживаться позиции, что вопрос с Крымом решен окончательно, и жители Крыма уже принесли присягу на верность Российскому трону, а право содержать флот в Черном море гарантировано ей самим российско-турецким мирным договором и потому не подлежит изменению. По информации, полученной от российского консула в Архипелаге (острова Эгейского моря под властью Османской империи) подполковника графа И. Войновича в ноябре 1783 г., «в порт Суда острова Кандии ⁴ (название о. Крит в дипломатической переписке XVIII в. —

В.З.) приплыл военный французский фрегат, который привез трех инженеров той же нации для укрепления тамошних крепостей, и что также туда пришли из Мореи (Пелопоннес) некоторые турецкие войска для умножения тамошнего гарнизона»⁵.

По сведениям, полученным российским вице-канцлером графом Остерманом от российского посланника в Париже генерал-поручика князя И.С. Барятинского в январе 1784 г., в «Европейском курьере» № 3 от 9 января того же года сообщалось, что капитан французского флота Боневиль (в некоторых случаях упоминался как Бонневаль) с согласия Порты занял остров Кандия и объявил о том, что имеет указание построить там казармы для 12 тыс. чел. войска⁶. В марте 1784 г. Булгаков сообщил о том, что французский посол получил обращение из Смирны (Измир) от своего консула и купцов о том, что в связи с приобретенными российской и венской сторонами торговыми выгодами их собственная торговля, «оставаясь на прежнем основании», непременно разрушится, если посол не добьется для них аналогичных преимуществ⁷. Скорее всего, под видом оказания помощи Турции в случае ее войны с Россией французы решили установить свое влияние над стратегически важным объектом Восточного Средиземноморья — островом Кандия, чье географическое расположение на перекрестке ключевых морских коридоров между Западной Европой, турецкими проливами и Ближним Востоком, придавало ему значение главного восточно-средиземноморского форпоста.

Принимая во внимание то обстоятельство, что на острове и так находился французский консул, а незначительная критская торговля (в основном оливковым маслом и мылом) целиком была подчинена интересам французского потребителя, и, кроме того, практически ни одно строительство военно-стратегического характера на территории Османской империи не обходилось без участия французских специалистов, интерес такого свойства к острову вызывал у российской стороны подозрения в намерениях французской и турецкой сторон в отношении Крита, которые необходимо было прояснить.

Ранее, во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг., французы успешно контролировали все передвижения судов через Проливы благодаря своему присутствию в Дарданеллах. В частности, не исключалась вероятность того, что о передвижениях российского торгового и военного флота, обеспечивающего прикрытие российским купеческим судам, будет известно алжирским корсарам, патрулировавшим средиземноморские воды и нападавшим на торговые суда европейских государств. Африканские пираты представляли серьезную угрозу мореплаванию в Средиземном море, так как практически не подчинялись османской власти, по словам самой Порты. В то же время, тесные отношения французского посла в Константинополе с командующим османским флотом Капитан-пашой⁸ позволяли рассчитывать на то, что французским судам будет обеспечена защита от нападения со стороны алжирцев. Блокируя, по сути, таким образом, российскую торговлю в Средиземном море, Франция оставалась вне конкуренции. Исходя из предварительного анализа, можно было сделать вывод, что присутствие военного флота на Крите позволяло с

легкостью контролировать движение всех торговых и военных судов на пути из Черного моря на Ближний Восток, что создавало угрозу планам России по освоению этого региона.

Расстояние от Крита и Крыма до Проливов почти одинаковое, и это обстоятельство имело немаловажное значение для защиты турецкой столицы от возможного нападения российского флота. Несмотря на то, что в оперативных разработках фельдмаршала князя Г.А. Потёмкина на случай войны с турками в качестве главного наблюдательного пункта за передвижениями турецкого флота указывались Дарданеллы, сведения, получаемые от российской консульской миссии в этой точке, содержали информацию о действиях флота противника на подходах к Проливам и в Эгейском море, а также о движениях турецких войск в Азиатской части Османской империи, но в силу географического расположения не могли представлять полной картины о передвижениях данных кораблей в Средиземном море. В отличие от Черного моря, ситуацию в Средиземноморье Россия полностью контролировать не могла, вследствие чего появлялась возможность скопления значительных турецко-французских военно-морских сил вне поля зрения российской стороны. Судская бухта на Крите (Ханья) с ее фарватером и вместительный порт идеально подходили в качестве стоянки для долгосрочного базирования флота. Критский контраргумент в руках Порты, таким образом, уравновешивал крымский в руках России, что давало туркам возможность не соблюдать невыгодные им условия мирных договоренностей с Россией, обеспечивающие ей выход в Средиземное море и продвижение интересов на Ближнем Востоке. Таким образом, турецкая сторона намеревалась использовать участие французов в деле укрепления и вооружения Крита, а французы под видом оказания помощи туркам — установить полный контроль над островом, восстановив, таким образом, геополитический баланс. Хронологическая последовательность свидетельствовала о связи этих событий с присоединением Россией Крымского полуострова. По характеру военных приготовлений на Крите нельзя было исключить вероятность его прямого использования в качестве военной базы в антироссийских целях.

В рескрипте Екатерины II от 5 февраля 1784 г. сообщалось, что «слухи о намерении Франции занять остров Кандию под видом удобства оказать помощь Порте в случае нашей с ней войны, подтверждаютя будто бы присоединением еще и полуострова Мореи»⁹. Кроме того, до посланника была доведена информация о необходимости назначить российского консула в Кандию и Морею для того, «чтобы иметь точные и обстоятельные сведения обо всем, что там происходит, снабдив их наставлением относительно старания иметь там знакомства и связи для службы нашей полезные»¹⁰. Этот рескрипт можно расценить как принятое на высочайшем уровне решение учредить русскую консульскую миссию на Крите, в основе которого лежали военно-стратегические соображения. Об этом свидетельствовал тот факт, что в рескрипте Булгакову из Петербурга не исключалась вероятность временного отказа Франции от планов занять остров Кандию «ввиду прекращения наших с Портой споров»¹¹.

Принимая во внимание то, что информация по большей части основывалась на слухах и непроверенных сообщениях, в задачи русской консульской миссии на Крите на первоначальном этапе входило посредством наблюдения за происходящим на острове прояснить планы французов и турок в отношении Крита. А затем, исходя из этого, конкретизировать потенциальную угрозу российским интересам в регионе с тем, чтобы не допустить использования острова в антироссийских целях.

В своем донесении в Петербург от 15 марта 1784 г. Булгаков сообщал, что в Константинополь неделю назад прибыла одна французская военная корвета под командою графа Бонневая, пробыв зиму в Архипелаге в разных местах ¹². 28 апреля 1784 г. были подписаны высочайший указ об отправке на о. Кандию российского консула Карла Оттона Шпалкгабера ¹³ и патент, согласно которому назначение российского консула осуществлялось на основании заключенных с Портой мирного трактата 1774 г. и торгового договора 1783 г. с определением соответствующей цели — «для увеличения торговли российских подданных в области, принадлежащей Порте, к взаимной пользе обеих империй» ¹⁴. После принятия решения об учреждении миссии последовали дальнейшие шаги российского внешнеполитического ведомства, свидетельствовавшие о планах по расширению присутствия в регионе. В августе того же года советник Екатерины II по внешнеполитическим вопросам граф А.А. Безбородко направил вице-канцлеру Остерману письмо, в котором сообщал, что при подписании указов о вновь определенных консулах, Екатерина II указала сверх обыкновенных постановлений предписать генеральным консулам в Александрии (Египет) и Сейде (Сайда, Сирия) активно расширять сферу российского присутствия, не ограничиваясь рамками фактического месторасположения своей миссии, подыскивая надежных людей в Дамаске, Алеппо и других местах на должность вице-консулов, стараться завести полезные знакомства с влиятельными людьми по месту своей службы и «вселять в разные тамошние народы, особенно различных христианских исповеданий, доверенность к России, разъясняя, какое участие Россия принимает в отношении угнетенных там христиан» ¹⁵.

Получив Указ о своем назначении и ряд других необходимых документов, К. Шпалкгабер рассчитывал прибыть в Константинополь для встречи с Булгаковым к 15 ноября 1784 г. и сразу же отправиться в Кандию ¹⁶. 15 декабря 1784 г. в циркулярном письме Государственной Коллегии иностранных дел Российской империи (КИД) сообщилось о назначении российских консулов сразу в несколько точек Восточного Средиземноморья, в частности, еще на один из крупнейших островов Средиземного моря — Кипр, острова Родос, Хиос, в Морею, а также на Ближний Восток — в Сирию и Египет, представлявших интерес из-за постоянно возникавших там конфликтов каирских беев с османскими властями. В Петербурге считали, что такое неподчинение нам на руку, так как совершенное и явное отделение Египта от Порты в независимую область могло бы принести общей европейской торговле скорее выгоду, чем вред ¹⁷. Таким

образом, деятельность русской консульской миссии на Крите в рамках поставленных перед ней задач имела геополитическое значение, так как от нее зависела степень реализации планов России по дальнейшему расширению сферы своего влияния на заданных направлениях.

Однако из-за возникших в дороге трудностей, Шпалкгабер смог прибыть в османскую столицу только 25 декабря 1784 г., откуда сообщил, что назначенный к нему первым драгоманом (переводчиком) г-н Гренек проявил себя в дороге не лучшим образом и вряд ли сможет добросовестно выполнять свои обязанности на консульском посту в Кандии. В своем донесении из Константинополя в Петербург от 31 января 1785 г. Шпалкгабер уведомлял Коллегию, что уже получил берат (свидетельство, патент) и сопровождающий его фирман (султанский указ), выданные на его счет Портой посланнику Булгакову, и готов ехать, но отъезд его откладывается по причине отсутствия драгоманов. Наконец, 2 апреля 1785 г. Шпалкгабер прибыл на о. Кандия к месту своей службы¹⁸. Однако критские турки, поощряемые ага¹⁹ и французским консулом в Кандии Магаллоном, устроили бунт и не позволили российскому консулу сойти на берег. 22 мая 1785 г. Шпалкгабер был вынужден вернуться обратно в Константинополь и оставаться там до тех пор, пока вопрос о его пребывании в Кандии не был улажен с Портой. После того, как Шпалкгабер получил известие от Булгакова о том, что «канейские дела» приведены в порядок, 30 августа 1785 г. он отплыл из Константинополя и 8 сентября прибыл на остров Кандия (Крит) в порт г. Канеи (Ханья). Выбранный им дом из числа предложенных местной турецкой администрацией, по словам Шпалкгабера, больше походил на хижину, недостойную того, чтобы поднять на нем российский флаг. До тех пор, пока не было найдено подходящее здание для русской консульской миссии, Шпалкгабер по приглашению Магаллона жил в его доме. После привлечения матросов со всех находившихся в канейском порту судов для ремонтных работ, 22 сентября 1785 г. на здании консульства был поднят российский флаг и выставлен императорский герб. Помимо Шпалкгабера в штате консульской миссии значились два переводчика: Иван Томажан²⁰ и А.М. Огиевский²¹. Несмотря на то, что русский консул в Канее находился в прямом подчинении у Адмиралтейства Российской империи, российскому посланнику в Константинополе было поручено координировать его действия и снабжать необходимыми советами, так же как и российского консула в Венеции.

В ответ на донесения Шпалкгабера о продолжающихся происках французского консула от Булгакова последовала жесткая директива — на провокации не поддаваться, в конфликты не вступать, не покидать Кандию, несмотря на чинимые затруднения, и избегать вмешательства во внутренние дела острова, лишая недругов повода настроиться против себя и помешать утверждению русской миссии на Крите. Избранная по совету Булгакова тактика невмешательства и достойного поведения принесла свои плоды. Спустя год после учреждения миссии, Шпалкгабер сообщал посланнику в Константинополь о том, что ему наконец удалось завоевать уважение и доверие турок и

«кажется, что французы даже устают безуспешно настраивать их против меня и доверия к этой ревнивой нации стало намного меньше со стороны турок с момента моего обоснования»²².

В ответ на это незамедлительно последовали провокации Магаллона. Из донесений Шпалкгабера: «без легкомысленных подозрений смею предположить, что консул Франции активно участвует во всех попытках помешать утверждению консула России»²³, «вот совсем недавно кто-то из французов подбросил туркам записку, чтобы предупредить их о том, что мои поездки в деревню имели единственной своей целью сближение с греками, а также для того, чтобы спровоцировать столкновения между турками и греками»²⁴. Действия французского консула, направленные на то, чтобы помешать утверждению русской консульской миссии на Крите и дестабилизировать ситуацию на острове, свидетельствовали о том, что помимо торгового интереса к острову у французов с ним были связаны геополитические устремления. В ноябре 1785 г. Шпалкгабер направил Булгакову в Константинополь донесение с информацией, подтверждавшей планы французов занять остров Кандия: «Уже около двух лет, как французский двор прислал на сей остров инженерного капитана графа Боневилля, чтобы осведомиться обо всем. Он объездил, переодевшись, весь остров в 46 дней, и со всех мест снимал планы. По его расположению может двор [Версальский] занять всю сию землю отправлением только в Судский порт пяти кораблей и пяти галер, да пяти тысяч человек войска»²⁵. В подтверждение планов Франции относительно Крита Шпалкгабер добавлял: «И в самом деле, овладев Судским портом, защищенным замком, стоящим на море на горе, легко можно завладеть и всей землей. Сей порт довольно велик и глубок для помещения ста линейных кораблей, и наилучший во всем Архипелаге. Он расстоянием пяти верст от Канеи. Город... снабжен в большом количестве артиллерией, имея более трех тысяч чугунных пушек, но без станков, лежащих на великих камнях, и по большей части от 18 до 40 фунтов калибра»²⁶. В результате прояснения интереса французов к Криту и подтверждения таким образом подозрений российской стороны, определилось направление деятельности русской миссии на Крите, заключающееся в том, чтобы совместно с осуществлением стандартных консульских функций (сбор информации, развитие торговли, работа с населением и т.д.) препятствовать использованию острова в антироссийских целях, основным условием для чего являлась бы успешная вовлеченность французов в критские дела. Поддержание политической и экономической монополии на Крите помогло бы французам использовать остров не только в торговых, но и в военно-стратегических целях. Задействовать Крит при помощи Франции в качестве военно-морской базы намеревались и турки.

Российская сторона еще в 1783 г. через посланника Булгакова пыталась внедрить в турецком обществе мысль о том, что «Франция, испытав удачу в отторжении американских селений от Англии, покусится и в Леванте (Восточное Средиземноморье) на что-либо подобное»²⁷. В связи с этим, планы Франции в отношении Порты не исключали дестабилизации внутри Османской империи. В качестве при-

мера приводилось содержание книги назначенного в том же году в Константинополь французского посла графа Шоазеля-Гуффье, посвященной путешествию по Греции, в которой помимо критики действий России в Архипелаге содержался призыв к грекам и другим подданным Порты свергнуть турецкое иго и «сделаться вольными, устроив из себя республики»²⁸. Поэтому после получения информации о намерении Франции занять остров Кандию Булгакову в рескрипте от 5 февраля 1784 г. было дано указание довести до сведения Порты, что «ей от этого будет только вред, так как она сама сим способом многие свои владения поставит в зависимость от Франции»²⁹, тем более, что к тому были все предпосылки — ранее, в 1769 г., французы уже заняли один крупный остров Средиземноморья — Корсику, отвоевав его у англичан. Информация с Крита служила подтверждением заявления, сделанного русской миссией в Константинополе.

Наглядным примером французского вмешательства в дела острова послужило описание Шпалкабером негативного опыта своего первого приезда на Крит, когда, несмотря на султанский фирман, имевший целью узаконить его пребывание на территории Османской империи, он был вынужден вернуться в Константинополь, а также последовавших за этим событий. Порте рекомендовалось обратить самое пристальное внимание на инцидент с российским консулом, ронявший ее собственное достоинство в глазах света и самих ее подданных, для которых данный случай мог послужить поводом к дальнейшему пренебрежению ее властью, если Порта не заставит своих наместников выполнять ее указы. Из письма Булгакова к Шпалкаберу: «... получив известие о том, что кандiotы вынудили пашу не принимать Вас, Порта сильно обеспокоилась и сразу же, даже не обсудив этого дела со мной, снарядила своего представителя со строгим приказом пашам утвердить Вас там в качестве российского консула»³⁰. Вероятно, также весомым аргументом для Порты послужил произошедший в 1784 г. инцидент с оскорблением российского консула в Синопе и реакция на это российской стороны, заявившей, что неподчинение местного населения приказам турецких властей и неспособность Порты контролировать и наказывать своих подданных ставит *de facto* вопрос о степени владения Османской империей данной территорией, и что в таком случае Россия оставляет за собой право «добыть себе удовлетворение самостоятельно как требует того величие Российской империи»³¹. Порта опасалась, что после присоединения Крыма и укрепления своих позиций в Черном море Россия двинется дальше и начнет освобождать христианских подданных Османской империи в рамках так называемого «греческого проекта», в том числе на Крите. Было очевидно, что турки не заинтересованы в том, чтобы Россия проявляла к острову какой-либо другой интерес помимо развития торговли. Однако в результате действий французского консула, который постарался установить непосредственную связь с назначенным в октябре 1785 г. на Крит новым пашой³² (губернатором), и особенно Ахмет-беем, под чьим влиянием находился османский наместник в силу своего недавнего назначения на этот пост, направленный на остров для рас-

смотрении ситуации Турнаджи ³³ получил приказ от паши немедленно покинуть остров, несмотря на фирман, предписывавший ему оставаться до получения новых повелений из Константинополя. Местные ага довольно оперативно собрали и вручили Турнаджи значительную сумму денег с тем, чтобы он немедленно уехал. Для проявившего лояльность по отношению к российскому консулу Янычар-ага (руководителю корпуса янычар на острове, выполнявшего функции поддержания порядка) местные власти потребовали у Порты отставки ³⁴.

В том же февральском рескрипте 1784 г. Булгакову было дано указание довести до сведения английского посла в Константинополе кавалера Энсли планы французов в отношении Крита с тем, чтобы тот убедил лояльно настроенного к нему Капитан-пашу отказаться от затеи допустить французов на остров ³⁵. Воспользовавшись имеющимися англо-французскими противоречиями, Россия планировала привлечь внимание Англии к действиям французов в отношении Крита и использовать ее влияние в качестве преграды для их осуществления. В октябре 1785 г. Шпалкгабер направил Булгакову донесение о том, что «вот уже три дня, как английский фрегат находится в порту Суды в лье отсюда под командованием командора Бланкета под предлогом поиска в Архипелаге пиратов, но, как видно, для того, чтобы следить за действиями французов» ³⁶, подтвердив тем самым, что планы России по привлечению Англии, достигли цели. Для Порты это могло представлять дополнительную угрозу, так как теперь еще у одной сильной морской державы — Англии, до сих пор не имевшей своего представителя на острове, появился интерес к этой точке Восточного Средиземноморья. Военное присутствие Франции, на тот момент все еще находившейся с Англией в состоянии морской войны, на Крите вело к усилению французских позиций в этом регионе и представляло угрозу для англичан на случай распространения их геополитических планов на Ближний Восток, особенно после того, как североамериканские колонии, во многом благодаря усилиям Версальского двора, были ими утрачены. Вследствие этого интерес англичан к Криту мог приобрести долгосрочный характер. Если бы планы французов по использованию острова в военно-стратегических целях осуществились на практике (пусть даже в отношении России), для англичан это лишь подтвердило бы всю серьезность ситуации и отразилось самым негативным образом на англо-турецких отношениях, включая поднятие вопроса о статусе критской провинции османов. Такой сценарий развития событий был не в интересах Порты.

Безусловно, информация о влиянии французов и их вмешательстве во внутреннюю политику на острове, полученная от Шпалкгабера и доведенная до сведения Порты и других заинтересованных сторон, приобретала также важное значение в условиях, когда недовольство Франции и Англии усилением позиций России в Черном море после присоединения Крыма могло привести к объединению усилий этих двух морских держав при оказании ими помощи Османской империи в войне против России. Действия французов, дестабилизировавшие обстановку на Крите, в целом способствовали сниже-

нию уровня доверия некоторых представителей османской политической элиты, недовольных вмешательством Франции в дела империи, к политике Версальского двора.

Таким образом, деятельность русской консульской миссии на Крите в части, касающейся ее информационно-аналитической работы, мешала установлению монополии французов на острове и их контролю за движением через Проливы. Вследствие этого значительно снижалась вероятность его использования Портой в качестве военно-морской базы, что было бы невозможно без военно-технической поддержки со стороны Франции. Данные о неподчинении критских властей указам из Константинополя свидетельствовали о том, что центральная османская власть не могла в полной мере влиять на происходившее на острове, а следовательно, и рассчитывать на Крит в своих военно-стратегических планах.

Сведения о дополнительном вооружении острова служили оценке потенциальной угрозы со стороны Турции российским интересам в Черном и Средиземном морях и способствовали принятию мер во избежание негативных для России последствий.

Базирующемуся в Черном море российскому флоту требовалось время, чтобы оперативно среагировать на скопление турецких сил в Восточном Средиземноморье, и в этой связи деятельность русской консульской миссии также создавала предпосылки, необходимые для постоянного пребывания или курсирования российских военно-морских сил в этом регионе путем расширения присутствия там торгового флота России.

В инструкции, выданной Коллегией иностранных дел Российской империи, и предварительном наставлении Государственной Коммерц-коллегии российскому консулу на Крите предписывалось всячески поощрять российских подданных к торговле, в том числе своими полезными советами и наставлениями на основании добытой информации об уже имеющихся и перспективных торговых отраслях на острове, тщательно следить за соблюдением местными властями их прав, закрепленных в российско-турецком торговом договоре 1783 г., и сообщать об особенностях торговли иностранных и турецких подданных. До открытия консульства на Крите российский торговый флот в основном находился не дальше Архипелага, и значительная часть восточно-средиземноморского направления была практически не исследована. Передаваемые российским консулом сведения о торговле на Крите и ее перспективности расширяли рамки российского присутствия в этом регионе. Чем больше российских купеческих судов торговало с Критом, тем больше требовалось присутствие российских военных судов для их защиты. Российская сторона неоднократно заявляла, что оставляет за собой право самостоятельно обеспечивать защиту своего торгового флота в случае, если Порта не может предотвратить нападение варварских кантонов³⁷. В июле 1782 г. Адмиралтейская коллегия направила Булгакову для сведения копию инструкции, добавленной ею к обычным наставлениям, передаваемым российским эскадрам, следующим в Средиземное море. В соответствии с ней, российский военный флот должен был обеспечивать защиту торго-

вым судам российских подданных и «других наций христианским державам принадлежащим» «не токмо по всему Средиземному морю, по Архипелагу, но даже и на вид Дарданелл»³⁸. Таким образом, развитие торговли с Критом влекло за собой усиление военно-морского присутствия России в регионе Восточного Средиземноморья, так как давало весомый аргумент в пользу патрулирования российской эскадрой критских вод для защиты нового торгового направления.

В свою очередь, усиление российского военно-морского присутствия в регионе, вызванное постоянными передвижениями российского флота из Черного моря в Средиземное, способствовало решению ряда стратегических задач. Во-первых, значительно снижало степень эффективности использования Крита в военных целях. Во-вторых, помимо уменьшения вероятности незаметного для России базирования турецкого и французского флотов в Средиземном море, служило также дополнительным источником информации о том, что происходит в Проливах. В-третьих, устраняло угрозу российским территориальным приобретениям в Черном море, благодаря возможности российского флота отслеживать перемещения турецкого флота на подходах к Проливам со стороны Средиземного моря, что также значительно снижало возможность прямого вмешательства Порты в российские дела с Грузией после того, как в июле 1783 г. был подписан договор о признании ею над собой верховной власти Российской империи. И наконец, служило серьезным фактором, способствовавшим укреплению российско-австрийского союза, во многом благодаря которому в XVIII в. Крымский вопрос удалось решить в интересах России. По информации от российского посланника в Константинополе Булгакова, австрийские торговые суда неоднократно подвергались нападению корсаров в Средиземном море, а некоторые из них были захвачены в плен. Неоднократно предпринимаемые попытки Венского двора добиться у Порты содействия в возврате судов и обеспечении безопасности плавания ее торгового флота успеха не имели.

На этом фоне прикрытие российским флотом австрийской торговли в Средиземном море значительно усиливало влияние России на своего союзника. В письме от 22 марта 1786 г. Булгаков просил Шпалкгабера обеспечить защиту австрийского судна ввиду отсутствия в Кандии австрийского консула, используя при этом следующую формулировку: «Я не вижу ничего, что могло бы помешать это сделать и прошу Вас быть ему полезным, насколько это будет возможно в случае необходимости»³⁹. Наличие русской консульской миссии на Крите положительно влияло и на отношения с Англией, утверждая в англичанах мысль о пользе российского пребывания на острове. В депеше от 21 апреля 1786 г. Булгаков писал Шпалкгаберу: «Поскольку г-н кавалер Энсли, английский посол, вообще не имеет в Кандии консула своей нации, он попросил меня написать Вам письмо в пользу г-на Сибторпа, профессора ботаники Оксфордского университета, который путешествует по приказу в профессиональных целях в страны Ближнего Востока. Я даю данное письмо с тем боль-

шим удовольствием, что делаю это и для него, и для Вас, и прошу Вас, г-н, быть полезным данному путешественнику»⁴⁰.

Присоединение Крыма к России и открытие торговых пристаней Херсон, Феодосия и Севастополь (в соответствии с Манифестом⁴¹, подписанным 26 февраля 1784 г. Екатериной II) должно было дать новый импульс развитию российской торговли в регионе Восточного Средиземноморья и заинтересовать традиционно предрасположенных к торговому мореплаванию греков в торговле между открывшимися черноморскими портами Крыма и портами Средиземного моря. Крит планировалось включить в общую систему этого черноморско-средиземноморского торгового мореплавания, которое, помимо экономической выгоды, способствовало бы укреплению связей греков, проживавших на территории Российской империи, с греками с территории Османской империи. В рескрипте Екатерины II генерал-губернатору Новороссийского края Потёмкину от 4 января 1783 г. относительно выдачи российского флага на торговые суда, курсирующие в Черном и Средиземном морях, первым пунктом значилось, что выдавать их следует «подданным нашим какого бы они народа и закона ни были, наблюдая предписанное в четвертой статье Указа нашего от 8 мая 1780 года о записывающихся в подданство наше иностранцах»⁴². И хотя в указанной статье была оговорка, что этим преимуществом наравне с коренными российскими подданными имеют право пользоваться только те, кто, записавшись в российское подданство, проживает на территории Российской империи⁴³, тем не менее, развитие торговли с Критом предполагало выдачу российского флага на греческие торговые суда, а правила торговли под российским флагом напрямую увязывались с вступлением в российское подданство. В описи документов, врученных Шпалкгаберу в Петербурге в 1784 г., значился печатный экземпляр «Устава водоходства 1781 года» с предоставлением консулу права выдавать торговый флаг подданным Российской империи на суда, направлявшиеся в Черное и Средиземное моря. В октябре 1785 г. Булгакову пришел ответ на его запрос от вице-президента Коммерц-коллегии А.Р. Воронцова, в котором сообщалось, что «относящиеся к константинопольскому посту» российские консулы (находящиеся на территории Османской империи) «вправе иметь свои собственные торговые суда под российским купеческим флагом», и что «нет сомнения, чтобы это послужило к умножению мореплавания и торговли нашей»⁴⁴. Из письма Таврического губернатора М.В. Коховского (Каховского), направленного из Симферополя Булгакову в апреле 1786 г.: «Находящийся на острове Кандия генеральный консул К. Шпалкгабер при посредстве генерал-майора и кавалера Михемона, а также полковника Попова письменно просит о снабжении его двумя патентами на поднятие российских флагов на собственных его мореходных суднах, коими продолжать желает коммерцию по Черному и Белому морю, обязуясь все относящиеся правила до чести флага соблюсти в точности»⁴⁵. Однако в своем письме Булгакову в апреле того же года Шпалкгабер писал из Кандии: «... маловероятно, что здесь может быть установлена большая и прибыльная торговля. Если только какой-то купец с

крупным фондом либо кредитом не приедет сюда специально обосноваться, мы никогда не сможем выгодно продавать в розницу русские товары, ни получать выгоду только с торговли экспортом в этот край, коей является масло»⁴⁶. Таким образом, развитие торговли с Критом способствовало продвижению планов России, направленных на усиление политического влияния в регионе Восточного Средиземноморья.

Так как защита прав российских подданных входила в прямые обязанности русского консула, это давало ему возможность не только следить за происходившими на острове событиями, но и влиять на действия турецких властей. Шпалкгабер пристально наблюдал за настроениями в критском обществе и сообщал о случаях плохого обращения с греками российскому двору, который «не изволит равнодушно терпеть гонения христиан в каком бы то ни было государстве»⁴⁷. Глубоко возмущенный тем, что «нигде с греками так плохо не обращаются, как в здешней провинции», консул выражал недоумение в связи с тем, что греки не только не пользовались правами, закрепленными за ними в капитуляции⁴⁸, выданной им султаном Мехметом после завоевания Кандии, но и не настаивали на их соблюдении турецкими властями. По мнению консула, «эти бедные люди были бы наисчастливейшими в мире, если бы ознакомились с данным правом, которое не прописано ни в какой статье, а они, находясь под жуткой тиранией, жалуются»⁴⁹. При необходимости можно было использовать и этот рычаг воздействия на Порту, ведь в тексте капитуляции права греков Кандии были представлены довольно широко. Находящаяся в распоряжении Шпалкгабера информация о закрепленных за греками правах на фоне усиления турецкого военного контингента (как неотъемлемого условия для превращения Крита в военно-морскую базу) при правильном использовании могла привести к взрывоопасной ситуации на острове и, следовательно, служила дополнительным стимулом для Порты, опасавшейся любых проявлений дестабилизации, отказаться от планов задействования Крита в военно-стратегических целях.

Мешая таким образом использованию острова в антироссийских целях, русская консульская миссия на Крите выполняла целый комплекс задач восточно-средиземноморской политики России по защите ее интересов в регионе.

Во-первых, она способствовала устранению препятствий для российской торговли в Средиземном море и угрозы безопасности Черноморских границ России, что в дальнейшем обусловило появление широко разветвленной консульской сети в Восточном Средиземноморье и сделало возможным расширение сферы российского влияния в этом регионе, на Ближнем Востоке и в Египте, так как до образования русской миссии на Крите военное и торговое присутствие России в Восточном Средиземноморье ограничивалось Архипелагом.

Во-вторых, миссия укрепила политические связи России с государствами Средиземноморья. По информации, полученной в октябре 1785 г. Шпалкгабером от капитана английского судна, находившегося в бухте Суда, французский двор угрожал ввести войска на терри-

торию Генуэзской республики за то, что она предоставила свой порт Специя для стоянки российской эскадры сроком на 10 лет, и что французский флот в Тулоне получил приказ вооружиться и помешать российским кораблям войти туда. Отсутствие у французов крепких позиций в Восточном Средиземноморье во многом помешало осуществлению этих планов — французы вторглись в Геную только в 1797 г., когда на острове уже не было представителей русской консульской миссии — в то время как развитие связей России с Критом способствовало защите позиций российской эскадры в Архипелаге для обеспечения торговли в Средиземноморье.

В-третьих, присутствие миссии способствовало внесению Францией корректив в свои планы по распространению влияния в регионе Восточного Средиземноморья. По информации, также полученной Шпалкабером от капитана английского судна, французы переключили свое внимание с Крита на Кипр для торговли в Суэце. Будучи не менее важной в стратегическом плане точкой, этот остров, тем не менее, находился в значительном отдалении от Черноморских проливов, поэтому даже его использование французами в военно-стратегических целях не могло представлять существенной угрозы интересам России в Восточном Средиземноморье и в Черном море. Помимо решения вопросов безопасности, Россия зарекомендовала себя серьезным игроком, способным защищать свои интересы и интересы своих союзников. В рамках продвижения «греческого проекта» это был важный стратегический посыл для всего греческого сообщества, закладывавший основу для дальнейшей многолетней работы России с христианскими подданными Османской империи. И, наконец, падение интереса к острову со стороны Франции снизило степень участия французских специалистов и военных в укреплении Крита, что являлось неотъемлемым условием его использования турецкой стороной в военно-стратегических планах.

В-четвертых, уменьшив потенциальную угрозу использования Крита самой Турцией в качестве военно-морской базы, русская миссия лишила Порту возможности избежать соблюдения мирных договоренностей с Россией, благодаря чему сохранилось право прохода российского флота через Проливы, подтвердились предоставленные России широкие права по освоению восточно-средиземноморского региона и целесообразность ее дальнейших усилий на данном направлении, а планы Франции не допустить Россию к Черноморским проливам и в Средиземное море не были реализованы. Закрепление, таким образом, позиций России в регионе закрыло вопрос об активном участии Османской империи и Франции в черноморских делах и посягательствах на новый статус Крымского полуострова. Сохранение статус-кво Османской империи интересовало французов до тех пор, пока их позиции в Восточном Средиземноморье оставались вне конкуренции. Но после того, как, устранив угрозу своим торговым и политическим интересам (не допустив вооружения Крита и сохранив условия трактата в силе), Россия открыла для себя практически неограниченные возможности по освоению этого региона и Ближнего Востока, французы поняли, что аннулировать

привилегии России можно только в случае ее поражения в войне с турками.

За неимением других существенных рычагов воздействия на Россию и способа уклониться от выполнения своих обязательств по условиям мирного трактата, Порты, для которой потеря влияния в Крыму стала решающим событием, вынуждена была в 1787 г. начать военные действия против России в условиях политической и военно-технической неподготовленности. Это закончилось поражением турецкой армии и флота и приобретением Россией новых территорий.

В январе 1787 г. Шпалкгабер получил из Петербурга разрешение покинуть Кандию в связи с предстоящим отпуском. После его отъезда на острове остались первый драгоман консульства Томажан и второй драгоман Огиевский, который, выполняя по предписанию Булгакова обязанности Поверенного по консульским вопросам, спас во время бунта против российских консульских чинов 28 марта того же года все имевшиеся секретные и публичные бумаги консульства. В 1787 г. он с Огиевским был вынужден уехать в Константинополь.

В широком смысле учреждение российской консульской миссии на Крите способствовало решению стратегических задач российской восточно-средиземноморской политики, направленных на защиту и продвижение политических и торгово-экономических интересов России в регионе Восточного Средиземноморья.

Примечания

1. Часто используемое определение российско-турецких отношений в дипломатической переписке XVIII века.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ), ф. Константинопольская миссия, оп. 90/1, д. 817, л. 47—52.
3. Там же, ф. Секретные мнения КИД, оп. 5/1, д. 582, л. 91.
4. Крит находился под управлением Османской империи с момента завоевания его турками у венецианцев в 1669 г. и до получения автономии в 1898 г., хотя формально в составе Османской империи Крит оставался вплоть до 1913 года. Разъяснения по поводу названия Кандия применительно к острову Крит даны в заметках Русского Консульства на о. Крит, составленных в 1860—1861 гг. под общим названием «Остров Крит под управлением Османской империи». АВПРИ, ф. Посольство в Константинополе, оп. 517/2, д. 1889, л. 179—282об. Помимо употребления данного названия применительно к острову в целом, так назывался один из административных округов Крита периода Османского правления. Всего их было три: Канья (Ханья), Ретимо и Кандия (Ираклион).
5. АВПРИ, ф. Сношения России с Турцией, оп. 89/8, д. 1005, л. 76об.—77.
6. Там же, ф. Константинопольская миссия, оп. 90/1, д. 817, л. 89.
7. Там же, д. 955, л. 221об.
8. Подобная транскрипция употребляется в переписке с российским посольством в Константинополе. В турецком языке Капудан-паша — главнокомандующий османским флотом.
9. АВПРИ, ф. Константинопольская миссия, оп. 90/1, д. 817, л. 92.
10. Там же, л. 92об.—93.
11. Там же, л. 92.
12. Там же, л. 220.
13. Из формулярного (послужного) списка Карла Оттона Шпалкгабера, составленного Государственной Коллегией иностранных дел: «Надворный советник и быв-

ший консул в Кандии, в Архипелаге. Происходит от оригинала того же имени, которое вписано с весьма древнего времени в список Лифляндский. В 1759 году он пожалован ассессором в его отечестве Лифляндии, в ранге майора по узаконению Шведскому. В 1772—73 гг. Лифляндский Сейм возложил на него комиссию оценить и измерить грунт больших дорог, дабы посредством сей оценки возложить налог по величине для построения и починки больших дорог. В 1776 году из сего трибунала перешел он в Верховную канцелярию в чине подполковника. В 1784 г. пожалован быть консулом в Кандию Государственной коллегией иностранных дел в чине коллежского ассессора, что принудило его оставить должность свою в Отечестве его Лифляндии. В 1793 г. удостоен звания надворного советника. В течение сорокалетней его службы в поведении его никогда не заслуживал подозрений, под судом нигде и никогда не находился». По информации, полученной из Лифляндской Казенной Палаты в Риге, Шпалкгабер скончался 28 марта 1815 г. в Дерпте. АВПРИ, ф. Сношения России с Турцией, оп. 89/8, д. 1102, л. 1—2; ф. Административные дела, IV-15, д. 1, л. 1. В некоторых документах встречается определение Шпалкгабера как Генерального консула, однако в письме Булгакова отмечалось, что таковым он был назван вследствие ошибки писца в берате, выданном ему Портой, и что он (Булгаков) не счел нужным беспокоить министерство с тем, чтобы это исправить.

14. АВПРИ, ф. Константинопольская миссия, оп. 90/1, д. 953, л. 38.
15. Там же, ф. Высочайше опробованные доклады, оп. 8/1, д. 11, л. 28—29.
16. Во всех случаях упоминания Кандии в дипломатической переписке того периода подразумевался остров Крит, а не административный округ, так как здание русской консульской миссии находилось в Канее (Ханья), откуда и велась переписка.
17. АВПРИ, ф. Константинопольская миссия, оп. 90/1, д. 973, л. 68—68об.
18. Упоминание о прибытии российского консула в Кандию содержится также в работе Г.Л. Арша «Россия и борьба Греции за освобождение: от Екатерины II до Николая I». М. 2013., но с несколько иной интерпретацией его фамилии — К. Шпалькгабер.
19. Ага (тур.) — господин, хозяин; османский титул некоторых начальствующих лиц; на Крите — представитель местной турецкой администрации.
20. Из формулярного (послужного) списка коллежского советника Ивана Томажана: «Из Сирийских купцов. В августе 1785 г. принят в здешнюю службу по знанию его европейских и восточных языков первым драгоманом к Кандийскому консульскому посту. В мае 1789 г. произведен в актуариусы, в октябре 1792 г. — в переводчики. В 1799 г. пожалован в коллежские ассессоры. В мае 1800 г. определен вторым драгоманом в Смирну. В декабре 1808 г. по представлению Коллегии произведен правительствующим Сенатом в надворные советники. В июле 1810 г. по объявлении с турками войны возвратился в Россию и причислен к делам Коллегии. В сентябре 1812 г. определен первым драгоманом в Смирну. В 1816 г. пожалован в коллежские советники». АВПРИ, ф. ДЛС и ХД, оп. 464, д. 3266, л. 5—6.
21. Из послужного списка коллежского советника А.М. Огиевского: «Из Малороссийских сотничих детей. В 1782 г. по выбору покойного генерал-фельдмаршала графа П.А. Румянцева-Задунайского принят в Коллегию иностранных дел из студентов Киевской Академии в том же звании и отправлен оным фельдмаршалом к Константинопольской миссии. В августе 1785 г. определен к Кандийскому Консульскому посту вторым драгоманом. В 1787 г. за отлучкою отсюда Генерального консула Шпалкгабера, оставался там Поверенным по консульским делам. По объявлению тогда же турками России войны, прибыв в Триест, в 1788 г. был отправлен отсюда по предписанию бывшего в Вене посла князя Д.М. Голицына к находившемуся в Тоскане министру графу Моцениго для определения на имевший прибыть в Средиземное море Российский флот. В мае 1789 г. произведен в актуариусы. В июне 1790 г. пожалован в переводчики. В 1794 г. находился в действовавшей в Литве против польских мятежников Армии при главнокомандующем оной генерал-фельдмаршале князе Н.В. Репнине для исправления письменных дел и для переводов. В 1795 г. по приказу князя Н.В. Репнина был употреблен сверх исправлявшейся по Канцелярии его должности по делам при Польском Короле под начальством графа И.А. Безбородко и по секретным поручениям при вице-губер-

наторе И.Г. Фризеле и при директоре П.И. Литке. У сих трех препоручений находился по 4 февраля 1797 г., а при графе И.А. Безбородко по 4 ноября 1798 г. до окончания всех к нему относившихся Польского двора дел. В феврале 1797 г. пожалован в Коллежские ассессоры. В 1798 г. пожалован в Надворные советники. В мае 1800 г. был определен секретарем в Департамент казенных и текущих дел. В том же году пожалован в Коллежские советники. С 1811 г. исправляя секретарскую должность занимался польскими переводами. В 1819 г. назначен депутатом при Коллежском секретаре Жуковском по касающемуся до него следственному делу. В августе 1821 г. пожалован Кавалером ордена Св. Анны 2-ой степени. АВПРИ, ф. ДЛС и ХД, оп. 464, д. 2462, л. 1—9.

22. АВПРИ, ф. Константинопольская миссия, оп. 90/1, д. 984, л. 21—21об.
23. Там же, л. 5об.
24. Там же, л. 19.
25. Там же, ф. Сношения России с Турцией, оп. 89/8, д. 1073, л. 97об.
26. Там же, л. 97об.—98.
27. Там же, ф. Секретные мнения КИД, оп. 5/1, д. 582, л. 92об.
28. Там же.
29. Там же, ф. Константинопольская миссия, оп. 90/1, д. 817, л. 92об.
30. Там же, д. 1004, л. 146.
31. Там же, д. 817, л. 99—100.
32. Предположительно, Мехмет-паша, о котором Шпалкгабер упоминал в ряде своих донесений, в сентябре 1785 г.: «ежедневно ожидают приезда другого Паши из Каира» и в феврале 1786 г.: «Паша — старик, но очень живого нрава и большой весельчак. Занимал пост Великого визиря и проиграл битву в Дунайских княжествах генералу Вейсману» (фон Вейсенштейн). АВПРИ, ф. Константинопольская миссия, оп. 90/1, д. 984, л. 15об.—16. В апреле 1786 г. его заменил Сулейман-паша, прибывший из Кандии (в каждом административном округе был свой паша; резиденция наместника Крита находилась в Канее). Приблизительность данных о губернаторах Крита обусловлена тем, что замена Портой лиц, занимавших эту должность, осуществлялась почти каждый год.
33. Турнаджибаши — бригадир янычарского корпуса, старший офицер.
34. АВПРИ, ф. Сношения России с Турцией, оп. 89/8, д. 1073, л. 106—107об.
35. Там же, ф. Константинопольская миссия, оп. 90/1, д. 817, л. 92об.
36. Там же, д. 984, л. 7.
37. В переписке с русской миссией в Константинополе этот термин употреблялся применительно к пиратским объединениям, нападавшим на торговые суда в Средиземном море.
38. АВПРИ, ф. Константинопольская миссия, оп. 90/1, д. 880, л. 10—11.
39. Там же, д. 1004, л. 163.
40. Там же, л. 164.
41. Там же, д. 953, л. 16—17.
42. Там же, ф. Сношения России с Турцией, оп. 89/8, д. 2006, л. 1.
43. Там же, ф. Внутренние коллежские дела, оп. 2/6, д. 7180, л. 207об.
44. Там же, ф. Константинопольская миссия, оп. 90/1, д. 848, л. 3—3об.
45. Там же, ф. Сношения России с Турцией, оп. 89/8, д. 1089, л. 23.
46. Там же, ф. Константинопольская миссия, оп. 90/1, д. 984, л. 21об.
47. Там же, ф. Сношения России с Турцией, оп. 89/8, д. 1073, л. 106—106об.
48. Там же, ф. Константинопольская миссия, оп. 90/1, д. 984, л. 23об.—26об.
49. Там же, л. 21.

Феномен ударного и стахановского труда спецпереселенцев

Н.М. Игнатова

Аннотация. В работе рассматривается ударный и стахановский труд в спецпереселенческих регионах СССР, условия и организация их труда, мотивы ударничества в спецпоселках.

Ключевые слова: спецпереселенцы, ударники, стахановцы, стратегия выживания.

Abstract. The work discusses the strengthen and stakhanovite work in special resettlement regions of the USSR, the conditions and organization of work of the forced migrants, motives strengthen work in special settlements.

Key words: forced migrants, exemplary workers, stakhanovites, survival strategy.

В 1930—1950-е гг. в СССР в рамках репрессивной политики государства производились массовые насильственные перемещения различных групп населения. Впервые принудительные переселения (спецпереселения) в административном порядке были осуществлены в 1930-е гг. в ходе массовой коллективизации и раскулачивания. В 1930—1931 гг. было выселено с мест постоянного проживания в отдаленные районы страны 1 803 392 чел. «бывших кулаков» и членов их семей. Большинство имели статус спецпереселенцев, меньшую часть составили ссыльные (отправленные в ссылку на сроки) и административно-ссыльные (отправленные в ссылку навечно). В 1940-е — начале 1950-х гг. принудительному выселению подверглись разные категории репрессированного населения: депортированные (представители перемещенных народностей), военнопленные, репатриированные, интернированные, участники и члены семей националистических и религиозных организаций, высланные по различным указам и постановлениям и др.

Государственная политика спецпереселения подразумевала создание системы спецпоселений, как структур, способных обеспечить жизнедеятельность и высокую производительность труда спецпереселенцев. Однако условия жизни в спецпоселках сложились крайне неблагоприятные. Переселения были

Игнатова Надежда Максимовна — кандидат исторических наук, заведующая сектором Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН. E-mail: ignatova11@rambler.ru.

Ignatova Nadezda M. — candidate of historical sciences, head of sector of the Institute of Language, Literature and History, Komi Science Center, Ural branch of the RAS. E-mail: ignatova11@rambler.ru.

спланированными операциями, но подготовительные работы, как правило, оставались на бумаге. Первое время высланные жили в палатках, шалашах и землянках, и только потом перемещались в бараки, которые сами строили. Жилищная проблема была крайне острой, скученность и антисанитария в бараках вели к вспышкам эпидемиологических заболеваний. Самым болезненным вопросом в спецпоселках было снабжение продуктами питания, одеждой и обувью. В первые годы высылки люди практически голодали. Отсутствие нормальных жилищно-бытовых условий приводило к высокому уровню смертности.

Общее социально-бытовое положение спецпереселенцев не способствовало ударничеству. Существовали также проблемы, связанные с условиями и организацией труда, основными из которых были стихийные переводы с одного вида работы на другой, отсутствие знаний о нормах выработки и расценок. К тому же спецпереселенцы в основном попадали в непривычные условия труда: на лесозаготовки, в шахты, на рудники. Если они были заняты на работах в спецпереселенческих колхозах и совхозах, то, как правило, это были другие географические и метеорологические условия и иные методы ведения сельского хозяйства.

Условия организации труда оговаривались при заключении договоров о передаче спецпереселенцев производственным организациям в состав постоянных кадровых рабочих. Например, спецпереселенцы, переданные ГУЛАГом ОГПУ трестам системы лесной промышленности, закреплялись как постоянные кадры лесных рабочих. Официально на них распространялись все льготы постоянных кадровых рабочих¹. Согласно разъяснениям Наркомата лесной промышленности СССР от 1 января 1932 г., спецпереселенцы по условиям труда, зарплате, продолжительности рабочего дня, отпускам, снабжению одеждой, медико-санитарному обслуживанию приравнивались к вольнонаемным рабочим. На них распространялось право получать надбавку к зарплате в размере 25% за работу в районах Крайнего Севера². По постановлению Наркомлеса от 26 мая 1936 г. на лесозаготовительных предприятиях со спецпереселенцами в обязательном порядке должны были заключать индивидуальные договоры, и с этого момента шел отсчет трудового стажа на лесном предприятии³. Трудовой стаж должен был вноситься в трудовые книжки⁴.

Далеко не все из этих условий соблюдались. В январе 1937 г. по Троицко-Печорскому району Коми АССР из 695 чел. спецпереселенцев, используемых на работах, только 46 заключили индивидуальные договоры. Сами спецпереселенцы во многих случаях отказывались заключать договоры по двум причинам. В первую очередь, администрация не соблюдала своих обязательств по договору относительно зарплаты, которую задерживали, выдавали авансами и уравнилельно. Во-вторых, рабочие зачастую не использовались на работах, обусловленных договором, их могли перебросить с одного вида работ на другой или на подсобные работы. Также в документах отмечалось, что «спецпереселенцы своей зарплаты не знают, на руках у них имеются расчетные книжки, но в эти книжки никаких расчетов за сделанные лесорубами работы не произведено»⁵. Аналогичная ситуация наблюдалась в Средней Азии среди спецпереселенцев, работавших в сельском хозяйстве. В некоторых районах их не принимали в колхозы и не ставили на хозяйственный учет. Принятым в сельхозартель работникам не заводили трудовых книжек, они не знали, сколько ими выработано трудовой. Что касается оплаты труда спецпереселенцев, то, несмотря на рекомендации устанавливать выплаты «на равных условиях с другими членами колхозов», этого не было⁶.

Переброски с одного вида работы на другой были частым явлением, напрямую влиявшим на снижение производительности труда. В частности, в 1943 г. в отчетах Отдела труд(спец)поселений НКВД Коми АССР указывалось, что многие спецпереселенцы не выполняют дневные нормы «по вине администрации, которые часто переставляют рабочих с одной работы на другую» ⁷.

Низкая производительность труда была в том числе следствием того, что учебы и инструктажа для спецпереселенцев, что было крайне необходимо, на производстве не проводилось. Также сказывался недостаток инструментов, как правило занятые спецпереселенцы пользовались одним инструментом на несколько человек. Механизация производства, активно внедрявшаяся в различных производственных сферах в 1930—1940-е гг., до спецпереселенцев доходила с большим опозданием. Ручной труд был основой любой деятельности. На производственных участках большую роль играл низовой административный аппарат, то есть бригадиры и мастера, которые и должны были заниматься непосредственным обучением. Как правило, бригадирами и мастерами были сами спецпереселенцы, уже имеющие опыт работы. Но они были заинтересованы в своем индивидуальном выполнении норм больше, чем в обучении других высланных. Поэтому в основном производственные навыки осваивались спецпереселенцами самостоятельно.

На лесозаготовках были и специфические обстоятельства, которые также влияли на выработку. Например, при отведении лесных участков для спецпоселков в 1934 г. в Усть-Вымском леспромхозе Коми АССР в отведенных к рубке местах «леса оказалось только 25%» и меньше. В некоторых лесопунктах трудпоселки не принимали к рубке делянки, так как на этих делянках «нужных assortиментов леса не оказалось совсем». Запасы древесины в отведенных для трудпоселков делянках были определены неправильно, в 15 км на гектар, при том, что самые хорошие лесонасаждения давали не больше 10 км. В силу этого неправильно была применена норма расценок, и дневные нормы по рубке были трудновыполнимы ⁸. Иногда до вырубок, которые выделялись на дальних участках, приходилось добираться от спецпоселка за восемь-десять, а то и 40 км, отчего длительность рабочего дня уменьшалась, а значит, падала и производительность труда ⁹.

Жизненный уровень спецпереселенцев и их работоспособность напрямую зависели от объема зарплаты и своевременности выплат. Если зарплата выдавалась нерегулярно, то они не могли купить достаточно продуктов питания и жили впроголодь, даже при налаженном снабжении. Зарплата спецпереселенцам задерживалась до полугода. Дело ограничивалось лишь авансами, которые выдавались нерегулярно и достигали в основном трех-пяти рублей ¹⁰, общий диапазон был от 50 коп. до десяти рублей ¹¹. В 1940-е гг. спецпереселенцы не знали, сколько будет начисляться денег и за какой объем работы. В Жешартском леспромхозе Коми АССР в декабре 1943 г. фиксировалась следующая ситуация: «люди, особенно новые, впервые начавшие рубить лес, не представляют себе, что такое норма и неделями работают, не зная, что же они сделали; были случаи, что за полмесяца работы, добросовестно работающие люди получали всего 6 рублей или вместо 200 рублей — 50—60 рублей, а некоторые и вовсе не попадали в списки получения зарплаты» ¹². Исследователями отмечается подобное положение в Карелии: «Многим рабочим не выдавались наряды на работы и расчетные книжки, не доводились нормы и расценки, поэтому они не знали сумму своего заработка, получая зарплату мелкими авансами» ¹³, а в Средней Азии: «Спецпереселенцы не знали ни расценок, ни норм выработки, их обсчитывали на каждом шагу» ¹⁴. При правильной постановке работы ситу-

ация выглядела совершенно по-иному, как, например, в Палевицком леспромхозе треста «Вычегдолес» в Коми АССР в 1940 г. бригада спецпереселенцев, работавшая на строительстве дороги на лесоучастке Радбель, на одного человека зарабатывала один рубль в день. Одновременно на этом же участке под руководством бригадира из спецпереселенцев бригада из 10 человек при разъяснении им норм выработки и расценок, зарабатывала в день по пять рублей на одного человека¹⁵.

Спецпереселенцам, занятым на многих производствах полагалась спецодежда, в равной степени, как всем кадровым рабочим. Однако обувь и одежда либо не выделялись вовсе, либо не доходили до спецпоселков. Ввиду такого положения спецпереселенцы физически были не в состоянии работать. «Поработав день без обуви под дождем, ночью находясь в неотапленном помещении, в сыром бараке, не имея достаточного питания, люди начинают пухнуть и выходить из строя»¹⁶. Отсутствие зимней обуви приводило к большому количеству обморожений на работах в лесу. В 1941 г. в Кряжском механизированном лесопункте треста «Вычегдолес» Коми АССР начальник лесопункта из полученных 55 пар валенок не выделил ни одной пары для спецпереселенцев, а «распространил среди местного постоянного кадра и конторскими работниками», в итоге среди спецпереселенцев было зафиксировано 33 обморожения¹⁷. С похолоданием нормы выработки снижались до 30%. Если после заселения многие спецпереселенцы были готовы выполнить установленные нормы, то через некоторое время, как указывалось в документах, «из-за отсутствия сил нормы совершенно не выполняют»¹⁸.

Условия жизни и организация труда не способствовали появлению передовиков производства, однако вопреки обстоятельствам среди спецпереселенцев были те, кто выполнял и перевыполнял нормы, и многие из них имели звания ударников и стахановцев производства. В Коми АССР в 1937 г. среди 13 кандидатур по Усть-Куломскому леспромхозу, выдвинутых в мае 1936 г. на областной слет тысячников по лесозаготовке, из производственного аппарата бригадиров были два спецпереселенца из спецпоселка Вежаю. Они лично и их бригады выполняли дневную норму на 150—200% и неоднократно были премированы¹⁹. Один из бригадиров в 1941 г. стал председателем спецпереселенческого колхоза Вежаю²⁰. В 1946 г. в том же леспромхозе спецпереселенец-«власовец», работая на рубке, в октябре месяце за 25 дней выполнил 64 нормы, за что ему начислили зарплату в 26 292,50 рублей²¹.

В 1941 г. в Усть-Вымском и Корткеросском районах 231 чел. выработывал по 40 месячных норм, три спецпереселенца, «польских беженца», из спецпоселка Рабог выработали соответственно за сезон: один на рубке — 137 норм, и два на навалке — 75 и 96 норм. Отдельные бригады выполняли норму по рубке леса, ручной сплотке леса и такелажным работам на 160—250%²². В первом полугодии 1943 г. в Усть-Вымском районе из 318 трудоспособных трудпоселенцев²³ («бывших кулаков») 302 чел. выполняли и перевыполняли норму, в том числе имелось 43 стахановца. Отдельные рубщики в Кожвинском механизированном лесопункте Палевицкого лемпромхоза выполнили дневные нормы на 200—370%, их месячный заработок составил 1000—1100 руб., при средней зарплате 200—300 рублей²⁴.

Множество примеров ударного труда фиксировалось во всех спецпереселенческих регионах. В 1941 г. в Свердловской области из 35 669 работавших спецпереселенцев свыше 12 тыс. составляли стахановцы и ударники, на Нижне-Тагильском заводе 50% работавших были стахановцами и 25% ударниками²⁵. В Ворошиловском районе Фрунзенской области Казахстана в 1946 г. работали

51 стахановец и 70 ударников труда из числа выселенных балкарцев. В 1942 г. некоторые спецпереселенцы на промышленных предприятиях в Восточно-Казахстанской области значительно перевыполняли установленные нормы. Например, трудпоселенцы Шортандинской райкомендатуры, занятые на работе в тресте «Каззолото», нормы выработки выполняли на 200—600%. Стахановцы, работавшие машинистами экскаватора, землекопами, чернорабочими, кузнецами и слесарями, свои ежедневные нормы выработки отрабатывали на 196—245%. Спецпереселенцы в Западно-Казахстанской области, показывали высокие результаты труда в совхозах, вырабатывая по 200—256%. Исключительным примером является одна из спецпереселенок, работавшая в «Табаксовхозе», которая норму выработки выполняла на 800%, зарабатывая в месяц до 900 рублей²⁶.

В Киргизской ССР выдающегося производственного рекорда добился стахановец-бурильщик горного цеха комбината № 5 Министерства цветной металлургии спецпереселенец-чеченец. Став на стахановскую вахту в честь дня Победы, он выполнил сменное задание: 7 мая — на 1033%, заработав 1370 руб., 8 мая — на 1430%, заработав 1963 руб., и перекрыл все ранее установленные на комбинате рекорды. На этом же комбинате трудились 415 чел. спецпереселенцев, средняя выработка которых в первом квартале 1946 г. составляла 130%, работавшие в горном цехе комбината 165 чел. вырабатывали норму на 150%. Многие стахановцы выполняли нормы более чем на 200%. В военные и послевоенные годы на шахтах Кызыл-Кия, Сулюкта, Таш-Кумыр и других в основном трудились женщины и дети, среди них было немало чеченцев и ингушей. Они выполняли производственную программу выработки на 100—600%, а на руднике Сурьма из 45 рабочих спецпереселенцев 35 чел. являлись стахановцами. В г. Кызыл-Кия средняя выработка спецпереселенцев по горному цеху шахты № 6 составляла 141%. На руднике Чаувай Молотовского района Ошской области трое чеченцев выполняли норму на 200—250%, на руднике Хайдаркан Фрунзенского района Ошской области бурильщик из спецпереселенцев перевыполнял норму в 4—5 раз, за месяц зарабатывая 3700 рублей. За хорошую работу он получил приветственную телеграмму от наркома цветной металлургии СССР²⁷.

В Черемховском районе Иркутской области спецпереселенцы работали на шахтах. Несмотря на то, что «крестьянам, привыкшим работать под открытым небом, было очень страшно в подземелье, с едва светящейся керосиновой лампой Вольфа», забойщик шахты № 5 в 1934 г. с июня по декабрь держал выработку нормы на 107—132%. Многие спецпереселенцы, высланные из Хакассии, трудившиеся на шахтах, были ударниками и стахановцами. Среди них были и десятитысячники, которые вырабатывали за смену 10 т угля. На предприятиях треста «Апатит» Мурманской области в 1934 г. отдельные спецпереселенцы выполняли годовой план на 130—151%. Спецпереселенец забойщик рудника им. С.М. Кирова выдавал за смену до 30 т руды вместо 8—9 т по норме. На 1 января 1933 г. на предприятиях г. Хибиногорска был 1691 ударник труда и 95 ударных бригад из числа спецпереселенцев. На 1 января 1935 г. звания ударника были удостоены 4266 спецпереселенцев, что составляло 41,6% от общего числа работавших спецпереселенцев²⁸. В Карело-Финской ССР на Кондопожском бумажном комбинате в 1945 г. из 700 спецпоселенцев, занятых на основных строительных и монтажных работах, 430 чел. установленные нормы выработки выполняли на 100—150%²⁹.

Ударничество было распространено и среди спецпереселенцев, которые работали в колхозах. В Мурманской области, в трудпоселке совхоза «Индустрия», на центральной ферме (станция «Апатиты») в 1938 г. работало 514 чел.,

три лучшие ударницы-доярки выполняли дневные задания на 115—120%³⁰. В 1942 г. в колхозе «Прожектор» Сысольского района Коми АССР сбор зерновых был на 16 т больше, чем в 1941 году. На уборочных работах все выполняли нормы на 100—200%³¹. В Южно-Казахстанской области, в совхозах Пахта-Арал 56 трудпоселенцев выполняли нормы выработки на 200%, а один из трудпоселенцев — на 256%, зарабатывая в месяц 500 рублей. По Каучуксовхозу № 2 насчитывалось 28 стахановцев и 65 ударников³².

При явном несоответствии условий жизни ударному труду спецпереселенцев, мотивы повышения работоспособности лежали не только в правильной расстановке рабочей силы, организации производственного процесса и политико-разъяснительных беседах о повышении трудовой дисциплины, мерах, которые, по мнению партийных и государственных органов власти, были основными в деле повышения производительности труда. Один из них состоял в том, что не выполнявшие нормы спецпереселенцы могли быть оштрафованы или осуждены за саботаж. В Коми АССР на 1 апреля 1941 г. за нарушение трудовой дисциплины по Приказу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. было осуждено 362 чел. — из них 256 чел. к ИТР и 106 к тюремному заключению. В военный период аресты в Коми АССР за саботаж были постоянным явлением. В 1942 г. к исправительным работам было привлечено 63 чел. и еще 13 арестовано. В первом полугодии 1943 г. за саботаж было осуждено 29 чел., а во второй половине 1943 г. — 63 человека³³.

Основным мотивом для спецпереселенцев было то, что ударный труд гарантировал более высокий уровень жизни самого работника и более высокий процент выживаемости его семьи. Нормы выработки были непосредственно связаны с продовольственным обеспечением. Те, кто выработывал больше нормы, имели не только выше зарплату, но и дополнительное обеспечение в ларьках спецпоселков.

Помимо повышенной зарплаты стахановцы могли получить премию, материальные подарки и другие поощрения. Например, в 1935 г. лесозаготовительная женская бригада спецпереселенцев Балткомбината НКВД была награждена денежной премией за систематическое перевыполнения норм в течение двух лет³⁴. В 1945 г. в Пайском лесопункте Прионежского района Карельской АССР за хорошие показатели свыше 50 спецпереселенцев получили денежные премии и подарки³⁵. По данным исследователя В.Я. Шашкова, материальные формы поощрения широко применялись на предприятиях треста «Апатит» и судах объединения «Мурманрыба». За перевыполнение промфинплана и принятых социалистических обязательств на предприятиях Хибиногорска было премировано: в 1932 г. — 2059 спецпереселенцев, 1933 г. — 2570, 1934 г. — 2170 чел., за эти три года было выдано денежное вознаграждение 6799 спецпереселенцам. На предприятиях объединения «Мурманрыба» наиболее добросовестных спецпереселенцев премировали по два раза в год. Сумма единовременно денежного вознаграждения доходила до 500 рублей³⁶.

Положенная всем спецодежда выдавалась зачастую только стахановцам, им предоставлялись улучшенные жилищные условия, их могли поселить в отдельный стахановский барак, выделить дополнительное питание. Премии могли выдаваться хромовыми ботинками, костюмами и другими предметами, недоступными для рядовых работников в спецпоселках, по воспоминаниям спецпереселенцев, было «просто счастьем получить материалу и сшить какую-нибудь одежку»³⁷. Все эти обстоятельства были большим стимулом для ударного труда.

Высшим поощрением от органов власти были правительственные награды. В 1947 г. в Иссукульской области Киргизии 122 балкарца получили медаль за

доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 годов³⁸. В Лениногорском районе Казахстана «Медалью за доблестный труд в период Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» были награждены 18 чеченцев и ингушей³⁹. В 1948 г., когда было учреждено звание «Почетный шахтер», многие «бывшие кулаки», работавшие на шахтах в Иркутской области, получили это звание. Среди спецпереселенцев, удостоившихся звания «Почетный шахтер», были награжденные орденом Ленина. В 1947 г. в Карело-Финской ССР около 500 чел. были награждены правительственными наградами СССР за добросовестное отношение к труду, активное участие в строительстве оборонных сооружений в годы Великой Отечественной войны. В 1949 г. в газете «Восточно-Сибирская правда» был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР от 28 мая 1949 г. «О награждении орденами и медалями передовиков сельского хозяйства Иркутской области». Орденом Ленина за высокий урожай был награжден бригадир спецпереселенческого колхоза «Новая жизнь», орденами Трудового Красного знамени — помощник бригадира и один из комбайнеров⁴⁰.

Высшей наградой для самих спецпереселенцев было досрочное восстановление в правах гражданства и возможность выехать из спецпоселка. По Постановлению ЦИК СССР от 3 июля 1931 г. выселенные «бывшие кулаки» по истечении пяти лет с момента выселения могли быть восстановлены во всех гражданских правах, «если они в течение этого срока покажут на деле себя честными и добросовестными тружениками и докажут, что прекратили борьбу против всех мероприятий советской власти»⁴¹. В дополнение к этому документу ЦИК СССР издал в феврале 1932 г. постановление о досрочном (до истечения установленного 5-летнего срока с момента выселения) восстановлении в гражданских правах отдельных групп в составе спецпереселенцев (ударников производства, в первую очередь, из числа молодежи)⁴².

При возбуждении ходатайства о восстановлении в гражданских правах необходимо было составить характеристику на каждого переселенца (отдельно от администрации, парторганизации, профорганизации, райкоменданта РО-УНКВД), затем поставить вопрос перед президиумом райисполкома, и только потом весь материал направлялся в Областной исполнительный комитет ВКП(б) для рассмотрения⁴³. Кроме того, при решении вопроса об освобождении спецпереселенцев УНКВД в отдел трудпоселений при Облисполкоме предоставлялись личное дело, справка о наличии или отсутствии компрометирующих материалов, политико-деловая характеристика и заключение УНКВД о возможности освобождения из спецпоселка⁴⁴.

Спецпереселенцев рекомендовалось восстанавливать «в порядке повседневного и тщательного подбора лучших ударников на производстве и сельском хозяйстве, проявивших себя активно в общественной работе и порвавших со своим прошлым»⁴⁵, «доказавших своим общественно-полезным трудом на производстве лояльность» к советской власти⁴⁶. В период до 1934 г., когда они могли покинуть спецпоселки, восстановленных было крайне ограниченное число. В 1932—1933 гг. по г. Хибиногорску Мурманской области было восстановлено в правах гражданства 175 человек⁴⁷. В 1932 г. по Северному краю (Архангельская, Вологодская и Коми автономная области) было досрочно восстановлено в избирательных правах 53 спецпереселенца из ударников и бригадиров лесозаготовительной промышленности⁴⁸.

25 января 1935 г. ЦИК СССР издал постановление «О дополнении к постановлению ЦИК СССР от 27 мая 1934 года», по которому восстановление в гражданских правах высланных кулаков не давало им право выезда из мест

поселений. Спецпереселенцы потеряли возможность покинуть пределы района расселения при восстановлении в гражданских правах, однако могли выбирать места работы и места жительства в пределах района. В 1940 г. из 317 513 трудпоселенцев («бывших кулаков») по СССР было учтено 40 496 чел., восстановленных в гражданских правах до 5 декабря 1936 г. и находившихся в трудпоселках на 1 июля 1940 года. С 1938 г. приоритет в восстановлении в правах имели дети спецпереселенцев, достигшие 16 лет. Но ударников производства восстанавливали в правах и в 1940-е годы. Например, в 1941 г. в Орджоникидзевском крае из числа трудпереселенцев, работавших на строительстве Невинномысского канала, 93 чел. за ударную работу особым совещанием при НКВД СССР были освобождены из трудссылки⁴⁹.

Необходимо указать на то, что стахановцы и передовики были лишь небольшой, исключительной частью. Показательной и типичной была ситуация на Сыктывкарском лесозаводе Коми АССР. В 1941 г. на завод поступило 977 чел. спецпереселенцев-поляков. На 1 июля 1942 г. на заводе из 276 чел., работавших на производстве, 44 были стахановцами, то есть перевыполняли норму, но более половины вообще не справлялись с дневными нормами⁵⁰. В отчете по спецпереселенцам — «бывшим кулакам» — за второе полугодие 1942 г. отмечалось, например, что выполнявших нормы на 150—200% по Железнодорожному и Сысольскому районам Коми АССР было 250 чел., в том числе 10 стахановцев, при этом среди 304 спецпереселенцев — немцев и финнов — работавших в рабочих колоннах, выполнявших дневную норму было только 2 человека⁵¹. В 1943 г. по Восточно-Казахстанской области из 4723 чел. (мужчин и женщин), занятых на работах в промпредприятиях, было учтено 36 стахановцев и 577 ударников⁵². То есть 4110 чел. работали со средними показателями.

Подобная ситуация со стахановским движением была и среди свободных работников. В частности, Пермский (Мотивилихинский) оружейный завод, где насчитывалось 4500 стахановцев (треть от общего числа), в середине 1930-х гг. не выполнял производственный план⁵³.

Руководители предприятий были заинтересованы в том, чтобы число стахановцев, многократно перевыполнявших план, было наибольшим, независимо от того были это вольные работники или спецпереселенцы. По мнению исследователя М.А. Фельдмана, по своей сути стахановское движение носило искусственный и агитационно-пропагандистский характер, прикрывая в реальности возросшую интенсивность труда советских промышленных рабочих⁵⁴. Спецпереселенцам — ударникам «социалистического труда» — вручались почетные грамоты, их «популяризировали через местные газеты и фотовитрины»⁵⁵, ударные бригады в годы войны удостоивались звания «фронтowych бригад».

В целом следует отметить, что выжить и жить дальше — было основной задачей высланных на спецпоселениях, и труд по-стахановски был наилучшим приемом стратегии выживания. Ударники и стахановцы имели возможность не только улучшить материальное благосостояние, но и повысить свой социальный статус, получить возможность карьерного роста в рамках труд(спец)поселков, а также восстановить утраченное социально-правовое положение.

Статья подготовлена при поддержке Программы комплексных фундаментальных исследований УрО РАН, проект 15-15-6-47 «Стратегии и практики освоения и заселения Европейской Арктики: локальные и кросскультурные процессы в исторической динамике».

1. Национальный архив Республики Коми (НА РК), ф. Р-374, оп. 1, д. 2, л. 100.
2. ШАШКОВ В.Я. К вопросу о выселении раскулаченных семей в Северный край в 1930—33 гг. — История Отечества. 1996, № 2, с. 152.
3. НА РК, ф. р.-144, оп. 1, д. 3371, л. 29.
4. Там же, ф. р.-143, оп. 1, д. 66, л. 1.
5. Там же, ф. п.-1, оп. 3, д. 355, л. 14, 30.
6. АККИЕВА С.И., САМПИЕВ И.М. Депортации народов Северного Кавказа в 1940-ые годы как фактор диаспоризации и модернизации. — Современные проблемы науки и образования. 2013, № 6.
7. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 9479, оп. 1сч, д. 131, л. 226.
8. НА РК, ф. р.-3, оп. 1, д. 2478, л. 15.
9. Там же, ф. п.-1, оп. 3, д. 729, л. 52.
10. Там же, д. 671, л. 90.
11. Там же, ф. р.-605, оп. 4, д. 40, л. 116.
12. Там же, ф. п.-1, оп. 3, д. 977, л. 95—100.
13. ВАВУЛИНСКАЯ Л.И. Участие спецпоселенцев в восстановлении экономики Карелии. URL: <http://severnoe-trehrehchie.ru>.
14. АККИЕВА С.И., САМПИЕВ И.М. Ук. соч.
15. Там же, д. 729, л. 24.
16. Там же, д. 671, л. 51.
17. ГА РФ, ф. 9479, оп. 1сч, д. 74, л. 184.
18. НА РК, ф. п.-1, оп. 3, д. 178, л. 61; д. 729, л. 3—4.
19. Там же, д. 216, л. 86.
20. Там же, д. 779, л. 112—117.
21. Там же, оп. 4, д. 260, л. 47.
22. ГА РФ, ф. 9479, оп. 1сч, д. 74, л. 184, 215.
23. В 1940-е гг. спецпереселенцы — «бывшие кулаки» — стали именоваться «трудпереселенцы», «трудпоселенцы»; поселки, в которых они проживали — «трудпоселки». В целом высланные в 1930-е гг. раскулаченные и члены их семей обозначались как «трудссылка».
24. ГА РФ, ф. 9479, оп. 1сч, д. 131, л. 226.
25. Там же, д. 74, л. 19.
26. ЖАНГУТТИН Б.О., КАЛЫБЕКОВА М.Ч. Спецпереселенцы Казахстана: трудовые армии, рабочие колонны, батальоны. 1941—1945 гг. — Научно-практический журнал «Российские регионы: взгляд в будущее». 2015, № 2(3).
27. БЕГАЛИЕВ С.И. Прием и расселение в Киргизской ССР депортированных народов Северного Кавказа (чеченцев и ингушей) в годы Великой Отечественной войны. — Вестник КРСУ. 2010, т. 10, № 8.
28. ШАШКОВ В.Я. Вовлечение спецпереселенцев в трудовое соревнование и ударничество. URL: <http://helion-ltd.ru/spets-involving-sh/>.
29. ВАВУЛИНСКАЯ Л.И. Ук. соч.
30. ШАШКОВ В.Я. Вовлечение спецпереселенцев в трудовое соревнование и ударничество.
31. ГА РФ, ф. 9479, оп. 1сч, д. 106, л. 45.
32. ЖАНГУТТИН Б.О., КАЛЫБЕКОВА М.Ч. Ук. соч.
33. ГА РФ, ф. 9479, оп. 1сч, д. 74, л. 182; д. 106, л. 44; д. 131, л. 226; д. 133, л. 258.
34. ГУЛАГ в Карелии. Сб. документов и материалов. 1930—41 гг. Петрозаводск. 1992, с. 114.
35. ВАВУЛИНСКАЯ Л.И. Ук. соч.
36. ШАШКОВ В.Я. Вовлечение спецпереселенцев в трудовое соревнование и ударничество.

37. КИРИЛЛОВА Г.К. Черемховские спецпереселенцы в годы великой отечественной войны. URL: <http://www.pribaikal.ru/more/article/3806.html>.
38. БЕГАЛИЕВ С.И. Ук. соч.
39. АККИЕВА С.И., САМПИЕВ И.М. Ук. соч.
40. КИРИЛЛОВА Г.К. Черемховские спецпереселенцы в годы великой отечественной войны.
41. НА РК, ф. р.-3, оп. 1, д. 2460, л. 45.
42. КРАСИЛЬНИКОВ С.А. Спецпереселенцы: «правовое положение» в бесправном обществе. — Гуманитарная наука в России: соросовские лауреаты, М. 1996, с. 92.
43. НА РК, ф. р.-144, оп. 1, д. 3213, л. 7.
44. КИРИЛЛОВ В.М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920—1950-е годы. Т. 2. Нижний Тагил. 1997, с. 159—160.
45. НА РК, ф. р.-144, оп. 1, д. 3166, л. 50.
46. Там же, ф. р.-3, оп. 1, д. 2496, л. 26.
47. ШАШКОВ В.Я. Вовлечение спецпереселенцев в трудовое соревнование и ударничество.
48. НА РК, ф. р.-374, оп. 1, д. 1, л. 1.
49. ГА РФ, ф. 9479, оп. 1сч, д. 62, л. 29; д. 74, л. 19.
50. НА РК, ф. р.-605, оп. 4, д. 91, л. 82.
51. ГА РФ, ф. 9479, оп. 1сч, д. 106, л.43
52. ЖАНГУТТИН Б.О., КАЛЫБЕКОВА М.Ч. Ук. соч.
53. ФЕЛЬДМАН М.А. Место стахановского движения в предвоенной советской истории. — Вопросы истории. 2015, № 8, с. 11.
54. Там же, с. 16.
55. ЖАНГУТТИН Б.О., КАЛЫБЕКОВА М.Ч. Ук. соч.

Освобождение бывших офицеров из советских концентрационных лагерей в 1920—1922 гг.

Р.М. Абинякин

Аннотация. В работе рассматривается освобождение бывших офицеров из советских концлагерей с целью их использования для пополнения Красной армии. Выявлены, систематизированы и проанализированы нормативные и статистические материалы, характеризующие мотивации, динамику и общее количество освобожденных в 1920—1922 годах.

Ключевые слова: бывшие офицеры, концлагеря, Красная армия, Революционный Военный Совет, Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (ВЧК).

Abstract. In the work is considered liberation of the former officers from the Soviet Concentration Camps as the policy of using them for reinforcement of the Red Army. Revealed, systematized and analyzed are the normative and statistical materials which characterize motivation, dynamics and the total number of the liberated in 1920—1922.

Key words: the former officers, the concentration camps, the Red army, the Revolutionary Military Council, All-Russian Special Commission (ASC).

Изучение политики большевистского режима в отношении бывших белых офицеров зародилось в 1990-е гг., однако базировалось в основном на отрывочной фактологии и эмоциональной избыточности¹. Лишь в последнее время появились более содержательные публикации. Некоторые из них обращаются к общим вопросам — принципам и нормативным основам как собственно репрессивного аспекта, так и ограничениям служебного и социального характера². Другая тенденция — исследование региональной конкретики периода Гражданской войны и первых послевоенных лет³, а также обращение к 1930-м гг. и рассмотрение репрессий против белогвардейцев в контексте «Большого террора»⁴. По сути, пока происходит первичное накопление фактического материала, далекое от обобщающего анализа.

Лагеря принудительных работ, как места отбытия уголовных наказаний и изоляции потенциально опасных лиц (как правило, на определенный срок или «до окончания Гражданской войны»), возникли в 1919 году. Однако уже с

Абинякин Роман Михайлович — кандидат исторических наук, доцент, докторант Орловского государственного университета им. И.С. Тургенева. E-mail: taurus.ra75@yandex.ru.

Abinyakin Roman M. — candidate of historical sciences, associate professor, doctoral candidat of the Orel State University named after I.S. Turgenev. E-mail: taurus.ra75@yandex.ru.

начала 1920 г., после поражения войск адмирала А.В. Колчака, а затем и Вооруженных Сил на Юге России, возникла проблема пребывания на советской территории многочисленных пленных и перебежчиков. Поэтому они начинали использоваться как лагеря военнопленных, причем главной функцией становилась повторная, более тщательная фильтрация⁵ после первичных проверок особыми отделами ВЧК на фронтах.

Парадоксально, но обобщенными сведениями о численности бывших белых офицеров на советской территории не располагали ни военные, ни даже чекисты. В частности, официальный ответ Центрального архива Федеральной службы безопасности в 2011 г. гласил: ЦА ФСБ «статистическими сведениями по запрашиваемой тематике не располагает»⁶. Введенная в научный оборот в 1988 г. А.Г. Кавтарадзе цифра 9660 бывших белых офицеров⁷ является наиболее значимой, однако охватывает далеко не всех. Сюда входили лишь освобожденные и намеченные к освобождению лица на тот момент, без отражения дальнейшей динамики, так как все предыдущие списки аналогичного характера составлялись во Всероссийском Главном Штабе именно по этому принципу⁸.

Вместе с тем, материалы военного ведомства довольно информативны. Они не только отражают динамику и характер пополнения РККА бывшими офицерами, освобожденными из заключения, но и позволяют косвенным образом восстановить географию и специфику концентрационных лагерей этого периода.

Первым нормативным документом, упорядочившим вопросы проверки, распределения и изоляции белых офицеров, стал приказ Революционного Военного Совета Республики № 278 от 18 февраля 1920 года. Бывшие офицеры подлежали первичному опросу в разведывательных органах штабов армий. Оттуда они передавались в специально создаваемые особые комиссии при армейских реввоенсоветах, осуществлявшие «точный поименный учет, прием в распределителях и дальнейшую эвакуацию к местам назначения» в лагеря принудительных работ. Допускалось также направление «в распоряжение Особого отдела при РВС армий или флотов для отсортировки»⁹.

Приказ РВСР № 774 от 7 мая 1920 г. кардинально изменил прежние пересыльные полномочия особых комиссий. Теперь они проводили основную фильтрационную работу — откомандировывали «тех, лояльность которых будет в достаточной степени выяснена», сразу в трудовую или Красную армию, а невыясненных и подозрительных лиц направляли в лагеря принудительных работ. Кроме того, в их компетенции было полное освобождение инвалидов по результатам освидетельствования, освобождение из лагерей и направление на принудительные работы по месту жительства. В приказе подчеркивалось, что все «постановления, принятые по отношению к военнопленным офицерам, утверждаются Особым отделом ВЧК»¹⁰.

Однако уже в апреле 1920 г. военное ведомство выразило четкую заинтересованность в использовании части заключенных офицеров в рядах Красной армии. В докладной записке Управления по командному составу Всероглавштаба № 52 от 15 апреля 1920 г. говорилось: «По имеющимся сведениям, в концлагерях содержатся в заключении лица командного состава, значительному числу из коих не предъявлено определенного обвинения». Мотивируя их большим командным и административно-хозяйственным стажем и занятием ответственных должностей в старой армии, полагалось «настоятельно необходимым использовать некоторых из них теперь же» в РККА. Более того, предлагалось не просто их освобождение из лагерей, но предоставление «соответствующих их служебному стажу должностей»¹¹.

С одной стороны, предложение было довольно смелым и даже выглядело как превышение полномочий, так как вторгалось в сферу политическую, а само освобождение бывших офицеров из заключения сразу трактовалось как бесспорная необходимость. Военные явно критиковали огульно-превентивные репрессии чекистов. Но, с другой стороны, речь в документе шла о сравнительно немногочисленном контингенте генералов и кадровых старших офицерах, отправленных в концлагеря без конкретных обвинений, а об их принадлежности к белому движению не упоминалось вообще.

Офицеров, находившихся в заключении, можно условно разделить на две основные группы: военнопленные и перебежчики, а также прочие бывшие офицеры, в основном изолированные в 1918—1919 г. и к белым отношения не имевшие. Наконец, во второй половине 1920 г. среди заключенных появились немногочисленные бывшие офицеры, попавшие в польский плен в качестве командиров РККА, бежавшие из него и помещенные в лагерь до выяснения обстоятельств, например, бывший прапорщик 405-го пехотного Львовского полка Н.И. Шпитальский¹². Впоследствии даже интернирование в Польшу считалось основанием для приравнивания к бывшим белым и особого учета, а в начале 1930-х гг. — и для увольнения из армии¹³.

До начала 1920 г. в концлагерях бывших офицеров насчитывалось сравнительно немного, так как подавляющее большинство было мобилизовано в РККА. Анализ документов позволяет выявить основания для направления в концлагерь: деятельность до 1917 г. — участие в борьбе с революционным движением; общая политическая неблагонадежность (монархические убеждения, антисоветская агитация и т.п.); совершение общеуголовных преступлений; совершение воинских преступлений на службе в Красной армии, прежде всего дезертирство. Так, в Ярославском лагере военной каторги содержалось не менее 22 бывших офицеров данной категории¹⁴.

К сожалению, воспоминаний бывших офицеров о пребывании в концентрационном лагере почти не осталось. Это и неудивительно. Так как они всячески скрывали или, по крайней мере, не афишировали свое белогвардейское прошлое, хранение подобных материалов было опасным, а возможность публикации — вообще немислимой. Довольно подробно о пребывании в Костромском концлагере рассказал полковник Ф.И. Елисеев — знаменитый командир Корниловского конного полка, которому удалось впоследствии бежать за границу. Любопытно, что он приводит чужие рассказы о расстрелах, однако его собственные впечатления никоим образом не изображают «ужасы большевизма»: «Нам выдали пилы, колуны, лыковые лапти и нарядили на работы... Никто за нами не следил... Мы были совершенно свободны, ходили в город, куда хотели»¹⁵. Почти дословно совпадают и его рассказы о лагере в Екатеринбурге: фактическое расконвоирование, разрешение отпусков для местных (офицеров-колчаковцев) и т.п.¹⁶ Мемуары Елисеева достаточно объективны, так как были написаны и изданы в эмиграции и явно не ограничивались цензурными или самоцензурными рамками. Воспоминания же корниловца капитана А.Р. Трушновича гораздо более мрачные, хотя речь в них идет не о концлагере, а о пребывании под арестом в ЧК по подозрению в заговоре¹⁷.

Весьма ценны записки поручика В.С. Гвоздева, оказавшегося в заключении несколько позже. Вернувшись из эмиграции в 1922 г., он попал в фильтрационный лагерь, который в принципе мало отличался от лагеря военнопленных. По крайней мере, его психологическое состояние позволяет провести вполне закономерные параллели. В Новороссийске «пользовались полной свободой», которая сменилась довольно жестким режимом в «ростовском особом отделе»¹⁸,

откуда перед освобождением он попал в губотдел ГПУ — тоже с почти бесконвойным режимом. В частности, на уборку улиц офицеры направлялись по одному без всякого сопровождения. Как вспоминал Гвоздев, все время, свободное от физических работ, «в угнетающем бездействии я бесконечно валялся на жестком ложе, предаваясь то мрачным раздумьям, то безудержным мечтам о спокойной и сытой жизни»¹⁹.

Освобождение бывших офицеров из лагерей — немногочисленное, но заметное — фактически началось в феврале-апреле 1920 г., еще до инициатив Управления по комсоставу. Частично это осуществлялось в ходе амнистий ко второй годовщине Октябрьской революции²⁰, частично — как решение местных комиссий, которые, очевидно, рассматривали дела не только бывших белых. В результате было освобождено не менее 202 бывших офицеров из лагерей в Астрахани, Иваново-Вознесенске, Калуге, Костроме, Нижнем Новгороде, Петрограде, Рязани, Саратове, Северодвинске, Тамбове, Твери, Ярославле и Подмоскowie (Владыкинского и Новоспасского), а также из Владимирской губернской тюрьмы²¹. Все освобожденные незамедлительно получили назначения в РККА.

В апреле-мае 1920 г. началось освобождение из концлагерей и бывших белых офицеров. Уже к концу июня на свободу вышло не менее 2514 офицеров — военнопленных и перебежчиков, а всего было освобождено не менее 2821 человека²².

Прослеживая динамику освобождения бывших белых офицеров, можно восстановить примерный перечень концлагерей и даже выявить различия между ними. Часть белогвардейцев направлялась в «общие» лагеря принудительных работ, однако большинство вначале сосредотачивалось в специально созданных уже в 1920 г., как правило, неподалеку от недавних фронтов или крупных советских штабов, и выполнявших фильтрационно-пересыльные функции. Даже если судить по первоначальному количеству освобожденных, самыми крупными были Вологодский (785 офицеров), Илецкий (432), Омский (879), Орловский (207) и Тульский (175), а также как минимум два московских — Кожуховский (72) и Покровский (74)²³. Подчеркнем, что речь идет только об освобожденных, тогда как общее число заключенных офицеров было гораздо больше. Так, из Орловского концлагеря (смешанного состава) до октября 1920 г. на службу в Красную армию было направлено не менее 207 бывших белых офицеров, тогда как всего через него прошло не менее 743 лиц данной категории. С учетом последующих контингентов из Илецкого лагеря их было освобождено не менее 732, из Омского — не менее 1817, из Тульского — не менее 348²⁴.

По состоянию на 10 июля 1920 г. в РСФСР числилось 8702 бывших белых офицера — военнопленных и перебежчиков. Однако в концлагерях содержалось лишь 1565 из них (причем во Владимирском, Орловском и Рязанском лагерях 63 находились тоже в стадии передачи военному ведомству), а еще 1938 были «в ведении ВЧК», то есть еще проходили первичную проверку в Особых отделах Юго-Западного фронта, 5-й, 6-й, 7-й, 9-й и 14-й армий, а также Омской губЧК²⁵. Таким образом, 5262 были уже освобождены, что составляло 60,5% от их общего количества. Следовательно, в июне — начале июля 1920 г. из лагерей вышло еще 2748 бывших белых офицеров.

Освобожденные офицеры направлялись в Красную армию централизованно, через Управление по командному составу Всероглаштаба. Наиболее квалифицированные и опытные попадали в распоряжение центрального аппарата во-

енного ведомства — 1004 чел., в том числе в Мобилизационное управление — 46, в Центральное управление военных сообщений (ЦУПВОСО) — 511, в Главное управление военно-учебных заведений (ГУВУЗ) — 463 и в Управление Всеобща — 40. В штабы фронтов был направлен всего 51 офицер: Западного фронта — двое, Туркестанского фронта — 46, Юго-Западного фронта — трое. В распоряжении штабов военных округов состояли 2988 бывших белых офицеров, из них в Заволжском — 13, в Западно-Сибирском — 2002, в Московском — 110, в Петроградском — 395, в Приволжском — 3 и в Приуральском — 495. В прочих военных округах освобожденные белогвардейцы порой буквально молниеносно назначались в войска — в Орловском военном округе из 94 офицеров, переданных в РККА, 57 оказалось в запасных частях Орловского гарнизона. В ведении губернских военных комиссариатов пребывали 676 бывших белых офицеров: в Костромском — 289, в Омском — 56, в Саратовском — 20, в Тульском — 9, в Челябинском — 2, в Якутском — 5, а также в Сибирском окружном — 295²⁶.

К 15 августа 1920 г. в Управлении по командному составу Всероглавштаба числилось уже 9660 бывших белых офицеров²⁷, то есть за истекший месяц их было освобождено еще не менее 958. Имеется возможность проследить распределение 5789 из них.

В распоряжение центральных органов Военведа направлялось 1368 чел., в числе которых 491 — в ГУВУЗ, 35 — в штаб помощника Главкома по Сибири и 842 — в ведение Управления по командному составу²⁸. Следует иметь в виду, что последняя инстанция по мере надобности вскоре переназначала многих уже в войска. Штабы фронтов получили пополнения в количестве: 70 чел. — Западный и 54 — Юго-Западный. В распоряжение штабов военных округов передавалось 4034 бывших офицера, в том числе Беломорского — 175, Заволжского — 135, Московского — 3012²⁹, Орловского — 94, Петроградского — 315, Приволжского — 26 и Приуральского — 277. Отдельно от окружных пополнений губернские военные комиссариаты получили 107 чел.: Вятский — 3, Екатеринбургский — 12, Омский — 56, Пермский — 9 и Челябинский — 27. Кроме того, в распоряжение Народного комиссариата труда и трудовых армий поступило 246 человек³⁰.

В качестве примера можно привести сведения об освобождении из Орловского концлагеря, поскольку они сохранились достаточно подробно. Как упоминалось, к 10 июля 1920 г. в запасные части и военные учреждения Орловского гарнизона было передано 57 бывших белых офицеров, а в сентябре 1920 г. — еще 77, преимущественно на должность комвзвода. К 1 октября 1920 г. еще 73 офицера были направлены в Москву для передачи Управлению по командному составу Всероглавштаба³¹.

Впрочем, пребывание в распоряжении окружных штабов для большинства оказывалось кратковременным и прекращалось с назначением на фронт. Так, к 15 сентября 1920 г. в Московском военном округе числилось уже 1394 бывших офицера³², то есть как минимум 1618, или 53,7% от августовского количества, уже отбыли к месту дальнейшей службы. По Петроградскому военному округу эти цифры составили 88 и 227 (72,1% убывших) соответственно. Впрочем, вполне возможно, что сентябрьские цифры вообще отражают совершенно новые контингенты — вряд ли сотням «лицам комсостава» из бывших белых позволили бы долго находиться в тылу, тем более скапливаться в столичных округах. В этом случае только за месяц и только через Москву прошло не менее 4406 назначенных в Красную армию бывших белых офицеров.

Следовательно, в мае-декабре 1920 г. из концлагерей было освобождено не менее 15 517 бывших офицеров³³, в том числе 15 210 служивших у белых. Это вполне согласуется с известной цифрой 14 390 бывших белых офицеров, находившихся в Красной армии на начало 1921 года³⁴. Разница в 820 чел. позволяет косвенно выявить среди них примерную убыль — в основном количество погибших в рядах РККА. Не исключено, впрочем, что кто-то перебежал к противнику, а кто-то мог быть репрессирован в случае нелояльности, хотя имеются прямо противоположные свидетельства — об исключительной верности бывших белых офицеров, которая удивляла их красноармейских сослуживцев³⁵.

Но к весне 1921 г. провал планов «экспорта революции» в Европу и массовые выступления в РСФСР создали совершенно иную обстановку. При внутреннем использовании войск бывшие белые офицеры лишались даже псевдопатриотических мотиваций периода советско-польской войны и уже не внушали прежнего доверия. Завершение Гражданской войны и экономическая разруха заставляли всерьез задуматься о радикальном сокращении армии. Для основной массы бывших белых офицеров, служивших в Красной армии, это означало неизбежную демобилизацию. Гораздо более безопасным и эффективным становилось их трудоустройство в гражданской сфере.

Однако и для тех, кто находился в лагерях, ситуация начинала меняться. Прежде всего, под освобождение почти автоматически попадали заключенные на срок «до окончания Гражданской войны», особенно еще с начала 1920 г., тщательно отфильтрованные и уже не столь строго изолированные. Упразднялись целые концлагеря. Например, один из Екатеринбургских лагерей был закрыт сразу после окончания советско-польской войны, то есть весной 1921 года. По свидетельству полковника Елисеева, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к большевикам, «колчаковцы разъехались по своим городам и селам, вернулись к семьям»³⁶. Такая практика была нарушением, точнее говоря — фактическим смягчением порядка размещения и особого учета бывших белых, введенного приказом РВСР № 1728/326 от 4 сентября 1920 г., одним из основных требований которого было запрещение свободного передвижения по стране и избрания места службы и жительства, причем они не должны были совпадать с местами прежнего постоянного проживания и пленения³⁷.

Вместе с тем, по Екатеринбургу имеется и, казалось бы, противоположная информация: летом 1921 г. концлагерь там существовал на территории кирпичного завода с присвоением № 1, а лагеря № 2 и № 3 были открыты в Нижнем Тагиле и Верхотурье соответственно. Однако в действительности противоречия нет, так как из 6229 бывших офицеров, обвинявшихся в службе у белых, треть (иначе говоря, около 2070 чел.) была освобождена³⁸, и именно о них писал полковник Елисеев. Скорее всего, место их изоляции, расположенное совершенно в другом месте, — в большом двухэтажном здании с белыми колоннами, рядом с Воздвиженской площадью, напротив дома Ипатьева, — просто не имело официального статуса постоянного концлагеря.

Вторая волна освобождения бывших офицеров пришлось на осень 1921 г. — зиму 1922 г. и была связана с рядом региональных амнистий (на уровне ЦИК автономий, в частности, Горской АССР), по которым освобождались уроженцы соответствующих местностей независимо от места содержания. Ее венцом стала широкая всероссийская амнистия к 4-й годовщине Октябрьской революции. Общие данные по ней отсутствуют, но сведения по отдельным лагерям достаточно красноречивы. Так, в феврале 1922 г. по постановлениям

Губюста из Орловского концлагеря были освобождены 212 бывших белых офицеров, а оставлены в лагере всего трое заключенных этой категории³⁹.

На протяжении 1922 г. во всех местах заключения РСФСР находилось 3214 бывших офицеров⁴⁰. Это составляло 2,9% от их ориентировочного общего числа и 5,3% от бывших белых офицеров⁴¹. Следовательно, данный показатель является весьма умеренным, ибо в 1920 г. только в Екатеринбургской губЧК к заключению в концлагеря было приговорено чуть более 4 тыс. бывших белых офицеров (около 4030), а в 1921 г. содержалось всего 148⁴² или 3,7% от первоначального числа заключенных в Екатеринбурге.

Кроме того, среди заключенных присутствовали отнюдь не только «контрреволюционеры». Достаточно вспомнить, что за предыдущий год из РККА дезертировало 3577 лиц начальствующего состава (командного — 1681 и административно-хозяйственного — 1896), включая и бывших офицеров, а в целом за дезертирство было осуждено в 1921—1922 гг. 11 823 человека⁴³.

Таким образом, тенденция огульных репрессий бывших офицеров в РСФСР уже с 1920 г. была серьезно ограничена соображениями прагматизма и целесообразности. После окончания Гражданской войны необходимость пополнения командного состава РККА сменилась их использованием в качестве трудового ресурса. Поэтому за 1920—1922 гг. из концлагерей было освобождено подавляющее большинство заключенных офицеров, в том числе и белых.

Примечания

1. ЛИТВИН А.Л. Красный и белый террор в России: 1918—1922 гг. Казань. 1995; ТИНЧЕНКО Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР. 1930—1931 годы. М. 2000; ВОЛКОВ С.В. Трагедия русского офицерства. М. 2001.
2. ДМИТРИЕВ Н.И., РОГОВА Е.М. Нормативная база политических репрессий против белогвардейцев. Научные труды XVIII Международной конференции молодых ученых по приоритетным направлениям развития науки и техники. Екатеринбург. 2010, ч. 1, с. 339—342.
3. САРАН А.Ю. Лагеря принудительных работ на Орловщине в начале 1920-х годов. В кн.: Реквием: Книга памяти жертв политических репрессий на Орловщине. Т. 2. Орел. 1995, с. 20—27; РОГОВА Е.М. Бывшие участники Белого движения в концентрационных лагерях Среднего Урала. 1919—1923 гг. Научные труды XVI Международной конференции молодых ученых по приоритетным направлениям развития науки и техники. Екатеринбург. 2009, ч. 1, с. 364—367; ДМИТРИЕВ Н.И. Побег из застенка. — Белая армия. Белое дело: Исторический научно-популярный альманах (Екатеринбург). 2011, № 19, с. 98—121; 2012, № 20, с. 81—103.
4. ГЕНИНА Е.С. Преследование «бывших белых» в Кузбассе в 1930-е гг. как реализация сталинской идеологии репрессий. — Белая Гвардия: Альманах (Москва). 2001, № 5, с. 61—66; РОГОВА Е.М. Некоторые аспекты политики Советской власти в отношении военных специалистов и «бывших» белых во второй половине 1920-х — начале 1930-х гг. — Белая армия. Белое дело. 2011, № 19, с. 122—126.
5. САРАН А.Ю. Ук. соч, с. 22.
6. Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ЦА ФСБ РФ). Архивная справка № 10/А-А-1978 от 02.08.2011 г. о наличии сведений об общем количестве бывших офицеров и чиновников Белых армий, состоявших на особом учете ВЧК-ОГПУ в 1920-е — 1930-е годы.
7. КАВТАРАДЗЕ А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов: 1917—1920 гг. М. 1988, с. 171.

8. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 11, оп. 6, д. 312, л. 78—78об.; оп. 15, д. 37, л. 36; д. 44, л. 167—168, 240—242.
9. Там же, ф. 11, оп. 6, д. 312, л. 4.
10. Там же, л. 9.
11. Там же, оп. 15, д. 44, л. 1.
12. Там же, д. 41, л. 162.
13. Там же, ф. 37 837, оп. 21, д. 4, л. 38. Правда, отягчающим обстоятельством оказались туманные сведения, что интернированный «вел себя не как командир РККА».
14. Там же, ф. 11, оп. 15, д. 44, л. 16—20.
15. ЕЛИСЕЕВ Ф.И. Кубань в огне. — Кубанец. Донской атаманский вестник: Журнал истории казачества (Ростов-на-Дону). 1996, № 1, с. 20.
16. Там же, с. 21.
17. ТРУШНОВИЧ А.Р. Воспоминания корниловца: 1914—1934. М.-Франкфурт. 2004, с. 122—125.
18. Так в тексте. Возможно, подразумевается особый отдел штаба Северо-Кавказского военного округа.
19. ГВОЗДЕВ В.С. Трудное начало (Воспоминания). — Белая армия. Белое дело. 2008, № 16, с. 123—127.
20. РГВА, ф. 11, оп. 15, д. 41, л. 2; д. 44, л. 145.
21. Там же, д. 37, л. 36; д. 44, л. 1—242.
22. Подсчитано по: РГВА, ф. 11, оп. 15, д. 42, л. 3—316; д. 44, л. 1—242. Частое использование оговорки «не менее» в количественных показателях обусловлено тем, что впоследствии они могут незначительно увеличиться.
23. РГВА, ф. 11, оп. 15, д. 42, л. 3, 35—103, 171—283; д. 44, л. 50—131, 171—179, 182—194об., 206, 210.
24. Там же, оп. 6, д. 312, л. 78—78об.
25. Там же, л. 78—78об., 81.
26. Там же, л. 78—78об.
27. КАВТАРАДЗЕ А.Г. Ук. соч, с. 171.
28. РГВА, ф. 11, оп. 6, д. 312, л. 78—78об.; оп. 15, д. 42, л. 116—120; д. 45, л. 49—72, 96—102, 116—120.
29. По Московскому военному округу в большинстве документов бывшие белые офицеры и военные чиновники перечисляются общими списками, поэтому число собственно офицеров может быть незначительно меньше.
30. Подсчитано по: РГВА, ф. 11, оп. 15, д. 37, л. 36; д. 41, л. 2—772; д. 42, л. 3—316; д. 44, л. 1—242; д. 45, л. 2—155.
31. Государственный архив Орловской области (ГА ОО), ф. Р-1716, оп. 1, д. 35, л. 26, 51—51об.; РГВА, ф. 11, оп. 6, д. 312, л. 78—78об.; оп. 15, д. 47, л. 1—5.
32. РГВА, ф. 11, оп. 15, д. 47, л. 14—66.
33. Данная цифра складывается из 2821 чел., освобожденных из лагерей в марте-июне 1920 г., 5258 чел., определенных на службу в РККА на 10 июля 1920 г., 1559 чел., учтенных в Московском, Петроградском и Орловском военных округах в сентябре 1920 г., и 5879 чел., принятых в РККА с осени до конца 1920 года. В каждом из более поздних списков отражались лица, освобожденные и учтенные Управлением по командному составу за промежуточный период, поэтому вычисления не содержат двойного счета и повторов. В силу допустимости неполноты сохранившихся данных, они могут рассматриваться как минимум соответствующего количества и фактически быть несколько выше: так, за сентябрь 1920 г. обобщенные списки имеются, как видим, лишь по трем военным округам.
34. ЕФИМОВ Н.А. Командный состав Красной Армии. В кн.: Гражданская война 1918—1921 гг. Т. 2. М.-Л. 1928, с. 97.
35. ГАЗЕ Г.Ю. Белые офицеры и солдаты в наших рядах. Сб. воспоминаний к 4-й годовщине РККА. М. 1922, с. 83.

36. ЕЛИСЕЕВ Ф.И. Ук. соч, с. 21—22.
37. РГВА, ф. 7, оп. 1, д. 186, л. 4—6.
38. ДМИТРИЕВ Н.И. Ук. соч., с. 102—104.
39. ГА ОО, ф. Р-1716, оп. 1, д. 216, л. 46—49, 70.
40. Статистика репрессивной деятельности органов ВЧК-ОГПУ (1921—1934 гг.). — Военно-исторический архив. 2004, № 6, с. 102.
41. Ориентировочно считается, что в РСФСР осталось около 110 тыс. бывших офицеров, в том числе около 61 тыс. бывших белых. Впрочем, за счет убыли расстрелянных, особенно в Крыму и в первые месяцы 1921 г., их общее количество на 1922 г. может быть ниже. Беда, однако, в том, что точная убыль по этому направлению неизвестна. Весьма красноречиво колебание общего числа жертв крымских репрессий от 15 тыс. до 150 тыс. чел., причем доля офицеров среди них не указывается. См.: ВОЛКОВ С.В. Ук. соч, с. 317, 384, 398—399, 471.
42. ДМИТРИЕВ Н.И. Ук. соч., с. 102—104. Из 6229 бывших офицеров, обвинявшихся в службе у белых, в заключении оказалось, таким образом, 64,7%, а расстреляно было 122 человека (2,0%).
43. ЕФИМОВ Н.А. Ук. соч, с. 98; Статистика репрессивной деятельности органов ВЧК-ОГПУ (1921—1934 гг.), с. 100—102.

Противоречия между ОГПУ СССР и Наркомпросом РСФСР в сфере кинематографии

О.И. Капчинский

Аннотация. В настоящей публикации на основе документов исследуется проблема взаимоотношения двух важнейших ведомств — ОГПУ и Наркомпроса с его политическим органом — Главполитпросветом — по вопросу о контроле за кинематографией в середине 1920-х гг. Автор показывает противоречия между ОГПУ и ведомством просвещения, в частности, между находившимся под чекистским контролем Главреперткомом и Главполитпросветом Наркомпроса, в первую очередь, проявившиеся в споре об органе осуществления киноцензуры.

Ключевые слова: ОГПУ СССР, Народный комиссариат просвещения РСФСР, советская кинематография, цензура в области кино, Г.Г. Ягода, судебное-следственное дело работников кинематографии 1926 г.

Abstract. In this publication, based on the documents, examines the problem of relations between the two most important institutions — the People's Commissariat of the OGPU and its political organ — Glavpolitprosvet on the control of cinematography in the middle of 1920s. The author shows the contradiction between the OGPU and the Office of Education, in particular, between the General Repertoire Committee, which had been under the chekists control and the People's Commissariat of Education Glavpolitprosvet, primarily manifested in the dispute the authority of the film censorship.

Key words: OGPU of the USSR, the People's Commissariat of Education of the RSFSR, the Soviet cinema, censorship in the field of cinema, G.G.Yagoda, forensic investigative file workers of cinematography in 1926.

Тема цензуры зрелищных искусств, в частности кино в 1920-е гг., и роль в этом ОГПУ в той или иной мере рассмотрена в отечественной исторической литературе, в частности в работах Т.П. Коржихиной, Г. А. Бондаревой, публикациях Т.М. Горяевой, М.В. Зеленова А. Артизова и О. Наумова, в подготовленной группой киноведов «Летописи Российского кино»¹. Однако нуждается в изучении проблема взаимоотношения двух важнейших ведомств — ОГПУ и Наркомпроса с его политическим органом — Главным политико-просветительным комитетом (Главполитпросветом) — по вопросу о контроле

Капчинский Олег Иванович — кандидат исторических наук, доцент Академии труда и социальных отношений. E-mail: okap72@mail.ru.

Kapchinsky Oleg I. — candidate of historical sciences, associate professor of the Academy of Labour and Social Relations. E-mail: okap72@mail.ru.

за кинематографией. Даже Бондарева, уделившая в своей монографии немало места контролю ОГПУ в области зрелищных искусств, не рассматривает противоречия между этими учреждениями, а только между двумя главками Наркомпроса — Главным управлением по делам литературы и издательств (Главлитом) с подчиненным ему Главным управлением по контролю за зрелищами и репертуаром (Главреперткомом) и Художественным советом Главполитпросвета в 1923—1926 г. ². Автор пишет, что история умалчивает о подлинных причинах того, что перевод Главреперткома или хотя бы его киносекции в состав Главполитпросвета не состоялся ³.

В настоящей публикации на основе, как опубликованных разными авторами, так и неопубликованных документов Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Центрального архива Федеральной службы безопасности (ЦА ФСБ) сделана попытка осветить данный вопрос.

К середине 1920-х гг. сложилась следующая система партийно-советского контроля за кинематографией. Для осуществления художественно-идеологического руководства в этой области в РСФСР при Главполитпросвете Наркомпроса существовал Художественный Совет по делам кино, являвшийся в то же время и органом комиссии ЦК. Через этот Совет должны были проходить все сценарии. Он не только их оценивал, но и указывал пути их переработки. Киноорганизации имели свои художественные советы, задачей которых являлся выбор сценариев, работа над их созданием, а затем художественно-идеологическое руководство постановкой картин. После этого фильм просматривался Главреперткомом, входившим в Главлит Наркомпроса, выдававшим картине разрешительное свидетельство (паспорт). Художественно-идеологическая программа деятельности и производственный план кинообъединения при Наркомпросе — Госкино, имевшего две кинофабрики в Москве и одну в Ленинграде, должны были утверждаться ведомством А.В. Луначарского.

Попытки чекистского учреждения распространить свое влияние на кинематограф начались еще в марте 1922 г., когда в составе отдела военной цензуры было создано отделение, осуществлявшее контроль за зрелищными видами искусства. Спустя три с половиной месяца, после расформирования подотдела оно вошло на правах 1-го отделения (печать и зрелища) в организованный отдел Политконтроля, а в ноябре 1925 г. под тем же номером, но уже без функций контроля за печатью, — в объединенный Информационный и политконтроля отдел ⁴. В начале марта 1924 г. на первом собрании правления формирующейся Ассоциации революционных кинематографистов, одной из задач которой являлось воздействие на кинопроизводственные организации по идеологической и художественной линиям, был рассмотрен и решен вопрос о будущем вступлении в члены ассоциации группы чекистов «желающих принять активное участие в пропаганде и строительстве революционного кино» ⁵.

Следует отметить, что влияние ОГПУ в кино заметно усилилось после того, как в сентябре 1923 г. зампредом чекистского ведомства стал Г.Г. Ягода. 9 июля 1924 г. он обратился в ЦК РКП (б) к заведующему Агитационно-пропагандистским отделом С.И. Сырцову с запросом, касающимся недавно организованной при ЦК комиссии по руководству и политическому направлению кинодела в СССР. Ягода отмечал, что отдел Политконтроля ведет работу в общесоюзном масштабе и располагает материалом, который может быть полезным для этой комиссии. В то же время, в процессе работы возникает много вопросов, нуждающихся в согласовании с авторитетным для всего Союза органом. Органы же Наркомпроса в союзных республиках не были подчинены Наркомпросу РСФСР. В связи с этим Ягода заявлял, что его ведомство считает весьма желательным и целесообразным ввести своего представителя в эту комиссию в

интересах работы, о чем и ходатайствует, а Сырцова просит сообщить о решении ⁶. Решение, судя по всему, было положительное, поскольку помощник начальника отдела Политконтроля ОГПУ С.Н. Маркарьян вскоре вошел в Кинокомиссию. Вероятно, именно вышеуказанное обращение и его исполнение стали началом активного вмешательства не просто ОГПУ, а его зампреда в кинодеятельность. Так, уже 7 августа 1924 г. Ягода и Маркарьян отправили почтотелеграмму всем полпредствам ОГПУ, начальникам особых, областных и губернских отделов, в которой предлагалось срочно представить исчерпывающие характеристики на всех ответственных кинодеятелей соответствующего района, в частности уполномоченных, руководителей контор проката, режиссеров. Оценку, по мнению отправителей, нужно было дать с точки зрения политической, административной, хозяйственной и коммерческой, при этом приняв во внимание влияние нэпа на этих лиц, их связь с киносредой, степень полезности и кинематографический стаж. Ягода и Маркарьян просили местных чекистских руководителей сообщить, где и как можно использовать этих кинорботников ⁷. А 25 октября того же года зампред ОГПУ и помначполитконтроля предложили на местах выяснять номера разрешительных удостоверений на демонстрацию фильмов, кто и когда их выдал и, наконец, организацию, которой та или иная картина принадлежала. Кроме того, по требованию Ягоды и Маркарьяна, картины с пометкой «для центральных районов», «не для рабоче-крестьянской аудитории» надлежало снимать с экрана и присылать в Москву для вторичного просмотра Главреперткомом ⁸.

Ягodu о положении дел в кинематографии, по всей видимости, информировал его свояк (муж сестры) В.Ю. Мордвинкин. Журналист со стажем, в 1918—1919 гг. он работал главным редактором в Высшей Военной инспекции, Управделами которой был Ягода. Когда последний в ноябре 1919 г. стал Управделами Особого отдела ВЧК, для руководства Бюро печати он привлек Мордвинкина, а в 1920 г., управляя делами уже всей ВЧК, назначил его заведующим библиотекой Оперативного отдела и особоуполномоченным ⁹. Одновременно в 1919 г. Мордвинкин заведовал агитпропом Госиздата, затем находился в этом учреждении на редакторской работе, а в январе 1922 г. стал заместителем начальника Главлита при Наркомпросе ¹⁰. После образования в марте 1923 г. в системе Главлита Главреперткома Мордвинкин курировал киносекцию. Непосредственными же ее руководителями с марта 1923 г. до весны 1926 г. также являлись бывшие чекисты: до марта 1925 г. — А.Ф. Ретлинг, в начале 1920-х гг. — зампред одной из региональных ЧК, а затем — А.М. Синявский, в 1920—1923 гг. инструктор политотдела войск ВЧК-ГПУ Западного округа ¹¹.

С таким «чекистским» руководством Киносекция Главреперткома стала проводить свою, несколько отличавшуюся от наркомпросовской, линию в области цензуры. Так, 24 августа 1925 г. Главрепертком за подписью зампреда Мордвинкина и заведующего киносекцией Синявского отправил в Эксплуатационный отдел Совкино и копию в Политконтроль ОГПУ предложение в соответствии с указанием вырезать из «Знака Зерро» (имелся в виду Зорро) ряд сцен. Без указанных исправлений, предупреждали руководители ГРК, картина будет снята с экрана ¹². Совкино указания не выполнило и, повинувшись распоряжению Мордвинкина и Синявского, в кинотеатрах появились сотрудники ОГПУ, которые отрезали ножницами куски пленки с указанными кадрами. Это вызвало решительный протест со стороны Зампреда Совкино М.П. Ефремова, заведующего эксплуатационным отделом А.Г. Штокфиша и управляющего делами А.Н. Абросимова, которые обратились с соответствующими письмами в Главрепертком, Кинокомиссию ЦК и к замнаркома просвещения В.Н. Яковлевой ¹³. Руководящие работники Совкино задавали вопрос: «...может ли ГПУ находиться в руках одного, другого работника ГРК», которые к тому же спо-

собны «исходя из своего вкуса, своего кругозора, без заседаний... отдавать распоряжения о таких операциях, которые могут дискредитировать и ГПУ и ГРК»¹⁴.

Вполне естественно, что между действующими и отставными чекистами, находившимися на киноработе, с одной стороны, и работниками системы Наркомпроса — с другой, начались трения по вопросу организации киноцензуры.

30 сентября 1925 г. на заседании Кинокомиссии под председательством С.И. Сырцова такой вопрос был заслушан. Отмечалось, что киноорганизации страдают от того, что имеется два цензурирующих органа — Худсовет Главполитпросвета и ГРК, которые не увязаны друг с другом. Выход из данного положения выступивший заведующий Госкино С.А. Бала-Добров видел в объединении в одном кинооргане идеологического и производственного руководства. Мордвинкин согласился с тем, что цензуру нужно передать в один орган, но не в Художественный совет, как предлагали работники Госкино, а в Главрепертком, так как Худсовет, по его мнению, является нежизнеспособной организацией. Отвечая на обвинения в низкой квалификации главреперткомовских цензоров, он отметил, что все они кроме одного имеют среднее образование. Маркарьян решение проблемы бессистемного вмешательства ГРК видел в выработке для него перечня заданий с одновременным усилением цензуры. Представители Агипропа ЦК ВКП(б) Сырцов и переведенный им с Украины инструктор по художественной агитации, киножурналист А.Л. Курс согласились с необходимостью выработки четких директив для ГРК, чтобы исключить возможность невежественного вмешательства цензуры в кинокартины¹⁵. Однако противоречия между руководителями Госкино и чекистами преодолены не были, и вскоре оппонентами последних стали уже непосредственно работники Наркомпроса.

20 ноября 1925 г. Кинокомиссия, теперь уже под председательством Яковлевой, заслушала вопрос об объединении цензуры¹⁶. На этом заседании зампред Госкино Л.Ю. Кертес, как ранее его непосредственный начальник, выступил за объединение ГРК и Худсовета и предложил создать отдельный орган по киноцензуре при НКП, который будет решать вопрос и о сценариях и о картинах. Зампред Главполитпросвета В.Н. Мещеряков разъяснил, что суть дела не в разногласиях между его учреждением и Главреперткомом, а в неувязке, поскольку первый орган просматривает сценарий, а созданную по нему картину оценивает уже второй орган. В похожем ключе выступила и Яковлева, заявившая, что имеющееся в ГРК и Главлите смешение функций идеологического руководства и цензуры дискредитирует советскую власть, и предложила в связи с невозможностью отрыва задачи идеологического руководства от цензурных задач, решать последние на стадии просмотра сценариев Худсовету.

Маркарьян возразил работникам Наркомпроса, что передача части цензуры в Главполитпросвет будет ее ослаблением, для чего в данное время нет никакой надобности, и что ГПП в некотором отношении является заинтересованной организацией. Задача последнего, по его мысли, должна быть не цензурная, а направляющая, регулирующая: производственные планы, проекты, указания кинопроизводственным организациям. Высказал он и опасение, что, если этот орган будет еще и цензурным, то в интересах производства будет пропускать картины несоветской направленности, то есть ослабит цензуру, тем более, что умеющих толковать линию партийных и советских органов постановщиков не так много. Мещеряков возразил, что «у нас и так слабая цензура», поскольку из-за недостатка картин ГРК вынужден пропускать «хлам», и назвал утверждение Маркарьяна о заинтересованности Главполитпросвета недоразумением. «В чем мы заинтересованы? — вопрошал он. — Мы ничем не отличаемся от литературного Главлита. В киноцифрах заинтересовано Совкино (государственное акционерное общество, имеющее моно-

полию проката. — *О.К.*) — получить больше картин». Маркарьян заявил, что его не так поняли и он имел ввиду не материальную заинтересованность, а вероятные протесты режиссеров против того, что ГПП много на себя берет: и руководит, и направляет, и дает разрешение. По его мнению, ГПП и Худсовету нужно очень много работать в части направления деятельности худсоветов кинофабрик и контроля за ними, поскольку Госкино уделяет мало внимания своим фабрикам ¹⁷.

В результате этих дебатов Кинокомиссия не пришла к окончательным выводам, но постановила в целях упрощения цензурирования фильмов предложить Главлиту выделить своих представителей в Худсовет при ГПП. Яковлевой было поручено это решение оформить в виде постановления Наркомпроса ¹⁸.

Переломить ситуацию в свою сторону Ягоде и его соратникам удалось в середине следующего года. В апреле-мае 1926 г. ОГПУ было арестовано более 20 административных и творческих работников кинематографии, примерно половина из которых работала в кинопроизводственном учреждении при Наркомпросе — Госкино: в частности, в Бутырской тюрьме оказались директора обеих московских госкинофабрик. Подписка о невыезде была взята у заведующего Госкино С.А. Бала-Доброва и производственного директора этой организации А.В. Данашевского ¹⁹. До середины июня 1926 г., когда дело вело возглавляемое В.А. Збруевым 2-е отделение Экономического управления ОГПУ, руководителям киноорганизаций были выдвинуты, в частности, обвинения в преднамеренном доведении подведомственных предприятий до банкротства в целях передачи их в частные руки или в концессию ²⁰. Однако затем дело было отдано в 1-е отделение Информационного и политконтроля отдела ОГПУ. Можно предположить, что передачу произвел Г.Е. Прокофьев, который в то время одновременно возглавлял Экономическое управление и Информационный отдел. В ходе нового дознания, осуществляемого помощником начальника отделения Р.Э. Калькисом под общим руководством Маркарьяна, политические обвинения были полностью сняты и остались только куда более обоснованные должностные и хозяйственные: в нарушении режима экономии, растрате, раздувании штатов и так далее ²¹. 18 июня 1926 г. чекистское дознание было закончено и направлено для следствия в прокуратуру Верховного суда РСФСР. В течение лета-осени 1926 г. все арестованные были освобождены под подписку о невыезде, в отношении примерно половины из привлеченных к следствию кинематографистов дело было прекращено или выделено в отдельное производство ²².

Интересно, что в своем докладе замнаркомюста РСФСР и старший помощник Прокурора Республики Н.В. Крыленко, заручившись подписями зампреда Уголовно-судебной Коллегии Верховсуда РСФСР Н.М. Немцова и прокурора этой Коллегии Г.К. Рогинского, счел совершенно необходимым поставить на рассмотрение ЦКК несколько вопросов, в частности, о целесообразности вообще передачи дела Госкино в суд ²³. В резолюции Секретарь ЦКК Н.М. Янсон написал: «Поставить на секретариат 23 февраля. Вызвать гг. Крыленко и Менжинского...» ²⁴ Однако на заседание Секретариата ЦКК из ОГПУ прибыл не Менжинский, а Ягода в сопровождении Прокофьева, к тому времени возглавлявшего уже только ЭКУ, и Маркарьяна. Заслушав сообщение Янсона о бесхозяйственности в Госкино и Пролеткино, Секретариат постановил: считать целесообразным в срочном порядке направить это дело в суд, а Крыленко предложить обеспечить скорый его разбор ²⁵. Тем не менее, в начале марта дело было «спущено» из Верховного суда в нижестоящую инстанцию — Мосгубсуд, который после многодневных слушаний 22 апреля 1927 г. вынес приговор, согласно которому часть киноработников была оправдана, двое отделались общественным порицанием с объявлением в печати, а шестеро, в том числе четыре руководящих

работника Госкино, осуждены на сроки от 2-х месяцев до 1 года (например, Бала-Добров — на 6 месяцев), но от наказания были освобождены²⁶. Нужно отметить, что еще во время нахождения дела работников Госкино в прокуратуре, к Крыленко с развернутым и обстоятельным письмом в их оправдание обратилась замнаркома просвещения Яковлева, а председатель Главполитпросвета Мещеряков выступил с защитной речью уже во время судебного заседания²⁷, что свидетельствует о том, что противодействие ОГПУ и Наркомпроса по этому делу продолжалось и на следственной и на судебной стадиях.

«Кинодело» дало возможность Ягоде и ОГПУ в целом переломить ситуацию в свою сторону. Как пишет М.В. Зеленев, 16 июля 1926 г., выступая в прениях по докладу председателя Главреперткома — работника Наркомпроса, руководителя Художественного отдела Главполипросвета Р.А. Пельше, посвященному статусу и функциям ГРК, Маркарьян стал основным его критиком, обвинив Наркомпрос в либеральной политике, явившейся результатом неразберихи в театральном деле, невозможности цензурного оздоровления дела, бесхозяйственности в театрах. «Где будет ГРК, — заявил чекист, — мое ведомство больше всех заинтересовано, можно иметь его при НКП, но влияние наше должно быть обеспечено, я не несу иначе ответственности»²⁸. Следует отметить, что выдвинутые Маркарьяном в адрес НКП обвинения фактически относились не только к театральной, но и к кинополитике. 25 ноября 1926 г. «человек Наркомпроса» Пельше был заменен на посту руководителя ГРК «человеком Ягоды» Мордвинкиным, пересевшим из зампредовского в председательское кресло²⁹. Спустя две недели в резолюции Коллегии НКП, посвященной идеологическому руководству киноделом, указывалось, что ГРК должен контролировать не только текст, но и сценическое оформление как в отношении театра, так и кино. За художественным советом при Главполипросвете, совет по делам кино которого упразднился, были оставлены лишь функции идеологического руководства прокатом кинокартин, а идеологический контроль в отношении создания фильмов в РСФСР возлагался на Главрепертком³⁰.

Таким образом, говоря о месте чекистского ведомства в системе контроля за кинематографией, особенно в части осуществления цензурных функций в 1920-е гг., нужно отметить большую роль зампреда ОГПУ Ягоды и его ближайшего окружения, «переигравших», во многом благодаря делу «Госкино», Наркомпрос.

Примечания

1. КОРЖИХИНА Т.П. Извольте быть благонадежны. М. 1997; БОНДАРЕВА Г.А. Советская цензура зрелищ в период новой экономической политики (1921—1929 гг.). М. 2003; История советской политической цензуры: Документы и комментарии. М. 1997; Власть и художественная интеллигенция: Документы ЦК РКП(б)-ВКП(б), ВЧК-ОГПУ-НКВД о культурной политике. 1917—1953 гг. М. 1999; Летопись российского кино. 1863—1929. М. 2004.
2. БОНДАРЕВА Г.А. Ук. соч., с. 72.
3. Там же, с. 60.
4. КОКУРИН А., ПЕТРОВ Н. ГПУ-ОГПУ (1922—1928). — Свободная мысль. 1998, № 7, с. 110—111, 114, 122.
5. Летопись российского кино. 1863—1929. М. 2004, с. 434.
6. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), ф. 17, оп. 60, д. 752, л. 294.
7. Генрих Ягода. Нарком внутренних дел СССР, Генеральный комиссар государственной безопасности. Сб. документов. Казань. 1997, с. 108.

8. Там же, с. 324—325.
9. Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 130, оп. 5, д. 89, л. 564; РГАСПИ, ф. 17, оп. 9, д. 1867, л. 46; ПЕСИКОВ Ю. Негласно поднадзорный. О судьбе первого секретаря «Известий». — Журналист. 2007, № 2, с. 92.
10. БОНДАРЕВА Г.А. Ук. соч., с. 179—180.
11. РГАСПИ, ф. 17, оп. 9, д. 1935, л. 114; РГАЛИ, ф. 2496, оп. 2, д. 10, л. 80.
12. РГАСПИ, ф. 17, оп. 60, д. 755, л. 35.
13. Там же, л. 34, 36.
14. Летопись российского кино. 1863—1929, с. 494.
15. РГАСПИ, ф. 17, оп. 60, д. 737, л. 125.
16. Там же, л. 50—51.
17. Там же.
18. Там же, л. 51.
19. Центральный архив ФСБ (ЦА ФСБ), д. Р-37 146, т. 1, л. 226—227.
20. ГАРФ, ф. 374, оп. 27, д. 1170, л. 15об.
21. ЦА ФСБ, д. Р-37 146, т. 1, л. 213—225.
22. Там же, л. 354.
23. ГАРФ, ф. 374, оп. 27, д. 1170, л. 16.
24. Там же, л. 14.
25. Там же, л. 5—7.
26. Дело 16-ти. — Кино. 22.III.1927, с. 1; Процесс кинороботников. — Там же, 3.III, с. 1; 12.IV, с. 5; 19.IV, с. 4; 26.IV.1927, с. 1; Приговор оставлен в силе. — Там же, 2.VIII.1927, с. 1.
27. ГАРФ, ф. Р-374, оп. 27, д. 1170, л. 22—22об.; Процесс кинороботников. — Кино. 26.IV.1927, с. 1.
28. Открытый текст (Нижегородское отделение Российского общества историков-архивистов). textnn.ru/censorship/russia/sov/law/nkpros/1926/?id=2369&txt=1.
29. Там же.
30. БОНДАРЕВА Г.А. Ук. соч., с. 61—62.

Развитие нефтяной промышленности Азербайджанской ССР в 70—80-е гг. XX в.

Д.А. Бахрамов

Аннотация. В 1971—1975 гг. в нефтяной промышленности Азербайджанской ССР были достигнуты большие успехи. География осуществляемых в масштабах республики геолого-разведывательных работ значительно расширилась. Большой размах получили работы по выявлению новых месторождений нефти и газа в центральных и западных районах Азербайджанской ССР. В нефтяной отрасли усовершенствовались эксплуатационные работы с помощью передовых технологий.

Ключевые слова: нефтяная промышленность, передовые технологии, месторождения нефти и газа.

Abstract. In 1971—1975 years great strides were achieved in the production of natural and associated gas in the oil industry of Azerbaijan SSR. Geography of the prospecting works had expanded considerably on a Republic scale. The discovery of new oil and gas fields in the central and western regions of the Azerbaijan SSR got wide scope. In the oil industry with the help of advanced technology the exploitation works had been improved.

Key words: oil industry, advances technology, oil and gas fields.

Период после окончания второй мировой войны явился важным этапом в истории развития нефтяной промышленности Азербайджанской ССР. Наблюдался постоянный рост добычи нефти. Так, за период 1948—1970 гг. на нефтяных промыслах республики было добыто 435,1 млн т нефти ¹. Вместе с тем, анализ пятилетнего плана за 1966—1970 гг. показывает, что, за исключением 1970 г., государственный план нефтяной промышленностью Азербайджанской ССР не был выполнен. Для подобной ситуации имелись свои объективные и субъективные причины.

В годы войны 1941—1945 гг. в Советском Союзе было разрушено 72 тыс. городов и деревень, 32 тыс. промышленных предприятий, вышли из строя 65 тыс. километров железных дорог. Общая сумма ущерба, нанесенного советскому государству, составила 679 млрд рублей ². Для восстановления разрушенной

Бахрамов Джаби Амирвар оглы — доктор философии по истории, профессор, заместитель директора по науке Института истории им. А.А. Бакиханова НАН Азербайджанской Республики. E-mail: djabibaxramov@mail.ru.

Bahramov Djabi A. —PhD, professor, deputy director for scientific issues at the Institute of History named after A.A. Bakikhanov. Azerbaijan National Academy of Sciences. E-mail: djabibaxramov@mail.ru.

инфраструктуры, наряду с финансовыми средствами, требовались значительные энергетические ресурсы.

По окончании войны состояние нефтяной промышленности Азербайджанской ССР было тяжелым. Помимо мобилизации на фронт работавших в этой отрасли специалистов, к причинам сложившегося положения следует отнести консервацию обнаруженных месторождений, снижение производства, нехватку новой техники и технологий. Самым ярким показателем, характеризующим данное положение, было уменьшение, по сравнению с предыдущими годами, добычи нефти на 115 млн тонн³. Однако руководство СССР хорошо понимало важную роль нефтяной промышленности в деле восстановления нормальной жизни на территориях, подвергшихся разрушениям в результате войны. Поэтому, начиная с 1946 г., центральное правительство вновь стало обращать особое внимание на развитие нефтяной промышленности Азербайджанской ССР. Так, в результате принятых мер, в частности, увеличения капиталовложений в нефтяную промышленность, внедрения новой техники и технологий и, самое главное, ввода в эксплуатацию новых месторождений, удалось в корне изменить ситуацию в данной отрасли. 65% капиталовложений в нефтяную отрасль было направлено на разработку новых методов нефтедобычи. В 1949 г. началась добыча нефти в Каспийском море. В 1946—1953 гг. было выделено 68,3 млрд руб. на реализацию строительных работ в нефтяной промышленности⁴.

Пришедший к власти после смерти И.В. Сталина Н.С. Хрущёв, как и в других отраслях экономики, провел структурные и организационные изменения в нефтяной промышленности. В соответствии с решениями Верховного Совета СССР от 18 мая и Совета министров СССР от 13 ноября, а также Верховного Совета и Совета министров Азербайджанской ССР от 26 июля 1954 г., было создано Министерство нефтяной промышленности Азербайджанской ССР⁵. Однако, несмотря на принятие столь важного решения, в середине 1950-х гг. отношение центрального правительства к нефтяной промышленности Азербайджанской ССР ухудшилось. Дело в том, что некоторые политические силы в советском руководстве пытались доказать, что капиталовложения в развитие нефтяной промышленности Западной Сибири, Татарстана, Башкортостана и ряда других регионов являются более рентабельными. В результате, средства, выделенные в 1955 г. из союзного бюджета на развитие нефтяной промышленности Азербайджанской ССР в размере 1 545,8 млн руб., были урезаны на 50% и составили 700 млн рублей⁶.

Избранный в 1969 г. первым секретарем ЦК КП Азербайджана Г.А. Алиев неоднократно в своих выступлениях отмечал важное значение нефтяной промышленности не только для самой республики, но и для социально-экономического, стратегического и военного развития всего Советского Союза.

Причины сложившегося длительного застоя и тяжелого положения в столь важной для республики отрасли промышленности были связаны с ошибками, допущенными в ходе проведения геологоразведочных работ, распылением крупных финансовых и материально-технических средств, крайне неудовлетворительной работой буровых организаций, приведшей к многочисленным авариям. В итоге, план добычи нефти в 1970—1975 гг. был выполнен с недостачей на 1 млн тонн. Крайне слабая работа на старых нефтяных месторождениях также повлияла на снижение общего объема нефтедобычи.

В 1966—1970 гг. в нефтяной промышленности сложилось особенно тяжелое положение. Если в седьмой пятилетке по сравнению с шестой, производство нефти выросло на 18,8 млн т, то в восьмой прирост составил лишь 3,8 млн тонн. Подобное резкое снижение роста в нефтяной промышленности можно объяснить тем, что после 1966 г. уровень добычи нефти из года в год умень-

шался. За четыре года нефтедобыча снизилась на более чем 1,5 млн тонн. Выступая на Пленуме ЦК КП Азербайджана, Г. Алиев отметил, что уровень нефтедобычи, развитие нефтяной промышленности в целом непосредственно зависят от объема буровых работ. За период 1966—1970 гг. объем бурения скважин снизился на 1 млн метров. Из 272 скважин, на которых завершились буровые работы, 84 (или 31%) не были доведены до проектного уровня ⁷. Необходимо было «принять неотложные меры по проведению геологоразведочных и буровых работ, особенно в мезозойских отложениях, увеличить их запасы для повышения уровня добычи нефти и газа в будущем. Одновременно необходимо обратить особое внимание на разработку морских нефтяных и газовых месторождений» ⁸.

С 1970 г. развитие нефтяной промышленности Азербайджанской ССР получило новый импульс. В результате, уже в 1971 г. азербайджанские нефтяники впервые за столетнюю историю промышленного производства добились добычи 1 млрд т нефти ⁹. После принятия Бюро ЦК КП Азербайджанской ССР постановления от 17 февраля 1971 г. «О широком применении передового опыта буровых бригад в нефтяной промышленности и геологоразведочных учреждениях», география осуществляемых в масштабах республики подобных изменений значительно расширилась ¹⁰. Большой размах получили работы по выявлению новых месторождений нефти и газа в центральных и западных районах Азербайджанской ССР. В нефтяной отрасли усовершенствовались эксплуатационные работы с помощью глубинных насосов, стали применяться твердые, коррозионно-устойчивые наливные материалы. С помощью новейших конструкций гидроперфораторов, новых модификаций гидравлического раскола пластов удалось значительно повысить продуктивность скважин. Стал применяться метод одновременной и отдельной эксплуатации нескольких объектов из одной скважины. Были достигнуты большие успехи и в производстве природного и попутного газа. Если до войны газ использовался лишь как средство обогрева, то теперь он превратился в ценное сырье для химической, нефтехимической и других отраслей промышленности. Производственное объединение «Азернефть» выполнило план девятой пятилетки по производству газа за три с половиной года, а по добыче нефти — за четыре года и восемь месяцев. Сверх плана было произведено 2423 тыс. т нефти и 2,5 млрд кубических метров газа ¹¹.

Общий объем добычи нефти и газа в 1975 г. достиг 27,1 млн т, что превысило показатели 1941 года. Значительно возросла эффективность геологоразведочных работ, были обнаружены 8 нефтяных и газовых месторождений, а также 22 новых пласта. По сравнению с 1966—1970 гг. запасы промышленной нефти увеличились втрое, а газа — в два раза ¹².

1976—1981-е гг. считаются периодом достижения больших успехов в истории нефтяной промышленности Азербайджана. Особенно ускорились работы на старых месторождениях Апшеронского полуострова и в новых нефтегазовых районах республики. Значительно улучшились технико-экономические показатели объединения «Азернефть». Пятилетка качества и продуктивности открыла новую страницу в истории нефтяной промышленности Азербайджанской ССР. Правительство республики придавало большое значение будущим перспективам поиска нефтяных и газовых месторождений на суше и определило в связи с этим новые задачи. Среди них важное значение отводилось геологоразведочным работам. В 1977 г. началась промышленная разработка месторождения «Мурадханлы», которое характеризовалось сложным геологическим состоянием, неравномерным распределением по участку нефтяных запасов. Кроме того, все скважины со дня эксплуатации подверглись орошению.

Уже со второй половины 1970-х гг. работавшие на суше геологи-нефтяники перенесли центр тяжести буровых работ с Апшеронского полуострова в другие районы республики. На экономической карте Азербайджанской ССР появились перспективные месторождения нефти и газа «Каламеддин» и «Зайлы-Зейва». Однако по-прежнему эффективность геологоразведочных работ в республике была недостаточно высокой. Их налаживание могло бы принести экономике страны десятки новых месторождений. Наиболее перспективными являлись структуры «Ширингум», «Дуздаг-Гедакбоз», «Гаджинохур», «Гюрзандаг», «Кейрюк-Кейлан», «Палантекан», «Садждаг», «Демиртепе-Удабно» и другие. Между месторождением «Мурадханлы» и структурой «Кархулу» сейсмической разведкой были обнаружены участки «Зардаб», «Гедакгобу», «Амирархгарб», «Мюрсал» и «Халдан».

Перед нефтяниками была поставлена задача значительно повысить продуктивность нефтяных пластов. Эта задача была особенно актуальна для месторождений, которые находились в длительной эксплуатации. Анализ показывает, что наряду с сохранением традиционных методов разработки месторождений, в том числе метода закачки воды, для увеличения продуктивности проектируемых перспективных нефтяных месторождений использовались самые различные методы давления на пласты — водные, паровые, газовые, с помощью химических реагентов, созданием внутрипластовых очагов и т.д. Большинство этих методов были разработаны азербайджанскими учеными, и их продуктивность была достаточно высокой.

Первые успешные промысловые опыты по применению на нефтяных месторождениях различных растворов и активных компонентов были проведены еще в 30-е гг. XX века. Регулярное изучение тепловых и физико-химических методов повышения продуктивности нефти началось в 1960-х годах. Впервые метод создания внутрипластовых очагов путем закачки в водные слои был испытан в 1973 г. на участке «Ходжасан». Там во время испытаний было добыто 90 тыс. т нефти, что в 7—8 раз превышало добычу за предыдущие периоды. В 1978 г. на севере острова Пираллахи прошло испытание метода создания внутрипластового очага, что стало причиной увеличения в два раза объема добычи нефти по сравнению с 1975 годом.

Впервые в нефтяной промышленности Азербайджанской ССР метод закачки пара в нефтяные слои был использован в 1969 г. на участке «Ходжасан». В 1970 г. подобные работы были проведены на месторождении «Бинагади-Гырмак», а в 1974 г. — на «Пути Гушхана». В 1979 г. были завершены подготовительные работы к данному процессу на месторождении близ поселка Пираллахи. В результате применения теплопарового метода на этих объектах было дополнительно добыто 40% от общего объема нефтепродуктов.

Одной из наиболее важных сфер нефтяной промышленности Азербайджанской ССР являлась нефтепереработка. В 1966—1970 гг. ее объем возрос на 7,8%, термического крекинга — на 36%, каталитического крекинга — в 1,4 раза, коксования — в 10 раз. Для реконструкции нефтяной промышленности Азербайджанской ССР было выделено средств на общую сумму в 379 млн рублей. Государственная экспертная комиссия с целью получения за короткое время выгоды для экономики республики приняла решение о проведении поэтапной реконструкции в сфере переработки нефти. Было определено сосредоточить работу на двух нефтеперерабатывающих заводах. Наряду с реконструкцией существовавшей технической базы, ликвидацией морально и технически устаревшего оборудования, применением автоматизации, диспетчерских средств, механизмов урегулирования товарно-сырьевого, энергетического и водного обеспечения, в лучшую сторону изменились пожарная охрана условий труда, санитарно-гигиенические условия, повысился уровень культуры производ-

ства и защиты труда. В результате самоотверженной работы коллективов нефтеперерабатывающих заводов республики были достигнуты хорошие результаты.

Основными показателями перелома в развитии нефтеперерабатывающей отрасли промышленности Азербайджанской ССР стали проведенные в 1970-е гг. реконструкционные работы — строительство установки ЭЛОУ-АВТ-6, сдача в эксплуатацию двух установок по очистке масел от парафинов, возведение порта для приема поставок нефти с моря и т.д.

В 1976—1980 гг. на проведение реконструкционных работ в нефтяной промышленности было выделено в два раза больше капитальных средств, чем в предыдущие пятилетки. Переоснащение считалось одной из важнейших задач в государственных экономических планах.

В 1971—1975 гг. в результате проведения некоторых технических изменений на основе существовавшей технической базы объем переработки нефти значительно повысился даже без сооружения новых установок. Были проведены работы по усовершенствованию производственных технологий в каталитических крекингových установках.

98,7% продукции, произведенной в 1973—1974 гг. нефтяными заводами республики, прошли аттестацию, причем пяти видам был дан знак качества. В 1971—1975 гг. на 12% увеличилось производство бензина марок А-76 и АИ-93. Производились качественные двигательные и энергетические масла. В 1975 г. в Министерстве нефтехимической промышленности и на заводах Азербайджанской ССР были созданы службы стандартизации и качества. В 1976—1980 гг. на работы по реконструкции нефтеперерабатывающих заводов Баку было выделено значительно больше капитальных средств, чем в 1971—1975 годах¹³.

Первой продукцией, выпущенной в 1976 г. новым нефтеперерабатывающим заводом, стала установка для переработки нефти ЭЛОУ-АВТ-6. Ее сырьевая база находилась в районе озера Бёюкшор. Ввод в эксплуатацию данной установки позволил организовать переработку сернистой нефти и тем самым повысить сырьевые запасы этой отрасли, что имело большое значение в условиях дефицита моносернистого сырья. В результате улучшились экономические показатели по каждой переработанной тонне нефти. Завершение строительства на Ново-Бакинском нефтеперерабатывающем заводе (НБНЗ) второго производственного комплекса позволило повысить технический уровень производства и качество выпускаемого автомобильного бензина, приостановить выпуск низкокачественного бензина марок А-66 и А-72, значительно увеличить выпуск высококачественного бензина марок А-76 и АИ-93 и провести их через аттестацию с категорией высокого качества. Хотя Министерством нефтехимической промышленности СССР было заранее предусмотрено выделение капитальных средств для десятой пятилетки, это решение не помогло увеличить объем строительства в сфере нефтяной промышленности.

Правительство Азербайджанской ССР передало на рассмотрение в ЦК КПСС свои предложения о комплексе мер, направленных на развитие самых перспективных отраслей промышленного производства. Работы по реконструкции нефтеперерабатывающих заводов республики также предусматривались этим комплексом мер. В своем докладе на октябрьском (1976) Пленуме ЦК КП Азербайджана руководитель республики Алиев обозначил данный вопрос в качестве «важной проблемы»¹⁴.

В принятом ЦК КПСС и Советским правительством решении «О результатах рассмотрения предложений ЦК КП Азербайджана о развитии отдельных отраслей промышленности республики в 1976—1980 гг.» была определена программа динамичного и всестороннего развития промышленного производства Азербайджанской ССР, предусмотрены меры по фундаментальному совершен-

ствованию его структуры, комплексному социально-экономическому развитию городов и районов республики, обеспечению занятости населения, еще большему повышению его благосостояния.

Объем средств, выделенных на реализацию капитальной реконструкции нефтяных заводов, составил в 1966—1970 гг. 62,1 млн руб., в 1971—1975 гг. — 194,2 млн руб., в 1976—1980 гг. — 247 млн рублей¹⁵. В результате, в республике были построены и введены в эксплуатацию следующие основные нефтеперерабатывающие объекты:

1. Комплексное сооружение «Каталикриформинг» (на базе приобретенного за рубежом оборудования) на Ново-Бакинском нефтеперерабатывающем заводе (НБНЗ), что впервые в СССР предусматривало осуществление процесса непрерывной регенерации катализатора. Строительство сооружения было запланировано на 1977—1979 годы;

2. Сооружение ЭЛОУ-АВТ-6 (на базе приобретенного за рубежом оборудования) на Бакинском нефтеперерабатывающем заводе (БНЗ). Строительство установки планировалось на 1979—1980 годы;

3. Сооружение комплекса по очистке масел от парафина и асфальта (1978—1980 гг.);

4. Сооружение комплекса «Парекс» по получению жидкого парафина на БНЗ (на базе приобретенного за рубежом оборудования) (1979—1980 гг.);

5. Сооружение оборудования для производства электродного кокса методом медленного коксования на НБНЗ (1978—1980 гг.).

Кроме того, в 1976—1980 гг. была увеличена производственная мощность запущенных в эксплуатацию сооружений по холодной очистке масел от парафина и асфальта (1977—1980 гг.), а также завершено строительство щелочной мойки электрических линий, морских и железнодорожных топливозаправочных объектов (1978 г.), объектов по охране воды (1977—1979 гг.) и ряда других¹⁶.

В 1976—1982 гг. рост технико-экономических показателей нефтеперерабатывающей отрасли Азербайджанской ССР (в 1980 сравнительно с 1975 г.) нашел отражение в следующих цифрах (в %): общая продукция — 109,9; продажа — 117,6; производительность труда — 115,7; численность работников отрасли — 95,0; прибыль — 154,1.

В условиях полного использования запущенных в строй производственных установок (в 1981—1982 гг.) объем общей продукции должен был составить 763,3 млн руб., что было на 121,1 млн руб. или 18% больше объема выпуска продукции в 1975 году. Сравнительно же с 1970 г. рост составил 165,8 млн руб. или 40%. Объем продукции, произведенной для продажи, вырос на 21% по сравнению с 1975 г. и на 36% по сравнению с 1970-м. Численный состав обслуживающего персонала уменьшился с 7795 в 1975 г. до 6240 человек. Производительность труда выросла на 42%. В результате, в 1976—1980 гг. основные технико-экономические показатели нефтеперерабатывающей отрасли значительно выросли.

Известно, что добыча нефти со дна моря впервые в мировой практике была осуществлена в 1949 г. в Азербайджанской ССР. Максимальный объем добычи нефти в Каспийском море был зафиксирован в 1970 г. — 12,9 млн т, а максимальный объем добычи газа — в 1982 г. — 14,3 млрд кубометров. До этого были открыты и запущены в эксплуатацию крупные нефтяные месторождения на мелководных участках моря.

Открытие и ввод в эксплуатацию Нефтяных Камней сыграли значительную роль в развитии буровой и эксплуатационной техники, сохранении давления в пластах морских нефтяных месторождений. В мировой практике нефтяной промышленности нет аналога этому городу, фундамент которого был заложен в открытом море, в котловине, находящейся на расстоянии в более

чем 110 км от ближайшего побережья, являющейся разработанным нефтяным месторождением. Начиная с 1950 г. облик Нефтяных Камней и прилегающей к ним акватории Каспийского моря изменился до неузнаваемости. Были построены современные каменные здания, жилые дома гостиничного типа для нефтяников, корпуса общежитий, дворец культуры, магазины, столовые, больницы, кинотеатр, спортивные площадки и другие объекты.

Следует отметить, что в конце 1960-х гг. правительство СССР приняло решение о проведении геологоразведочных работ во всех секторах Каспийского моря. В 1970 г. было ликвидировано Министерство нефтяной промышленности Азербайджанской ССР и взамен его в республике были образованы два производственных объединения — «Азернефть» и «Каспморнефть». На ПО «Азернефть» были возложены геологическая разведка, бурение, разработка и эксплуатация месторождений, осуществление других работ на принадлежащей республике площади суши, а на ПО «Каспморнефть» (впоследствии — Всесоюзное производственное объединение «Каспморнефтегазпром») — решение аналогичных задач во всех секторах принадлежащей СССР акватории Каспийского моря. В том же году эта часть Каспийского моря была разделена на секторы между четырьмя республиками — РСФСР, Казахской ССР, Азербайджанской ССР и Туркменской ССР.

Технические средства, использовавшиеся на Каспии в 1970-е гг., дали возможность работать на морской глубине в 40 м и открыть на этой глубине нефтяные и газовые месторождения в перспективных структурах принадлежащего Азербайджанской ССР сектора Каспийского моря. Будущее развитие нефтяной и газовой промышленности республики зависело от поиска новых месторождений на еще больших глубинах моря. Поэтому в эти годы был приобретен ряд плавающих буровых установок типа «Хазар», позволявших осуществлять разведывательно-буровые работы на морской глубине 70 метров. В результате, были открыты газоконденсатные месторождения «Бахар» и «Булла-дениз».

Впоследствии в результате приобретения современных полупогружных установок «Шельф», дающих возможность вести работы на глубине 200 м, были расширены разведывательные работы на море. В 1980-е гг. количество плавающих буровых установок достигло 11, в результате эффективного использования которых в азербайджанском секторе Каспийского моря, на глубине 80—350 м были открыты богатые месторождения «Гюнешли» (1979), «Чыраг» (1985), «Азери» (1987), «Кяпяз» (1989) и другие.

Новинки, применявшиеся в нефтегазовой промышленности, вскоре дали свои результаты. За счет вновь открытых нефтяных и газовых месторождений запасы нефти выросли в 2 раза, а запасы газа — в 3. В 1975 г. общий объем добычи нефти и газа по республике достиг 27,1 млн т условного топлива. Между тем, чуть позже, за короткий период времени, заметно сократилась нефтедобыча. А в 1975 г. началась разработка газоконденсатного месторождения «Булла-дениз». В результате открытия новых газоконденсатных месторождений в 1981 г. в Азербайджанской ССР было добыто рекордное количество газа — 15 млрд кубометров. Часть газа, добываемого на этих месторождениях, отправлялась в те годы в соседние республики по трубопроводу «Дружба народов».

В 1975 г. на участке неиспользуемых нефтепромыслов в Балаханы приступили к строительству нефтяной шахты. Этот необычный способ был включен в программу «Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 гг.». Нефтедобыча шахтным способом, отличавшаяся в техническом и технологическом отношении от традиционных методов, могла увеличить нефтеносные возможности слоев при разработке малопродуктивных, потерявших свою природную энергию мелководных нефтяных грунтов. Однако

вследствие неразрешенности многочисленных технических проблем строительство нефтяной шахты было прекращено в 1986 году.

Необходимо затронуть еще один важный момент. В те годы нефте- и газодобывающие предприятия Азербайджана находились в подчинении у отдельных министерств СССР. Деятельностью ПО «Азернефть» руководило Министерство нефтяной промышленности СССР, а ВПО «Каспморнефтегазпром» — Министерство газовой промышленности СССР. Хотя в 70—80-е гг. прошлого века в азербайджанской части Каспийского моря были открыты новые перспективные месторождения («Гюнешли», «Азери», «Чыраг» и др.), на суше новые открытия не были зафиксированы.

Вопреки принимаемым мерам, с конца 1960-х гг. нефтедобыча в Азербайджанской ССР начала постепенно падать. Основными причинами этого были следующие: запасы нефти на знаменитых месторождениях, интенсивно эксплуатировавшихся на протяжении десятилетий, почти исчерпали себя; равных им по ресурсам и себестоимости новых месторождений открыто не было; добывать нефть из старых сухопутных месторождений становилось все более затратно. Между тем, нефтедобыча в Каспийском море требовала значительных финансовых затрат.

С другой стороны, в Западной Сибири, на территории Казахской ССР и в других регионах были обнаружены крупные нефтяные месторождения. Доля нефти, добываемой в Азербайджанской ССР, постепенно снижалась (с 39,1% в 1950 г. до 12% в 1960, а в 1970-х и 1980-х гг. она составляла соответственно 5,7 и 2,4%). Соответственно ослабевало и внимание Москвы к проблемам нефтедобычи в Азербайджанской ССР.

В заключение необходимо подчеркнуть, что советский период явился чрезвычайно важным этапом в истории нефтяной промышленности Азербайджана. Советское государство предоставило большие возможности для эффективного использования нефтяных богатств республики, создало соответствующую материально-техническую базу, вырастило поколения способных специалистов, профессиональных нефтяников, при участии которых были открыты новые богатые месторождения, применяло самые передовые способы добычи и переработки нефти. В этот период в Азербайджане получили стремительное развитие также нефтяное машиностроение, нефтехимия, энергетика и другие отрасли промышленности, была создана связанная с этими отраслями научно-техническая база. Даже в период продажи нефти и нефтепродуктов по самым низким ценам, экономика Азербайджанской ССР приносила прибыль. Среди 15 союзных республик Азербайджан, после РСФСР, был единственной республикой, работавшей с положительным сальдо.

Таким образом, в 70-х — первой половине 80-х гг. XX в. в истории нефтяной промышленности Азербайджанской ССР начался новый этап. В течение примерно 20 лет в республике были открыты 42 новые перспективные площади, созданы условия эксплуатации скважин на морской глубине в 6 км и глубже, установлены нефтедобывающие вышки с глубины 84 м, пробурены уникальные скважины на глубине 15 км. Значительно повысилась эффективность геологической разведки, были открыты 22 нефтяных и газовых месторождения. По сравнению с 1960-ми гг. промышленные запасы нефти возросли в 3, а газа — в 2 раза. Более половины нефтяных промыслов были автоматизированы.

Значительные работы, осуществленные в 1969—1987 гг. в азербайджанской нефтяной промышленности, сыграли неопределимую роль в становлении современной Азербайджанской Республики.

Примечания

1. Азербайджанская нефть в мировой политике. Баку. 1998, с. 135.
2. СУЛТАНОВ Ч.А. Выстояли бы СССР и Европа против фашизма в случае потери бакинской нефти? Баку. 2005, с. 6.
3. МУРАДВЕРДИЕВА Л.А. Бакинская нефть: уроки истории. Баку. 2006, с. 553.
4. Там же.
5. Архив политических документов при Управлении делами Президента Азербайджанской Республики (АПДУДПАР), ф. 1, оп. 56, д. 64 (66), л. 133.
6. МУРАДВЕРДИЕВА Л.А. Ук. соч., с. 356.
7. Азербайджанская нефть в мировой политике, с. 136.
8. Там же, с. 317.
9. Там же.
10. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 58, д. 72.
11. Азербайджанская нефть в мировой политике, с. 147.
12. АПДУДПАР, ф. 1, оп. 62, д. 23.
13. Азербайджанская нефть в мировой политике, с. 187.
14. Там же, с. 188.
15. Там же, с. 189.
16. Там же, с. 191.

Миссионерская деятельность православного духовенства Вятской губернии среди старообрядцев во второй половине XIX в.

В.В. Машковцева

Аннотация. В публикации рассмотрены особенности миссионерской деятельности православного духовенства Вятской епархии среди старообрядцев во второй половине XIX века. Автором проанализированы основные проблемы, возникавшие во взаимоотношениях православного клира и последователей староверия, выявлены их возможные причины и пути преодоления.

Ключевые слова: Русская православная церковь, старообрядцы, миссионерская деятельность, межконфессиональные отношения.

Abstract. The work describes the features of the missionary work of the Orthodox clergy of the Diocese of Vyatka among the Old Believers in the second half of the XIX century. The author analyzes the main problems arising in relations between the Orthodox clergy and followers of the Old Believers, found their possible causes and ways to overcome them.

Key words: Russian orthodox church, Old Believers, missionary activity, interfaith relations.

Организации миссионерской деятельности среди старообрядцев во второй половине XIX в. власти уделяли особое внимание. В рассматриваемый период несостоятельность исключительно репрессивной политики стала очевидной. Это привело к либерализации конфессионального курса государства, нашедшей свое выражение в издании ряда нормативно-правовых актов — «Правил о метрической записи браков, рождения и смерти раскольников» от 19 апреля 1874 г., указа «О даровании раскольникам некоторых прав гражданских и по отправлению духовных треб» от 3 мая 1883 г. и ряда других. В целях искоренения староверия представители властных структур стали активно сотрудничать с православным духовенством. Просвещение старообрядцев, их воссоединение с официальной церковью являлось одним из главных направлений миссионерской деятельности православных служителей культа.

Выступая на миссионерском съезде, проходившем в Казани в 1897 г., сенатор В.К. Саблер так сформулировал главные задачи миссионерства: предотвращать «совращение в раскол», изучать историю старообрядчества, следить за

Машковцева Виктория Вячеславовна — кандидат исторических наук, доцент Вятского государственного университета. Киров. E-mail: press-sl@vyatsu.ru.

Mashkovtseva Viktoriya V. — candidate of historical sciences, associate professor at the Viatka State University. Kirov. E-mail: press-sl@vyatsu.ru.

появлением новых течений в нем, уметь опровергать доводы староверов, а для этого хорошо знать учение Русской православной церкви, Священное Писание. Для успешной деятельности миссионеру необходим особый настрой, готовность к непрестанному труду, желание жить пастырством. Он должен «служить одной только истине и не работать тельцу златому»¹, являть собой пример высокой нравственности, быть смиренным, кротким, добродушным, избегать сурового, властного тона, чтобы расположить старообрядца к беседе.

Однако православные священнослужители в ходе своей работы сталкивались с целым рядом трудностей. В частности, старообрядцы негативно отзывались о нравственном облике православных священнослужителей (и адептов Русской православной церкви в целом), обвиняли их в корыстолюбии, стремлении получить материальную выгоду от своей деятельности. Отчасти их высказывания по данному вопросу действительно были справедливы. Большая часть священников, посвятивших себя работе со староверами, несомненно, являла собой пример высокой нравственности и безграничной преданности своему делу. Однако среди них были и те, кто злоупотреблял своим положением, не отличался твердостью духа.

В 1868 г. все губернаторы получили распоряжение собрать и предоставить в Министерство внутренних дел сведения о численности староверов, причинах усиления или, напротив, ослабления старообрядчества, деятельности старообрядческих служителей культа и т.п. Особого внимания заслуживают две поступившие в Министерство внутренних дел «записки» — пермского губернатора Б.А. Струве и бывшего архангельского губернатора князя С.П. Гагарина. Оба государственных чиновника отметили в числе главных факторов, способствовавших распространению старообрядчества, низкий моральный уровень духовенства. В частности, по мнению Струве, «раскол находит себе силу в крайней недостаточности нравственного влияния духовенства на народ, в его нередко соблазнительной, по своей распушенности, для народа жизни...»²

Помощник начальника Московского губернского жандармского управления в Богородском и Дмитровском уездах ротмистр Н.В. Васильев в подготовленном им политическом обзоре ситуации на подведомственной территории выразил убежденность в том, что противостоять старообрядческой пропаганде «трудно... и убежденному миссионеру, и уже совсем невозможно — уездным представителям господствующей церкви, которые или относятся к делам веры вполне индифферентно, или же своим образом действий и личным примером могут привести к последствиям совершенно противоположным тем, которые были бы желательны»³.

Подтверждения этому можно обнаружить и в отчетах вятских миссионеров. Например, прихожане села Новый Торьял Уржумского уезда жаловались на псаломщика Александра Макарова, который в церкви и на клиросе, и в алтаре «поминутно» нюхал табак⁴. Были недовольны своим пастырем — священником Кошурниковым — и прихожане села Чигиринского Нолинского уезда. Протоиерей Михаил Зубарев сообщил епископу Вятскому и Слободскому Агафангелу о «предосудительном и нетрезвом» поведении Кошурникова, несвоевременном отправлении им духовных треб. По решению Вятской духовной консистории, Кошурников был освобожден от управления Чигиринским приходом. Более того, ему запретили исполнять обязанности священнослужителя⁵.

Неправедная жизнь отдельных представителей православного духовенства приводила, порой, к тому, что сомневающиеся, колеблющиеся в вере адепты официальной церкви рассуждали подобным образом: «Как к такому попу идти на исповедь?! Лучше снесу свои грехи благочестивой старухе», и шли «спасаться перед смертью к старообрядческим наставникам и наставницам»⁶.

Справедливости ради следует подчеркнуть, что официальная церковь проводила большую работу по искоренению пороков своих пастырей, поскольку для прихожан они должны были воплощать собой пример высокой нравственности и духовной чистоты. В частности, представители духовенства направлялись в монастыри на епитимию. Такая мера применялась в отношении тех священно- и церковнослужителей, кто был уличен в злоупотреблении спиртным, неисполнении своих обязанностей (отправления треб и исполнения обрядов) или в совершении неблаговидного поступка. Например, в Вятский Успенский Трифонов монастырь в 1860-е гг. на епитимию ежегодно посылались от 20 до 30 чел. духовного звания. Впоследствии их численность сокращалась и в конце XIX — начале XX в. составляла уже лишь 2—3 священно- или церковнослужителя ежегодно ⁷.

В целях предотвращения финансовых злоупотреблений был принят ряд мер, которые коснулись, в том числе, представителей черного духовенства. Например, указ Св. Синода 1892 г. предписывал хранить монастырские деньги не в келье настоятеля (настоятельницы), а «в ризнице за ключом казначея и монастырской печатью», находившейся у архимандрита, и «раз в месяц при старшей братии слушать отчеты о приходах и расходах монастыря. Отныне брать деньги из казны разрешалось только в присутствии настоятеля и старшей братии». Весомые расходы должны были утверждаться епархиальным начальством ⁸.

Ярко выраженную непримиримую позицию по отношению к духовенству официальной церкви занимали старообрядцы, как правило, беспоповцы. Вероятно, это объяснялось их религиозными воззрениями, согласно которым со времен патриарха Никона в мире воцарился антихрист. Под антихристом первоначально подразумевались конкретные личности, в которых воплощался дьявол: патриарх Никон, царь Алексей Михайлович. К концу XVII в. появилось учение о «мысленном» или «духовном» антихристе, который уже пришел в мир и властвует, но незримо. В данном случае антихрист — это не определенное лицо, а символ, синтез всех отступлений от «старой» веры. Под власть антихриста попала православная церковь, что для приверженцев беспоповского толка означало «перерыв священства в Никонианской церкви», прекращение тайнодействий, оскудение благодати ⁹. С приходом антихриста православная церковь утратила свою истинность, благодать, святые таинства. Вследствие этого, по словам известного богослова Г. Флоровского, она вступила в новый этап своего бытия на земле — «бессвященнословное» состояние. Беспоповцы не допускали возможности дальнейшего существования института священства.

В отличие от беспоповцев, поповцы, хотя и верили в пришествие антихриста, но считали, что благодать не покинула церковь, так как не все священники признали новшества патриарха Никона и согласились с ними. Религиозный философ, исследователь старообрядчества С. Зеньковский в своем труде отмечал, что поповцы были убеждены в вечности церкви, в том, что «силы адавы не одолеют врата ее» ¹⁰. Они верили в то, что есть епископы, сохранившие верность «древнему благочестию».

Названными догматическими расхождениями было обусловлено и различие восприятия православного духовенства беспоповцами и поповцами. Если первые в большинстве случаев испытывали к нему враждебные чувства, то вторые относились «как к епархиальной власти, так и к православному духовенству почтительно, даже с уважением, к церкви православной благосклонно» ¹¹. Такую грань между двумя толками в старообрядчестве проводили миссионеры в своих отчетах.

Как правило, крестьяне в своих прошениях о разрешении им перейти в старообрядчество в числе первых причин указывали желание «избежать расхо-

дов на содержание духовенства»¹². Часто в их ходатайствах содержались жалобы на то, что православные служители культа, стремясь собрать со своих прихожан как можно больше денег за крещение, венчание, отпевание умерших и другие обряды, забывали о духовной стороне своей деятельности. Не ограничиваясь этим, по словам ходатайствовавших о переходе в староверие, они еще несколько раз в год собирали хлеб, шерсть, масло, яйца и другие продукты. В противном случае «угрожали проклятьем»¹³. Негативное отношение прихожан к корыстолюбию православных пастырей нашло выражение в пословицах и поговорках: «поп дерет и с живого, и с мертвого», «поповские глаза завидуши, поповские руки загребуши», «поп, что ни говорит, а все в карман глядит»¹⁴.

Действительно, православные священники порой преступали определенные границы в сборе денег с приходского населения. Это признавали и сами миссионеры. В частности, помощник епархиального миссионера, священник Николай Тихвинский сообщил епископу Вятскому и Слободскому Алексею о сложившейся неблагополучной обстановке в селе Новый Торьял Уржумского уезда. Приверженцы официальной церкви, высказывая свое недовольство работой православного клира, отметили, что «духовные не учат их и мало с ними разговаривают, на Пасхе и на Рождестве Христовом бегают из дома в дом, как настегаемые, берут с них деньги без всякой жалости»¹⁵.

Известны случаи, когда православные священники злоупотребляли излишней доверчивостью и простотой «инородцев», например, взымали с них непосильную плату за совершение религиозных обрядов. Подобного рода действия, безусловно, вызывали неприязнь и недоверие к духовенству со стороны православных прихожан. Этим пытались воспользоваться старообрядцы: в ходе бесед они всячески старались убедить православных в корыстолюбии их пастырей. Воздействовали старообрядцы и на удмуртов. Так, крестьянин деревни Юловской Никита Корепанов в присутствии священника А. Васнецова и своих соседей рассуждал: «Мы теперь молимся Христу и святым его, это хорошо, но для нас, вотяков, эта вера не под силу: больно расходно. За все отдай деньги. Раньше мы молились шайтану да расходу не знали. Нам лучше та старая вера. Вот и у староверов расходу не знают»¹⁶.

Однако подчеркнем, что данное суждение не вполне объективно. Старообрядческие священники тоже служили не бескорыстно. Они принимали от своих последователей не только деньги, но и зерно (хлеб), а также имели немалый доход от торговли восковыми свечами, лестовками из телячьей кожи, книгами. Таким образом, они оказывались материально более обеспеченными, чем православные служители культа¹⁷. Например, одним из распространителей старообрядчества в Глазовском уезде Вятской губернии являлся крестьянин починка Тарасенского Мухинской волости Козьма Чернышёв. Согласно сведениям, представленным вятскому губернатору миссионером Василием Сырневым, К. Чернышёв, исполняя обязанности священника, занимался перекрещиванием старообрядцев (вероятно, бывших adeptов Русской православной церкви, перешедших в лоно староверия) и «перевенчиванием» так называемых «сводных раскольнических браков». Миссионер подчеркнул, что Чернышёв совершал указанные выше религиозные обряды не бесплатно: стоимость первого составляла первоначально 50 коп. с человека, позднее — 30 коп., второго — от 6 до 15 рублей. Как правило, старообрядческое духовенство скрывало свою материальную зависимость от прихожан. Так, Чернышёв в ходе следствия отрицал, что брал деньги со староверов за совершение религиозных обрядов¹⁸.

Несправедливо было бы акцентировать внимание только на доходах, получаемых православным духовенством от религиозной деятельности. Для создания объективной картины необходимо иметь представление и об основных статьях расходов священнослужителей. Несомненно, в числе первых нужно

назвать траты на обучение детей в духовных учебных заведениях — училищах и семинариях, а также их содержание в данный период. Так, во второй половине XIX в. плата за обучение в Вятской духовной семинарии составляла 45 руб. в год за человека (а семьи священников были, как правило, многодетными). Кроме того, нужно учесть расходы на питание семьи, одежду и благоустройство дома. При этом, если рацион питания семьи духовенства был примерно сопоставим с крестьянской, то одежде священнослужители старались уделить особое внимание, считая, что она должна соответствовать их социальному положению. Немалые траты составляли расходы на приобретение книг и связанные с этим поездки в уездный или губернский город¹⁹. Следует иметь в виду, что при вышеперечисленных расходах далеко не все священнослужители получали жалование из государственной казны. По данным А.В. Скутнева, в 1869 г. на содержание причтов Вятской епархии было выделено 7984 рублей. За счет этого было обеспечено жалованием духовенство 30 церквей, что составляло лишь 4% всех храмов епархии. В начале XX в. проблема не была решена. В 1905 г. государственное жалование получал причт 132 церквей — $\frac{1}{5}$ всех приходов Вятской епархии²⁰.

В результате складывалась ситуация, когда взимание платы православными служителями культа часто свидетельствовало вовсе не о корыстолюбии, а о тяжелом материальном положении, которое вынуждало священников брать деньги с прихожан за отправление духовных треб. Для того, чтобы обеспечить себя и свою семью, сельское духовенство, помимо выполнения своих прямых обязанностей, занималось домашним хозяйством как все крестьяне. Священники пахали землю, косили сено, ухаживали за скотом. Разница заключалась в том, что крестьяне могли посвятить этому весь день, а священники — лишь оставшееся от духовной деятельности незначительное время. Часто православные священники испытывали материальные трудности, и в силу бедности оказывались зависимыми от прихожан и устанавливали высокую плату за отправление треб. Это, в свою очередь, влекло за собой снижение авторитета священнослужителей. Как справедливо отметил исследователь староверия А. Шапов, материальная нужда побуждала некоторых священников «переходить от одной церкви к другой — искать более выгодного места, какое многие из них решались искать и в раскольнических скитах»²¹.

Подобные факты не могли не волновать официальные власти. Вятский губернатор в качестве одной из мер по ослаблению и искоренению старообрядчества предложил назначать в приходы, где проживали староверы, священников «строгой нравственности» и только после выяснения, насколько хорошо они знакомы с сущностью учения «ревнителю древнего благочестия»²². Однако найти добропорядочных и компетентных священников для старообрядческих приходов было нелегко в связи с тяжелым материальным положением православного клира в них. Так, миссионер Павел Цвейтов в отчете за 1892 г. сообщил епископу Вятскому и Слободскому, что в Подрельском приходе сложилась крайне неблагоприятная ситуация. Местные старообрядцы гордились тем, что их наставниками являются бывшие представители церковного клира²³.

В селе Подрелье — центре старообрядчества Орловского уезда — с 1893 г. функционировала церковно-приходская школа. Местные священнослужители вынуждены были тратить все деньги на ее содержание и в результате остались без средств даже для ремонта собственных квартир. Жилище псаломщика настолько обветшало, что его следовало бы разобрать и использовать на дрова. Сопоставляя бедственное положение православных священнослужителей с собственным материальным достатком, старообрядцы осознавали свое благополучие и объясняли его «особым благословением Божиим за содержание правой веры»²⁴. Безусловно, подобные заявления способствовали еще большему ук-

реплению позиции староверов в данном селе и осложняли работу православных проповедников. Негативное влияние оказывала и текучесть кадров: «Просители бегут от этого гнезда раскола и боятся гнилой, неудобной, разваливающейся квартиры»²⁵. Место псаломщика оставалось вакантным на протяжении трех с половиной лет. Миссионер П. Цвейтов отмечал, что, если местное духовенство будет и в дальнейшем продолжать содержать подрельскую школу (расходы — 100 руб. в год, не считая средств на ремонт), то жилищные проблемы, трудности, связанные с проживанием в селе, где большую часть населения составляют старообрядцы, приведут к прекращению пополнения состава причта лицами с богословским образованием, высоконравственными священнослужителями. Миссионер просил обратить внимание на сложившуюся ситуацию Вятский епархиальный училищный совет и его Орловское уездное отделение. Отметим, что последнее не сочло возможным удовлетворить ходатайство священнослужителей села Подрелье об освобождении их от расходов на содержание школы, а обратилось в епархиальный училищный совет с просьбой выделить сумму в размере 200 руб. на ее ремонт. Таким образом, священники, миссионеры в своей деятельности сталкивались с серьезными проблемами, являвшимися следствием как противостояния со стороны старообрядцев, так и материальных трудностей. В большинстве своем — это были настоящие подвижники своего дела.

Так, нельзя не назвать имя талантливого проповедника, опытного миссионера, учителя Зубаринской братской школы Иоанна Маракулина. Как отмечал священник Николай Ергин, с прибытием И. Маракулина в центр беспоповщины Нолинского уезда — деревню Зубари — «православные ободрились, колеблющиеся утвердились в православии, раскольники присмирели»²⁶. Благодаря его пастырским наставлениям местные старообрядцы утратили былой фанатизм. В 1899 г. Иоанн Маракулин за весомый вклад в дело искоренения староверия получил благодарность епархиального начальства (о чем было выдано соответствующее свидетельство) и денежное пособие для дальнейшего ведения «противораскольнической» деятельности в размере 25 рублей. В последующем Маракулин активно занимался миссионерской деятельностью не только среди староверов, но и среди евангельских христиан²⁷.

С «неослабевающим усердием» трудился и учитель Власовской братской школы Симеон Ложкин. Благодаря его усилиям школа получила высокую оценку не только адептов официальной церкви, но и старообрядцев, которые охотно отдавали в нее своих детей. С. Ложкин успешно занимался и миссионерской деятельностью. За 19 лет работы он вернул в лоно Русской православной церкви 40 староверов. Ярким доказательством результативности труда Ложкина служит факт уважения со стороны власовских старообрядцев к официальному православию и служителям культа господствующей церкви. За многолетнюю педагогическую и миссионерскую деятельность Симеон Ложкин, по решению совета Вятского Братства Святителя и Чудотворца Николая, был представлен к серебряной медали на александровской ленте и получил денежную награду²⁸. С 1861 г. и до начала первой русской революции вятские миссионеры ежегодно присоединяли к Русской православной церкви от 31 до 450 староверов. Между тем, приведенные общие результаты миссионерской деятельности не являются высокими, поскольку численность старообрядцев Вятской губернии в рассматриваемый период варьировалась от 47 125 (1861 г.) до 97 208 (1904 г.) человек²⁹.

В целях улучшения материального положения православного духовенства, в рамках церковной реформы 60—70 гг. XIX в. был проведен ряд мероприятий. В частности, с 1864 г. при церквях стали открываться приходские попечительства для сбора средств на храм и урегулирования возникавших между причтом и прихожанами конфликтов. Однако данная мера не была эффективна. Только в третьей части приходов верующие согласились на создание попечительств, и

денежный сбор за десять лет их существования составил лишь 1,5 млн рублей³⁰. Кроме того, была предпринята попытка побудить сельские приходские общины установить местному причту определенные денежные оклады. Однако крестьяне не согласились на это ввиду собственной бедности, а также нежелания видеть священников более обеспеченными, чем они сами. На улучшение материального благосостояния духовенства был направлен указ от 16 апреля 1869 г., который предусматривал сокращение приходов и «священно-церковнослужительских» должностей. В результате претворения в жизнь названного нормативного акта в среднем численность населения в приходе увеличилась с 1600 чел. в 1853 г. до 2200 в 1880 году. Между тем, численность православного духовенства, напротив, сократилась со 113 815 чел. в 1860 г. до 98 465 в 1880³¹. Последнее обстоятельство неизбежно повлекло за собой негативные последствия, прежде всего, значительно сократилось количество строящихся храмов и возникли препятствия для образования новых приходов, что привело к ослаблению влияния церкви на православное население и созданию благоприятных условий для распространения староверия.

Среди других мероприятий, проведенных в рамках церковной реформы 60—70-х гг. XIX в., следует отметить учреждение эмеритальных касс и обществ взаимной помощи, открытие больниц и богаделен для больных и престарелых священников, приютов для сирот. Увеличился и открытый еще в 1842 г. пенсионный фонд. В его пользу с 1866 г. из жалования причта вычиталось 2%. Тогда же был установлен размер выплаты священнику за 35 лет службы — 90 руб. в год — и осиротевшим семьям духовенства — до 65 руб. в год. В 1878 г. размер пенсии увеличился до 130 руб. в год священникам и до 90 руб. их семьям. С 1876 г. пенсию получали протодьяконы, а с 1880 г. — все дьяконы³². К положительным результатам реформы можно отнести ликвидацию сословной замкнутости духовенства, реформирование духовных учебных заведений (увеличение часов на изучение специальных дисциплин и педагогики), расширение прав духовенства (оно могло собираться на съезды) и др. Однако, несмотря на все принятые тогда меры, поставленная цель (материальное обеспечение духовенства) не была достигнута. Как и накануне реформы, в конце XIX в. большая часть православного клира оставалась бедной.

Таким образом, во второй половине XIX в. православное духовенство Вятской губернии продолжало осуществлять активную миссионерскую деятельность среди местных старообрядцев, однако ее результаты были достаточно скромными. Это объясняется целым комплексом причин, среди которых — традиционное недоверие староверов к синодальной церкви, слабое финансирование миссии, а также низкий нравственный уровень отдельных представителей православного духовенства и недостаточное знание ими догматики и идеологии староверия. Попытки епархиального руководства решить обозначенные проблемы далеко не всегда были последовательными и продуманными, поэтому не позволили добиться кардинального улучшения миссионерской деятельности в регионе.

Примечания

1. СКВОРЦОВ В.М. Деяния 3-го Всероссийского миссионерского съезда в Казани по вопросам внутренней миссии и расколосектантства. Киев. 1897, с. 10.
2. ПРУГАВИН А.С. Старообрядчество во второй половине XIX века М. 1904, с. 86.
3. КОРОЛЁВ Г.И. Подмосковные старообрядцы в 1884 г. по документам жандармского ведомства. В кн.: Старообрядчество: история, культура, современность. М. 2000, с. 119—120.

4. Государственный архив Кировской области (ГА КО), ф. 237, оп. 203, д. 424, л. 9об.
5. Там же, ф. 237, оп. 15е, д. 430, л. 4об.—5об.
6. ПРОКОФЬЕВА Н.В. Старообрядцы и приходское духовенство Верхнего Поволжья в XIX — начале XX вв.: эволюция взаимоотношений. В кн.: Старообрядчество: история, культура, современность, с. 159.
7. КУСТОВА Е.В. История Вятского Успенского Трифонова монастыря. Вятка (Киров). 2012, с. 559.
8. Там же, л. 538—539.
9. ФЛОРОВСКИЙ Г. Пути русского богословия. Париж. 1988, с. 69.
10. ЗЕНЬКОВСКИЙ С. Русское старообрядчество. М. 1995, с. 435.
11. ГА КО, ф. 237, оп. 15с, д. 409, л. 24об.
12. Там же, оп. 15и, д. 345, л. 11.
13. Там же, оп. 15е, д. 430, л. 1об.
14. ПРОКОФЬЕВА Н.В. Ук. соч., с. 160.
15. ГА КО, ф. 237, оп. 203, д. 424, л. 9об.
16. Там же, ф. 811, оп. 1, д. 668, л. 4.
17. ФАРМАКОВСКИЙ М. Раскол в северной полосе Глазовского уезда. — Вятские епархиальные ведомости. 188, № 11, с. 266—272.
18. ГА КО, ф. 20, оп. 1, д. 1660, л. 1об.
19. СКУТНЕВ А.В. Православное духовенство на закате империи. Киров. 2009, с. 137—139.
20. Там же, с. 120—121.
21. ШАПОВ А. Русский раскол старообрядчества. Казань. 1859, с. 392.
22. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 797, оп. 40, д. 143, л. 7.
23. ГА КО, ф. 1125, оп. 1, д. 2, л. 9об.—10.
24. Там же, ф. 208, оп. 1, д. 787, л. 16.
25. Там же, л. 14.
26. Там же, ф. 270, оп. 1, д. 197, л. 4об.
27. МАШКОВЦЕВ А.А. Неправославные христианские конфессии Вятской губернии (60-е гг. XIX в. — 1917 г.). Дисс. канд. ист. наук. Киров. 1999, с. 125.
28. ГА КО, ф. 270, оп. 1, д. 110, л. 7—9об.
29. Там же, ф. 574, оп. 1, д. 100, л. 22; Обзор Вятской губернии за 1904 год. Вятка. 1905, с. 65—66.
30. РИМСКИЙ С.В. Церковная реформа 60—70-х гг. XIX в. — Отечественная история. 1995, № 2, с. 172.
31. Там же, с. 173.
32. РУНКЕВИЧ С.Г. Русская церковь в XIX в. СПб. 1901, с. 140—141.

ИСТОРИОГРАФИЯ

М.В. ВЛАДИМИРСКИЙ. *Красный Крым 1919 года*.
М. Изд-во Олега Пахмутова. 2016. 304 с.

Монография Михаила Васильевича Владимирского посвящена малоисследованному и чрезвычайно интересному эпизоду истории Гражданской войны в России — установлению и непродолжительному существованию Советской власти в Крыму в период с апреля по июнь 1919 года. Автор справедливо отмечает, что рассматриваемая им проблема до сих пор не являлась предметом специального исследования. Данное обстоятельство, безусловно, определяет новизну изысканий ученого.

Хронологические рамки работы относительно узки, ибо само существование «второго красного» Крыма было недолгим, всего 75 дней — в апреле-июне 1919 года. Эта кратковременность невольно навеивает ассоциации с Парижской коммуной, просуществовавшей 73 дня (в марте-мае 1871 г.). И так же, как в случае с парижскими коммунарами, события очень локальные во времени и пространстве обладали несомненной исторической значимостью, что вполне успешно доказал автор.

Работа Владимирского базируется на достаточно обширном круге источников, как опубликованных, так и неопубликованных. Автор провел работу в шести архивах, расположенных в Москве (Российском государственном архиве социально-политической истории, Российском государственном архиве экономики, Российском государственном военном архиве), Крыму (Государственном архиве Республики Крым, Государственном архиве города Севастополя), в Украине (Центральном госу-

дарственном архиве общественных организаций Украины в Киеве). Целый ряд ценных источников введен Владимирским в научный оборот впервые. В монографии также активно использованы материалы прессы, в том числе местной, крымской, мемуары участников событий из противоборствовавших лагерей.

Автор представляет полную, всеохватывающую картину событий в Крыму в указанный период, показывает военные, политические, экономические и даже бытовые аспекты жизни полуострова. С целью максимально полного освещения проблемы Владимирский придал книге особую структуру. Материал распределен по трем направлениям или, как их означает сам автор, «панорамам»: военному, политическому и панораме повседневности. Аспекты каждой из панорам детализируются в главах, которые, в свою очередь, делятся на параграфы. В целом подобная структура соответствует целям и задачам исследования. По сути, каждая из панорам может служить добротной основой для самостоятельной научной работы.

Защищая избранный подход, Владимирский пишет: «Каждая из трех панорам является самостоятельным массивом, формально независимым от остальных двух, что позволяет читателю, интересующемуся нужной темой, обращаться только к соответствующей панораме, не читая всю книгу. С другой стороны, неизбежны повторы и неудобство при получении общего представления» (с. 5). Оба суждения — за и против избранной структуры —

верны. Однако «общее представление» позволяет составить заключение к монографии, которое отличается четкостью и аргументированностью основных выводов.

Первая, военная, панорама включает четыре главы (восемь параграфов). В ней проанализированы обширные данные о наступлении красных войск на Крым, формировании и действиях Крымской Советской армии, подавлении мятежа Н. Григорьева, контрнаступлении белых войск. При изображении вооруженных столкновений Владимирский убедительно и ярко показывает сложность, многомерность событий. В Крыму, как и в других регионах России, Гражданская война не сводилась к противостоянию красных и белых (хотя оно и было «ядром» событий), но представляло собой конгломерат сложных и запутанных отношений, конфликтов, союзов и контрсоюзов. Многие описанные автором сюжеты позволяют полнее и ярче представить специфику Гражданской войны. Чрезвычайно интересен, например, эпизод о посредничестве севастопольского городского головы В.А. Могилевского в апреле 1919 г. между белым командованием и наступающими красными (с. 25).

Богатством материала и его скрупулезным анализом отличается вторая, политическая, «панорама». Здесь автор подробно изучает деятельность большевистской партии в Крыму в рассматриваемый период, создание советского правительства, а также чрезвычайно сложный национальный вопрос. В отдельную главу вполне обоснованно выделена деятельность Крымских чрезвычайных комиссий.

В третьем направлении проанализирована повседневная жизнь населения Крыма под властью красных. Это чрезвычайно интересная часть исследования, лишняя раз подтверждающая истину, что самая, казалось бы, неприемлемая для человека ситуация, вырабатывает свои нормы и правила поведения, свой быт, свои перспективы развития, идеалы и запреты.

Надо отдать должное Владимирскому — при изложении и анализе материала он соблюдает объективность, что при оценке событий Гражданской войны непросто. Впрочем, как убедительно показано в книге, власть красных в апреле-июне 1919 г. была если и не гуманна (что в условиях братоубийственной войны невозможно), то все же менее жесто-

ка, чем расправы, предпринятые сторонниками большевизма в 1918 и 1920 годах. Иногда, впрочем, автор проявляет по отношению к советским властным структурам некоторую снисходительность, жестче осуждая белых за их ошибки и упущения. Данная особенность восприятия, однако, не выходит за рамки допустимой авторской позиции и не влияет на объективность основополагающих оценок.

Наряду с несомненными достоинствами, работе Владимирского присущ ряд недостатков. Прежде всего, автор практически отказался от анализа историографии проблемы, ограничившись самыми общими суждениями о ней. При этом, характеризуя современное состояние изученности темы, он замечает: «Историки современной России почему-то безразлично отворачиваются от этой темы. Здесь не могло не сказаться и то обстоятельство, что с 1954 до весны 2014 года Крым находился под юрисдикцией Украинской ССР, а затем и независимой Украины» (с. 5). Автор прав, указывая, что в современной российской литературе история «Красного Крыма» в апреле-июне 1919 г. не получила достаточно яркого освещения. Но на каком основании высказано суждение о «безразличности» историков? В 2013 г. в Санкт-Петербурге вышла в свет монография А.С. Пученкова «Украина и Крым в 1918 — начале 1919 года. Очерки политической истории». В силу избранных автором хронологических рамок, о событиях в Крыму в апреле-июне 1919 г. приводятся очень краткие данные, но никакой «безразличности» в трактовках не наблюдается. Кроме того, как признает сам автор, его работа не свободна от повторов. Наконец, думается, справки об отдельных исторических деятелях, упомянутых в книге, могли бы быть подробнее.

Сделанные замечания носят рекомендательный характер и ни в коей мере не снижают ценности книги, которая является весомым вкладом в историографию Гражданской войны на Юге России, да и Гражданской войны в целом. Думается также, что рецензируемое исследование послужит отправной точкой для целого ряда новых работ, а также может быть с успехом использовано в высших учебных заведениях при составлении курсов по истории России XX века.

А.А. МИХАЙЛОВ

Н. DUCHHARDT. 1648. *Das Jahr der Schlagzeilen. Europa zwischen Krise und Aufbruch*. Böhlau Verlag. Wien-Köln-Weimar. 2015. 204 S.

Х. ДУХХАРДТ. 1648. *Год широких заголовков. Европа между кризисом и разломом*. Вена-Кёльн-Веймар. 2015. 204 с.

Приближается 400-летие начала Тридцатилетней войны. Эта дата стимулирует появление новых работ и новых концепций среди историков, прежде всего, Германии. Но это также означает повышенный интерес к завершению войны в виде Вестфальского мира, который не просто стал отправным пунктом создания Вестфальской системы международных отношений, но и нашел глубокое отражение в массовом сознании народов Европы. Именно этой проблеме посвящена книга известного немецкого историка Х. Духхардта, до недавнего времени бывшего президентом Общества Макса Вебера. Книга является продолжением многочисленных трудов ученого, посвященных Вестфальскому миру.

В своей новой книге автор отмечает, что в истории существуют узкие временные окна, в которых сфокусирована вся современная история, и можно привести только один пример из истории раннего Нового времени, именно 1494—1495 гг., сыгравшие роль ключевого момента для многих стран Европы. Но особенно важен по-разному понимаемый и во многом более впечатляющий год, означающий конец длительного кризиса и восстановление радостного ощущения жизни, нового порядка и смены поколений — год 1648 (с. 7). Немецкий историк не склонен оценивать Тридцатилетнюю войну с точки зрения общеевропейского кризиса. Говоря о 40-х гг. XVII в. как о годах одновременно эйфории и траура, ожидания и разочарования, он подчеркивает, что мир содрогался, но изменился неосновательно. Испания начала терять свое политическое влияние, но к этому же времени относится подъем испанской культуры. Любопытно, что первый перевод «Дон Кихота» Сервантеса на немецкий язык появился в 1648 г. (с. 20—22, 42—45, 49). Для Франции 1648 г., пишет Духхардт, не был годом триумфа, так как продолжалась война с Испанией и происходила Фронда. Но, вместе с тем, воплощалась идея Ришелье о создании союза государств во главе с Фран-

цией. Что касается Республики Соединенных провинций Нидерландов, то 1648 г. стал центральным местом национальной истории, конечным пунктом в борьбе за независимость от Испании и пиком экономического и культурного подъема (с. 51—53, 71—73).

Относительно Швеции, пишет немецкий историк, нужно отметить, что, хотя скандинавское королевство усилилось, оно оставалось на периферии. Для Московского царства важнейшей была проблема отношений не с запорожскими и донскими казаками, а с западными соседями, в первую очередь, с Речью Посполитой. 1648 г. также был непростым годом для государств Аппенинского полуострова по разным причинам. Папство в меньшей степени становилось лидером западнохристианского мира, неаполитанское восстание ослабляло Испанию, начало усиливаться герцогство Савойское (с. 135—137, 147—148).

Немецкий историк также подметил, что заключение Вестфальского мира праздновалось, в первую очередь, в протестантских землях, тогда как в католических землях мир имел «плохую прессу». Испания потеряла ставшую независимой Португалию, дестабилизация в Испании усиливалась не только восстанием в Каталонии, но и событиями в Неаполе и на Сицилии. И все-таки, поворотным пунктом 1648 г. для Испании не стал, так как продолжавшаяся война с Францией способствовала надеждам на лучшее (с. 43—45, 49). Республика Соединенных провинций Нидерландов пребывала в состоянии эйфории, и то обстоятельство, что соседняя протестантская Англия может стать в будущем соперником, еще не просматривалось в перспективе (с. 71—73). Когда протестанты праздновали, католики как обычно работали. Даже в Вене они отказались от больших театрализованных представлений (с. 156—157, 160). Характеризуя французскую прессу, а именно официальную «Gazette», Духхардт пишет, что 17 ноября и 2 декабря 1648 г.

она опубликовала резюме текстов Вестфальского мира, то есть Мюнстерского и Оснабрюкского договоров, а 13 ноября вышло отдельное издание газеты, целиком посвященное заключению Вестфальского мира. Идея Ришелье о «добром мире в христианстве» начинала выстраиваться на принципах «равновесия сил» и гарантии существования многих государств, которые по его замыслам должны были сдерживать гегемонию Габсбургов (с. 52—53).

В главе «Зеркало прессы» Духхардт пишет об усилившейся роли периодических изданий в формировании общественного мнения, а также о том, что они освещали наиболее важные события, вызывавшие интерес современников. Как подчеркивает немецкий исто-

рик, в этом смысле отличались французская «Gazette» и лейпцигская «Wöchentliche Zeitung» (с. 167, 171—179). Автор подчеркивает также, что пресса 1648 г. не носила научного и культурного характера, но оставила впечатление об этом годе, как годе ужасном (annus horribilis) и в то же время удивительном (annus mirabilis). Немецкий историк добавляет, что это был год, способствовавший расширению коммуникаций (annus communicatorius) и информации (с. 181—188).

Безусловно, книга Духхардта расширяет представления о восприятии Вестфальского мира в массовом сознании и коллективной памяти Европы.

Ю.Е. ИВОНИН

Contents

Articles: **G.A. Kondratova**. The Rurik dynasty of the Moscow period: philosophical and historical analysis. Historical profiles: **Yu.P. Solovyov**. Ivan Grigorievich Shcheglovitov. Contributions: **R.Yu. Boldyrev**, **S.I. Nevskiy**. Soviet reparation policy in Germany 1945—1953; **Ia.A. Lazarev**. The place of Ukrainian Cossack elite as part of the nobility in the first half of the 1760s.; **A.V. Tikhonova**. Participation of the Swiss in the war of 1812 year in the structure of the Great Napoleon Army. Diplomacy in history: **S.M. Gasratyan**. Relations between Israel and Morocco and crisis at Near East; **V.A. Zanina**. First Russian consulate mission on Ottoman Crete (1784—1787). People. Events. Facts: **N.M. Ignatova**. Phenomenon of strengthen and stakhanovite labor forced migrants; **R.M. Abinyakin**. Liberation of Former Officers from the Soviet Concentration Camps in 1920—1922; **O.I. Kapchinsky**. About the contradictions between the OGPU of the USSR and RSFSR People's Commissariat of Education in the field of cinematography; **D.A. Bahramov**. Development of Oil industry in Azerbaijan SSR in 1970—1980. From history of religions: **V.V. Mashkovtseva**. Missionary activity of the Ortodox clergy Viatka province among the old Believers in the second half of the XIX century. Historiography: *Reviews on books*: **M.V. Vladimirskiy**. The Red Crimea in 1919 year (by A.A. Mikhaylov); **H. Dukhhardt**. 1648. Year of wide titles. Europe between crisis and break (by Yu.E. Ivonin).

Учредитель: ООО «Редакция журнала «Вопросы истории»

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный № 894**

Главный редактор А.А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, П.А. Искендеров, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.В. Шелохаев, В.Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна
Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку
Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 3, 2017

Адрес: Редакция журнала «Вопросы истории».

Малый Путинковский пер., дом 1/2, Москва, К-6, ГСП-4, 127994.

Телефон: (495) 650-96-21. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.02.2017. Формат 70x108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. л. 18,00. Тираж 1100. Заказ 310-2017. Индекс 70145. Цена свободная.

ООО Редакция журнала «Вопросы истории»

ВИА
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**